

ISSN 0042-8779

ИВИ

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**

1

2019

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

1/2019 ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

12+

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АРХИВ XX ВЕКА

Хроника Великой Победы (1941—1945)..... 3

СТАТЬИ

И.Ф. Верещагин, Т.С. Минаева, М.С. Молодцова —
Влияние правового статуса субъектов торговой де-
ятельности на развитие торговли Русского Севера
в первой четверти XVIII в. 6

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

Д.Н. Конышев — Аграрные реформы Н.С. Хрущёва: по-
пытка концептуального осмысления 25

СООБЩЕНИЯ

Н.В. Греков — Перевербовка и использование агентуры
противника контрразведкой Красной армии в 1941—
1945 гг. 43

Б.Р. Зориктуев — Племена теле и проблема этногенеза
баргутов 68

МЕЖДУНАРОДНОЕ НАУЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

П. Морару — Из истории румынской Сигуран-
цы в Бессарабии (1918—1940)..... 84

Выходит
с 1926 года

ООО
ЖУРНАЛ
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
Москва

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

- Ю.В. Кривошеев** — Историк А.И. Яковлев и царские генералы (А.А. Брусилов, Л.Г. Корнилов, А.И. Деникин) 96

В ПОМОЩЬ УЧИТЕЛЮ ИСТОРИИ

- Д.С. Дударев, С.Л. Дударев** — Офицер Генштаба Ф.Ф. Торнау в плену у горцев 109

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

- В.Д. Камынин, А.Б. Храмцов** — Протоколы заседаний органов городского самоуправления как исторический источник (по материалам Западной Сибири 1870—1890 гг.)..... 121

- А.А. Журтова, А.А. Коновалов** — Взгляды северокавказской интеллектуальной элиты XIX — начала XX в. на российско-горское взаимодействие 129

- З.З. Кузеева** — Традиционный костюм ногайских женщин Северного Кавказа XIX — начала XX в..... 138

ИСТОРИОГРАФИЯ

- А.В. Зотова, С.Н. Полторак** — К 100-летию Брест-Литовского договора: зарубежные источники..... 150

- О.В. Белоусова** — Революция-100: реконструкция юбилея 162

- Т.А. Магсумов** — А. В. Ермошин. Закон Божий в дореволюционной светской школе: религиозное обучение в средних учебных заведениях Казанского учебного округа..... 167

- Алфавитный указатель материалов, опубликованных в журнале в 2018 году..... 171

Хроника Великой Победы (1941—1945)

«Это вранье» (21 июня 1941 г.)

Аннотация. В настоящей подборке представлено донесение штаба 11-й армии, направленное 20 июня 1941 г. в штаб Прибалтийского Особого военного округа (ПОВО). Оно содержало информацию, сообщенную перебежчиком из 13-й роты 58-го пехотного полка 6-й пехотной дивизии вермахта. Документ находится в Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации.

Ключевые слова: СССР, Великая Отечественная война, Красная Армия, вторая мировая война, Германия, нацизм, Министерство обороны Российской Федерации

Abstract. This collection presents the report of the headquarters of the 11th army, sent on June 20, 1941 to the headquarters of the Baltic Special military district. It contained information reported by a defector from the 13th roth of the 58th infantry regiment of the 6th infantry division of the Wehrmacht. The document is presented by Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation.

Keywords: USSR, Great Patriotic War, Red Army, World War II, Germany, Nazism, Ministry of Defense of Russian Federation

Чуть больше чем за сутки до нападения нацистской Германии на СССР — в 23 час. 46 мин. 20 июня 1941 г. — в штаб Прибалтийского Особого военного округа (ПОВО) было направлено шифрованное донесение штаба 11-й армии ПОВО об информации, сообщенной перебежчиком из 13-й роты 58-го пехотного полка 6-й пехотной дивизии вермахта. Документ содержал данные о переброске германских войска в район приграничного населенного пункта Сувалки с прицелом на начало массированных наступательных действий.

Шифровка была принята в 5 час. 23 мин. 21 июня 1941 г. и поступила в шифровальный отдел Округа в 5 час. 30 минут.

В документе говорилось:

«НАЧАЛЬНИКУ ШТАБА ФРОНТА.

Задержанный в ночь на 20.6.41 перебежчик 13 роты 58 ПП 6 ПД показал, что их рота стоит в ПШЕРОСЛЬ (рота 150 мм тяжелых орудий). 6 пд перебросена эшелонами в район СУВАЛКИ в конце мая из ПАРИЖА и разгрузилась в 180 км от ПШЕРОСЛЬ.

Будучи в СУВАЛКИ сообщает перебежчик в СУВАЛКИ большое количество войск в данное время все войска из СУВАЛКИ переброшены к границе.

Пехота располагается в 5 км. от границы, артиллерия на позициях, крупные танковые части перебежчик не видел.

Перебежчик показал, что немецкие части у границы окопы не копают, имея ввиду переход в наступление. По словам перебежчика военные действия начнутся через 8—10 дней. Вот уже 2 месяца, как солдат агитируют офицеры, говоря, что СССР главный враг Германии. Солдаты 50% настроены против войны».

На машинописном оригинале документа красными чернилами подчеркнут абзац о том, что «пехота располагается в 5 км. от границы, артиллерия на позициях, крупные танковые части перебежчик не видел», и слева на полях от руки характерная приписка, говорящая о степени доверия военно-политического руководства Советского Союза к информации о подготовке Гитлером нападения на нашу страну: «Это вранье».

Центральный архив
Министерства обороны,
ф. 221, оп. 1394, д. 2.

* * *

**Chronicle of the Great Victory
(1941—1945)
“This is lie” (June 21, 1941)**

A little more than a day before the attack of Nazi Germany on the USSR — at 23:46 on June 20, 1941 — the headquarters of the Baltic Special military district was sent a coded report of the staff of the 11th army of the District about the information reported by the defector from the 13th roth of the 58th infantry regiment of the 6th infantry division of the Wehrmacht. The document contained data on the transfer of German troops in the area of the border settlement Suwalki with an eye to the beginning of massive offensive.

Encryption was adopted at 5:23 on June 21, 1941 and enrolled in the cryptographic department of the District at 5:30.

The document said:

“TO CHIEF OF STAFF OF THE FRONT.

Defector of the 13th roth of the 58th infantry regiment of the 6th infantry division detained in the night of the turncoat 20.6.41 have shown that their company is in PRZEROSL (150 mm heavy artillery roth). 6th infantry division was deployed by echelons in SUWALKI at the end of May from PARIS and unloaded 180 km from PRZEROSL.

Being in SUWALKI defector reports that in SUWALKI there are a large number of troops, at this time all the troops from SUWALKI are transferred to the border.

Infantry is within 5 km. from the border, artillery took its positions, big tank units were not seen by the defector.

The defector revealed that the German units on the border do not dig trenches, referring to the transition to the offensive. According to the defector, hostilities will begin in 8—10 days. Now there is 2 months as soldiers are campaigning by officers saying that the USSR was the main enemy of Germany. Soldiers by 50% are opposed to war”.

On the typewritten original document the paragraph that “the infantry is located 5 km from the border, artillery in positions, large tank units defector not seen” is underlined by the red ink, and contained sideways hand postscript that shows the degree of confidence of the military-political leadership of the Soviet Union to information about the preparation of Hitler’s attack on the USSR: “This is a lie”.

Central Archive
of the Ministry of Defense,
f. 221, op. 1394, d. 2.

Влияние правового статуса субъектов торговой деятельности на развитие торговли Русского Севера в первой четверти XVIII в.

И. Ф. Верещагин, Т. С. Минаева, М. С. Молодцова

Аннотация. Возможности развития торговых отношений и их воздействие на экономику государства зависят от ряда факторов, в том числе и от правового регулирования торговли. В первой четверти XVIII в. происходило непрерывное изменение правового статуса субъектов торговой деятельности, что оказывало влияние на динамику торговли как всего государства, так и его отдельных регионов. Анализ законодательных норм и их последствий позволяет выявить новые причины нестабильного развития торговли на Русском Севере.

Ключевые слова: история торговли, правовой статус, субъект торговой деятельности, купечество, Русский Север.

Abstract. Opportunities for the development of trade relations and their impact on the state's economics depend on a number of factors, including the legal regulation of trade. Continuous change of the legal status of subjects of trading activity in the first quarter of the XVIII century influenced the dynamics of trade of the entire state and its separate regions. An analysis of legislative norms and their consequences makes it possible to identify new causes for the unsustainable development of market in the north of Russia.

Key words: history of trade, legal status, subject of commercial activity, merchants, Russian North.

Развитие торговых отношений зависит от многих факторов, в том числе и от правового регулирования торговли. Актуальность данной темы определяется важностью изучения правового статуса субъектов торговой деятельности в период петровских реформ, от которого во многом зависели результаты осуществляемой государственной политики. Региональный аспект исследования определяется значительным финансовым вкладом торговли Русского Севера в экономику страны в конце XVII в. (морской путь из Англии в Персию через Белое море и так называемый «Северо-Двинский торговый путь» в Волгу и Каспийское море¹). Нельзя забывать и об относительно развитой внутренней торговле между этнолокальными группами (самоедами, лопарями и зырянами) и русскими².

В первой четверти XVIII в. в связи с пересмотром целей государственной политики, начавшейся Северной войной и масштабными преобразованиями в стране, происходило изменение содержания правового положения лиц, занимавшихся торговлей.

В этот период правительство стремилось, прежде всего, увеличить количество торгующего населения для пополнения государственной казны за счет налогов и сборов, а различные административные ограничения в торговле (в том числе монополия государства на продажу товаров северных промыслов³) вели в дальнейшем к спаду в экономике Поморья.

В соответствии с Соборным уложением 1649 г. посадские жители имели преимущественное право торговли среди тяглового населения. Анализ документов начала XVIII в. показывает, что посад воспринимался как единая социальная организация, члены которой несли общие обязанности и обладали равными правами. Личный состав населения определялся, с одной стороны, наследственностью такого состояния, а, с другой, — профессиональным характером посадского дела, то есть занятием торговлей, ремеслами и промыслами. Лица, не отправлявшие тягла, не имели права на эти виды деятельности в пределах посада.

Однако политика правительства в отношении торгового населения была непоследовательной. Регламентируя внутри- и межсословные отношения, оно поддерживало приоритетное право городских жителей на занятие торговлей, ограничивая в этом отношении представителей иных социальных групп. Между тем численность купечества в России была явно недостаточной, в связи с чем можно было без посредников осуществлять обменные операции на огромной территории страны, что в свою очередь тормозило развитие торгово-денежных отношений. Повседневная практика экономических операций требовала от царской власти корректировки правовых решений.

Верещагин Илья Фёдорович — кандидат исторических наук, доцент Высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. Архангельск. E-mail: i.vereschagin@narfu.ru; *Минаева Татьяна Станиславовна* — доктор исторических наук, профессор Высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. Архангельск. E-mail: t.minaeva@narfu.ru; *Молодцова Мария Сергеевна* — старший преподаватель Высшей школы экономики, управления и права Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. Архангельск. E-mail: m.pavshinskaya@narfu.ru.

Vereshchagin Il'ya F. — candidate of historical sciences, associate professor at the Higher School of Social Sciences, Humanities and International Communication Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov. Arkhangelsk. E-mail: i.vereschagin@narfu.ru; *Minaeva Tatiana S.* — doctor of historical sciences, professor at the Higher School of Social Sciences, Humanities and International Communication Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov. Arkhangelsk. E-mail: t.minaeva@narfu.ru; *Molodtsova Maria S.* — senior lecturer at the Higher School of Economics, Management and Law Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov. Arkhangelsk. E-mail: m.pavshinskaya@narfu.ru.

Пётр I не считал занятие торговлей привилегированным правом какого-то одного сословия и не видел связи между особым правовым положением торговых предпринимателей и экономическим развитием страны. Доказательством этого является, например, именной царский указ от 2 марта 1711 г. «О предоставлении права заниматься торговлей людям всякого звания»⁴. Правительство Петра I было заинтересовано в полноте сборов с торгово-промышленного населения и проводило мероприятия, направленные на упорядочение деятельности всех лиц, занимавшихся торговлей, независимо от сословной принадлежности.

Денежные отношения все больше влияли на крестьянские хозяйства, особенно на территории Русского Севера. В результате анализа фактического материала Н. Н. Репин выделил три группы сельских жителей, которые по-разному были вовлечены в товарно-денежные отношения и обладали разным набором прав в торговой деятельности⁵.

Одна группа крестьян одновременно занималась земледелием, животноводством, добывающими промыслами и реализацией части произведенной продукции. Они продавали ее по месту жительства городским и деревенским скупщикам в незначительном количестве, чтобы получить деньги, необходимые для уплаты оброка и податей. Правительство распространяло на них правила, ограничивающие торговлю в населенных пунктах. Именно эти крестьяне производили смолу, лен, говяжье сало и другие сельскохозяйственные товары, которые экспортировались в Западную Европу с Русского Севера.

Другая группа крестьян скупала товары у непосредственных производителей и перепродавала их на торжках и ярмарках как своего уезда, так и далеко за его пределами, связывая непосредственных производителей и экспортеров. Таможенные книги г. Архангельска неоднократно фиксировали продажу крестьянами хлеба, пушнины, скота, дров, досок, смолы архангельским и холмогорским купцам. Деятельность крестьян-скупщиков вызывала многочисленные жалобы местного купечества, так как конкуренция действительно была велика. И. Посошков писал: «И сего ради, аще не учинить в сем предела, еже посторонних торговцев из господ и из прочих приказных и вотчинных людей и из крестьян не унять, то весьма обогатится купечеству не возможно и собранию пошлинной казны умножится не от чего будет»⁶.

В то же время крупные торговцы сами нанимали крестьян в качестве приказчиков и сидельцев в лавках или посредством кредита побуждали заниматься торговой деятельностью на протяжении многих лет. Так, в 1710 г. на Архангелогородской ярмарке торговало 8 крестьян и «людей» промышленника Г. Д. Строганова.

Третью группу составляли те, кто совмещал внутреннюю и внешнюю торговлю и зачастую пополнял ряды верхушки посадского населения и крупных купцов-экспортеров. По данным Репина, в 1710 г. в торговле с иностранцами в Архангельске принимал участие 91 крестьянин из 30 деревень, в том числе 35 — из сел Поморья. Они в основном продавали свои товары, а не покупали их у иноземцев. На долю поморских крестьян приходилось лишь 8% общего крестьянского товарооборота на Архангелогородской ярмарке и 2,1% от товарооборота

северных купцов, то есть участие крестьян Поморья в непосредственной торговле с иностранными купцами было весьма незначительным⁷.

Наиболее предприимчивые крестьяне, занимавшиеся внутренней и внешней торговлей, со второй половины XVIII в. будут постепенно пополнять ряды архангельского купечества. Именно из крестьян Архангельского, Двинского, Холмогорского и Кемского уездов вышли такие известные архангельские купцы, как А. Амосов, Я. Ваганов, П. Долгошеин, С. Дорофеев, А. Истомина, М. Ласкин, Е. Никулин, А. Окольников, А. Попов.

В силу специфики землевладения на Севере и благодаря сходным занятиям торговлей и промыслами посадское и крестьянское население находилось в тесном контакте. Посадские люди охотно приобретали сельские участки, необходимые для развития промыслов, способствовавших их торговой деятельности. Уездные крестьяне часто имели дворы на посадах⁸, «питались от купечества, отъезжая к разным портам и в Москву, и в сибирские города». Это привело к формированию особой категории торгующих крестьян — «купецких тяглых людей»⁹. Этот процесс носил на Севере интенсивный характер ввиду малочисленности купцов на огромной территории Поморья, которые выращенные или произведенные промыслами товары «скупить для привозу к городу не могут»¹⁰.

Как и в предшествующий период оставалось актуальным такое направление правового регулирования, как упорядочение торговой деятельности посадского населения, а также сохранение и увеличение его числа за счет притока крестьян и разночинцев. Относительно торговли сельских жителей правительство должно было определиться: либо под влиянием купцов ограничивать торговый промысел крестьян, либо использовать их деятельность в интересах государства и казны. Избранная политика не была последовательной, но главной ее задачей стало привлечение наиболее состоятельных и предприимчивых крестьян в города и превращение их в посадских жителей. Это в полной мере отвечало интересам пополнения казны.

Указы 1698—1700 гг. разрешили вступать в посады всем желающим крестьянам и разночинцам, которые держали в городах промыслы и торговали в лавках. Они попадали в посады при условии, что «имеют торги и пристойны», а также с условием платить пошлины и нести службы. «Пристойность» определялась бурмистрами, и сведения подавались в Ратушу¹¹. Тем, кто не желал записываться в посады, было запрещено заниматься городскими промыслами, чтобы не составлять конкуренцию посадским.

Если крестьянин не желал записываться в посад, его торговля ограничивалась правилами как действовавшего Соборного Уложения 1649 г., так и вновь принятых царских указов. Сельские жители не могли торговать в городах и слободах в розницу, держать лавки, погреба и прочие заведения, им разрешалось продавать свой товар только оптом с вozов и стругов¹². Эти правила сохранялись на всем протяжении царствования Петра I. Указ 1722 г. прибавлял, что крестьяне, жившие в деревнях, должны были продавать товары в города «градским посадским», а также «таких в пристани морские не допускать торговать, ежели в посад не запишутся»¹³.

В 1705—1706 г. выявились крупные нарушения прав торгового посадского населения. Во-первых, в Архангельске брали таможенную новоположенную пошлину со всех посадских, покупавших товары в городе и уезде, независимо от того, приобретали они их для перепродажи или для собственного потребления, и собирали по весне повторную пошлину с непроданных товаров, оставшихся в лавках, с которых эта пошлина уже была заплачена в прошлом году. Посадское население вынуждено было обратить внимание государя на то, что «ныне такая великая теснота и разоренье неволью на своем городе и харчевых товаров ни на рубль купить и продать без явки и без лишних пошлин не токмо иных вещей или заморских товаров», что все они «одолжали и осиротали» так, что многими их «анбарами» и лавками завладели иногородние и беломестцы, а они свои промыслы оставили и «в конец разорились»¹⁴. Во-вторых, почти во всех городах не соблюдался принцип равномерного распределения налогов в зависимости от размеров имущества и доходов, что привело к жалобам населения и принятию указа от 18 декабря 1706 г., в котором обращалось внимание зажиточных горожан на необходимость соблюдения законов и организации раскладки подати так, чтобы «убогим» не было обид от «пожиточных»¹⁵.

Несмотря на желание государственной власти пресечь правовые нарушения, положение посадского населения Русского Севера продолжало ухудшаться. Так, например, в Вологде с 1685 по 1711 г. количество посадских людей — владельцев лавок — сократилось с 212 до 144, из них владельцев крестьянских лавок — с 45 до 9. Изменения произошли в результате концентрации торговли в руках более зажиточной части посада. Практически все наиболее богатые торговые посадские семьи конца XVII в. — Оконнишниковы, Рыбниковы, Чадовы, Сычуговы и т. д. — приумножили свои капиталы в начале XVIII в. и увеличили количество принадлежавших им торговых помещений, вытеснив из торговли крестьян и мелких предпринимателей¹⁶. Кроме того, они заняли лидирующее положение среди северных купцов в торговле Архангельского порта, а их товарооборот составил 55% против 13% архангелогородцев¹⁷.

По Переписной книге Каргополя начала XVIII в. (не ранее 1712 г.) в городе насчитывалось дворов посадских людей жилых: тяглых — 20, малотяглых — 147, нищенских — 99, вдовьих, нищенских — 56. Пустых посадских — 217 дворов, 36 изб и 13 мест. Переписная книга фиксировала, таким образом, запустение посада и обнищание его населения¹⁸. В 1712 г. численность жителей посада Турчасово на р. Онеге сократилась в два раза по сравнению с серединой XVII в. и составила 137 человек. (34 забрали в рекруты и на государственные работы, 43 умерли, 27 ушли безвестно)¹⁹.

В населенных пунктах Архангельской губернии в 1710 г. число посадских дворов сократилось по сравнению с 1678 г. на 23,4% (с 4302 до 3395)²⁰.

Среди основных причин сокращения городского населения на Русском Севере — массовые наборы в армию и флот, отправка мастеровых на строительство Петербурга и принудительное переселение северных жителей. Так, по указанию царя в 1710 г. полагалось выслать из Архан-

гелогородской губернии в столицу на новое местожительства 555 семей, в том числе 23 семьи из Архангельска ²¹. Еще одной причиной стало усиление налогов и разорение малоимущих посадских людей — «обнищали, разбрелись безвестно». Постепенно все больше жителей посада отходило от торгов и промыслов, вместо этого они занимались огородничеством, пахали землю и нанимались на черные работы ²². В предложениях видных мыслителей того времени, например, И. Т. Посошкова, звучали идеи о поддержке «маломочных» городских торговцев, смягчении неравных возможностей торговцев с различным имущественным положением. Однако, как показывают источники, правительство для сохранения и увеличения числа посадского населения использовало не поощрительные, а принудительные меры.

Для поддержания состава купеческих людей был установлен запрет «выходить в другие звания и разные казенные должности», записываться в крестьяне или закладчики, прежде всего, чтобы не уменьшались государственные подати. Как и во второй половине XVII в. вновь предписывалось «всех купеческих и ремесленных людей, выбывших из посадов в крестьяне и другие разные чины», собрать и записать «в те же слободы и в тягло, из которых они отбыли» ²³.

По указу от 4 января 1709 г. «О приписке беломестцов торговых людей к посадам» предлагалось для пополнения купечества приписать в посады тех, кто «имеет торгу 100 рублей и больше». У тех, кто не желает быть в посаде или у кого небольшие торги, брать с промыслов оброк в том же размере, как и с купцов. Тем, кто не хотел платить оброк, а также служилым людям запрещалось торговать, потому что они «торгами своими у посадских людей промыслы отымают» ²⁴.

Изменение численности посадского населения и его материального положения влияло не только на объемы поступлений податей в казну государства. Обитатели посадов являлись главными участниками внешней торговли Архангельска из числа жителей поморского региона. В 1710 г. на их долю приходилось 94,1% общего товарооборота северян, принимавших участие в Архангелогородской ярмарке ²⁵. Таким образом, от благосостояния посада зависела и внешняя торговля страны.

2 марта 1711 г. Пётр I поставил перед Сенатом определенные задачи, выполнение которых было рассчитано на длительную перспективу: поиск новых источников дохода, забота о развитии внутренней и внешней торговли и т. д. ²⁶ Именной указ от 2 марта 1711 г. «О предоставлении права заниматься торговлей людям всякого звания» предписывал Сенату ради того, чтобы «денег как возможно собирать», рассмотреть вопрос о возможности предоставления всем чинам права на торговлю, «буде подлинно купецким людям никакого препятствия и обиды в торговых их промыслах от того не будет» ²⁷.

Сенатский указ от 13 апреля 1711 г. предписывал выяснить у знатных купцов, не станет ли свобода торговли препятствием в их торговой деятельности. Однако по велению Петра I такой опрос не состоялся ²⁸. Нормы сенатского указа от 1 октября 1711 г. разрешили всякого рода людям торговать всеми товарами и везде от своего имени при условии уплаты пошлин ²⁹. Причиной введения такого «вольного торгога», как справедливо отмечал И. М. Кулишер, являлись фискальные соображе-

ния, так как, не имея права торговать «своими именами», крестьяне делали это от имени купцов и не платили соответствующих сборов.

Указы 1722—1724 гг. подтверждали право записываться в посад крестьянам и «всякого рода разночинцам», торгующим в лавках и имеющим промыслы. Но вводились ограничения: желающие должны были обладать определенным капиталом — от 300 руб. и выше для записи в посад и от 500 руб. и выше, чтобы иметь право вести торговлю в портах (для Петербургского порта — 300 руб.). Размер капиталов следовало доказывать специальными таможенными записками. Дворцовым крестьянам для перехода в городское сословие также необходимо было получить разрешение Главной дворцовой канцелярии³⁰.

Возможность перейти в посадское население получили даже беглые крестьяне. Если же они, пробыв долгое время в посаде, оказывались помещичьими и дворовыми людьми, то хотя и наказывались кнутом за сокрытие своего звания, но не отдавались прежним владельцам, а записывались в посад, при условии наличия торгов на указанные суммы в 300 и 500 рублей³¹.

Таким образом, закрепляя практику перехода сельского населения в посады, указы Петра I фактически ее затрудняли, вводя высокий рублевый ценз.

Соответственно, темп вхождения крестьян в посадское население и купечество был довольно слабым. Так, например, дворцовый крестьянин Вологодского уезда А. Шапкин, размер торговли которого в Архангельске в 1710 г. превышал 28 тыс. руб., оставался в прежнем сословном состоянии до 1740 года.

Тем не менее, первые списки архангельских купцов свидетельствуют, что значительная их масса являлась выходцами из деревень, и в меньшей степени — из числа посадского населения. Первые известные переходы дворцовых крестьян в купечество относятся к 1710 г., когда шесть крестьян дворцовых деревень были записаны в верховажское купечество. Более полный учет перешедших дворцовых крестьян начался в 1722 г. после указа Петра I о записи крестьян в посады. За время с 1722 по 1764 г. в купеческое сословие было записано 205 дворцовых крестьян, входивших в Архангелогородскую дворцовую контору³². В целом процесс перехода различных категорий крестьян в архангельское купечество, как уже отмечалось выше, активизируется только во второй половине XVIII века.

Архангельский историк XVIII в. В. В. Крестинин отмечал, что «около 1705 года весь торговый капитал, по таможенным запискам, здешнего посада составлял не более как двенадцать тысяч рублей; а в то же время некоторые частные из вологодских граждан купцы, по запискам архангелогородской таможи, платили пошлину с товаров, заключающих в себе цену до шести тысяч рублей, и больше». Характеризуя положение архангельского посадского населения в 1710—1723 гг., Крестинин считал его по-прежнему неблагополучным, «ибо архангелогородское гражданство было тогда общество обременяемое, умноженными казенными службами, над питейными и соляными сборами без жалованья; оскудевающее, переносом на казенный счет главных городских товаров, сала морских зверей и смолы важеской; отягчаемое, взысканием до семи тысяч рублей казенных подушных доимки за посторонние Усольские посады, Неноксу,

Уну и Луду; изнуряемое, тогдашними действиями канцелярских судей, секретарей и приказных людей»³³.

Регулярно получая информацию в ходе переписи населения и рекрутских наборов о состоянии городов, правительство в 1720-х гг. попыталось организовать решительную борьбу со всяким перемещением посадских людей. В указе от 5 февраля 1722 г. говорилось: «Посадских переписать и которые вышли в деревни и иные места, во дворцовые и помещичьи для укрытия, всех взять в посады». Следствием нового государственного подхода к переписи населения стало увеличение числа посадских жителей Архангельска в 2,5 раза за период с 1710 по 1724 год³⁴. Необходимо признать также, что развитие внешней торговли в Архангельске стало одним из стимулирующих факторов добровольного перемещения сюда населения из других северных посадов, например, Холмогор, что было отмечено в ходе проведения переписи начала XVIII века.

Следующим указом — от 25 мая 1722 г. — Сенат предупреждал: «А купецким людям всем объявить, чтоб им без указа собою з города на город для житья не переходить и домов своих не оставлять». Главный магистрат выразил несогласие с таким положением, утверждая, что развитие коммерции немыслимо без свободы передвижения. Сенат был вынужден признать правоту магистрата и отказаться от требования запрещения переезда купцов по торговым делам³⁵.

Представители дворянства также были активно вовлечены в торгово-промышленную деятельность, но она не носила посреднического характера, поэтому их нельзя назвать профессиональными торговцами. Хотя правительство во многом подталкивало дворян к занятию коммерцией. Например, по указу 1714 г. дворянские дети, не унаследовавшие недвижимость, должны были идти на государственную службу «или в чин купеческий, или какое знатное художество». В этом случае предписывалось такие занятия «не ставить ни в какое бесчестие им и их фамилиям, ни словесно, ни письменно»³⁶. Более того, им разрешалось приобрести недвижимое имущество только после 15 лет «нахождения в купечестве или мастерстве».

В XVIII в. участие дворян в откупах монополизированных казной товаров развивалось, что давало им возможность извлекать прибыль за счет установления низких закупочных цен на приобретаемую у непосредственных производителей продукцию и продажи ее иностранцам. Для промысловиков Севера наиболее длительным и тяжелым был откуп продукции зверобойного и рыболовного промыслов, которым долгое время пользовались А.Д. Меншиков и компания (1703—1720). За весь период существования компании ее руководители ограничились только скупкой рыбы через своих местных представителей и ее монопольной продажей для максимального получения личной прибыли, не заботясь ни об улучшении промыслов, ни о развитии торговли³⁷.

В XVIII в. происходило объединение купечества в особое сословие на основе роста его экономического влияния, формирования общих интересов и черт сознания, длительной борьбы за возвышение социального и правового статуса. Городская реформа 1720-х гг. положила начало выделению из массы посадских людей гильдейского купечества, с которым слились члены привилегированных «корпораций» («гостей» и «гости-

ной сотни»), ранее стоявшие вне посадской общины. Городская реформа должна была способствовать «всемерному покровительству торговле», в том числе и путем дальнейшего юридического оформления статуса горожан. Правовые нормы были призваны регламентировать распределение податей и повинностей в соответствии с правом на имущество, состоянием и промыслом, установить новый общий для государства порядок внутреннего городского управления, единую подсудность городских обывателей, а также систему прав и преимуществ городского состояния³⁸.

Регламент Главного Магистрата от 16 января 1721 г. определил порядок деления граждан всех городов на новые категории. Более подробные правила, а также мероприятия по развитию торговли и организации купечества были разработаны в специальной Инструкции Магистратам от 19 ноября 1724 года³⁹.

Все население городов было разделено на два разряда: «регулярных» и «нерегулярных» граждан. «Регулярные» граждане в свою очередь были организованы в две гильдии. В состав I гильдии (действительных городских обывателей) входили крупное и среднее купечество и ряд городских профессионалов — лекари, аптекари, шкиперы, живописцы и др. Ко II гильдии относились мелкие торговцы и ремесленники. Все другие лица, проживавшие в городах, — дворяне, шляхетство, иностранцы, духовенство, стоявшие на службе и низший разряд городских жителей (чернорабочие и наемники) — относились к «нерегулярным» гражданам.

Существовавшая в XVII — начале XVIII в. группа привилегированного купечества — гости и члены гостиной и суконной сотен — из-за прекращения пожалований, а также разорения, фактически исчезла. Ведомость, составленная в 1715 г., зафиксировала, что из 32 гостей только половина продолжала вести торговую деятельность, а остальные были разорены. В гостиной сотне значилось 226 купцов, а сохранили торги и промыслы только 104. В Вологде, например, количество лавок гостей и гостиной сотни сократилось почти в 2 раза⁴⁰. В общем товарообороте Архангелогородской ярмарки 1710 г. доля членов гостиной сотни среди северных торговцев составляла менее 4%⁴¹. Петровские реформы, введя новую систему деления городского купечества на гильдии, включили в них эти старинные привилегированные разряды, что было юридически оформлено указами 1722—1728 годов⁴².

Единственной привилегией для купцов, записанных в гильдии, являлось впервые в истории установленное освобождение от личной рекрутской повинности, но при условии уплаты в казну по 100 руб. с человека.

Справедливо мнение Н. Варадинова, что такое разграничение купечества не соответствовало потребностям этой группы. Российские гильдии времен Петра I предназначались для удовлетворения государственных, а не частных интересов их членов⁴³. Во многом по указанной причине принцип деления городских жителей по профессиям, заимствованный Петром I из остзейского права, по мнению А.А. Кизеветтера, долго не удержался и вскоре уступил место старинному делению «по зажиточности»⁴⁴.

Таким образом, петровские реформы по профессиональному и имущественному признакам выделили особое сословие, имевшее внутреннее деление, получившее право самоуправления и доступ к участию в реше-

нии экономической вопросов. Однако по-прежнему в юридическом закреплении статуса торговцев основное внимание уделялось их обязанностям перед государством и «миром».

Двойко можно расценивать последствия привлечения российским правительством купечества, особенно «первостатейного», к выполнению различных государственных обязанностей. С одной стороны, служба помогала торговым людям обогащаться, заводить необходимые связи в государственных учреждениях, при царском дворе, благодаря чему получать откупа и подряды.

С другой стороны, служба мешала заниматься собственно торговой деятельностью, влекла за собой необходимость компенсировать государственные расходы за свой счет. Из «лутчих», «прожиточных» людей назначались или выбирались земские старосты, таможенные и кабацкие головы, целовальники и другие служащие, так как в случае недостачи или недобора по сравнению с предыдущими годами таможенных, кабацких и прочих денег разница покрывалась из карманов должностных лиц⁴⁵.

Введение новых налогов автоматически означало, что купечество получало новую служебную обязанность — «состоять при сборах» этих налогов. Естественно, купцы постоянно выражали недовольство такой системой и пытались уклониться от повинностей. В то же время некоторые указы 1713—1714 г. старались ограничивать срок пребывания торговых людей на таких должностях, а с 1722 г. и вовсе избавить их от обязанностей, связанных с восполнением недостачи за свой счет⁴⁶. В 1724 г. Сенат распорядился также организовать комплектование таможен оплачиваемыми служащими по найму⁴⁷.

Правительство нередко обращалось к купцам за различного рода информацией, советами или помощью по торговым делам. Так, например, в 1708 и 1711 г. купцы участвовали в обсуждении торговых договоров с Англией и Голландией⁴⁸. Летом 1701 г. в грамотах на имя двинского воеводы А.П. Прозоровского Пётр I просил указать русским людям и иноземцам на необходимость быть осторожными и готовыми к отпору шведам, беспокоился о сохранении товаров и имущества. Также велел воеводе спрашивать советов «всяческих чинов торговых русских людей и иноземцев», как «пристойнее к лутчему»⁴⁹. Иностранцы сообщали необходимые для военных целей сведения и сами предлагали нанять матросов у корабельщиков с английских и голландских кораблей, взять боты и необходимые припасы с возмещением стоимости из государственной казны⁵⁰.

Можно выделить еще одно направление торговой политики Петра I. Власти, заинтересованные в увеличении торговых оборотов, побуждали русское купечество организовывать торговые компании, ориентируясь на правовые конструкции западноевропейского предпринимательства. Необходимость административного вмешательства можно объяснить словами И.Т. Посошкова: «... купечество у нас... друг друга обманывает... и между собою союза ни малого не имеют, друг друга ядят, и тако вси погибают»⁵¹.

Государственная власть основное внимание уделяла развитию промышленных или торгово-промышленных компаний. Однако существовали акты, касавшиеся учреждения и деятельности исключительно

торговых объединений, занимавшихся в большинстве случаев внешней торговлей.

27 октября 1699 г. появился первый из указов Петра I, посвященных созданию компаний. Его положения предписывали: «... купецким людям торговать так же, как торгуют иных государств торговые люди, компаниями и чинить отпуски товарами в компаниях городу Архангельскому, в Астрахань и через Новгород... отчего надлежит быть в сборах Его Великого Государя казны пополнению»⁵². Здесь видны отличия от положений Новоторгового Устава, пытавшегося при создании объединений учитывать в первую очередь интересы купечества. Правительство Петра I стремилось к обеспечению гарантированного и доходного сбыта российских товаров и как следствие — быстрому «пополнению» казны. Однако никаких иных правовых основ существования таких «компаний» указ не содержал. Равно как и иные акты, принимавшиеся позднее. Эти правовые предписания не привели к самостоятельному развитию русских внешнеторговых компаний, так как для этого не было достаточных экономических и социальных оснований.

Единого нормативного правового акта, регулировавшего организационно-правовые формы компаний и внутренние отношения в них, тогда не существовало. На основе изучения индивидуальных актов можно предположить, что порядок их создания был следующим. Инициаторам из числа частных лиц было необходимо подать роспись в Коммерц-коллегию о том, сколько человек и кого именно они хотели бы взять в компаньоны, а также другие сведения по организации и управлению компанией. Коммерц-коллегия после рассмотрения доносила о том в Сенат, который принимал решение, нуждающееся в одобрении императора⁵³.

Для развития внешней торговли предпринимались попытки создания отдельных компаний при участии государства. Так, Именным указом от 4 августа 1724 г. под управлением Коммерц-коллегии была учреждена компания «для торгу с Испаниею» по примеру Ост-Индской⁵⁴. Способности русского купечества в торговле оценивались низко, поэтому Коммерц-коллегия должна была организовать эту компанию, «понеже всем известно, что наши люди ни во что сами не пойдут, ежели не приневолены будут», и в ней быть «как мать над дитятем во всем, пока в совершенство придет». Учитывая недостаток капиталов для осуществления торговли, предполагалось оказывать ей помощь кораблями, матросами и деньгами, а «еще для сильнейшего вспоможения и содержания сей компании надлежит до котораго класса сверху определить, дабы каждой во оной свой пай имел, положе большее и меньшее, которое последнее повинен давать»⁵⁵. Предполагалось организовать подобную компанию для торговли и с Францией, но дело ограничилось только посылкой русских казенных судов с товарами в порты этих государств.

Таким образом, в условиях государственного инициирования учреждения компаний законодательство о предпринимательских объединениях носило преимущественно фискально-административный характер и находилось в начале своего развития.

Говоря о правовом положении торговых людей в России первой четверти XVIII в., разумеется, необходимо обратить внимание на изменение правового статуса иностранных коммерсантов. Правила Новоторгового

устава 1667 г. относительно ограничения внутренней торговли иноземцев оставались неизменными до 1724 года. Однако в период преобразований Петра I потребность в контактах с ними неизмеримо возросла, а, соответственно, изменилась и политика государства, что отразилось в законодательстве.

Перед Петром I стояла цель сделать Россию сильной и независимой страной в экономическом, политическом и военном плане. Правительство остро нуждалось в деньгах для создания армии и флота, их современного оснащения, развития промышленности. Такие средства, причем в европейской валюте, казна могла получить от продажи за границу особо ценных русских экспортных товаров. Для успешной торговли необходимы были связи с государствами Европы, а также опытные посредники и представители интересов казны.

Иностранцы привлекались в качестве специалистов для ускоренной модернизации. Они являлись поставщиками необходимых материалов, оружия, военного снаряжения, механизмов, инструментов, книг и других товаров. В условиях нехватки времени, отсутствия собственных представителей за рубежом, недостаточного развития отечественной внешней торговли и промышленности эти задачи могли быть решены только при участии западноевропейских купцов. Именно они составляли преобладающую часть иностранных приезжих в Архангельск. По подсчетам В.Н. Захарова, за период с 1693 по 1726 г. их число составило 540 человек⁵⁶.

Уже в конце XVII столетия в договорах России с рядом европейских стран оговаривалось взаимное право подданных на свободную торговлю⁵⁷. Немаловажную роль в привлечении иноземцев сыграло Великое посольство 1697—1698 гг., а также Манифест от 16 апреля 1702 г. о свободном доступе в Россию иностранцев. В Манифесте прямо говорилось о причине принятия этого и многих других актов: «... дабы наши подданные могли тем более и удобнее научиться поныне им неизвестным познаниям и тем искуснее становиться во всех торговых делах»⁵⁸.

Большинство европейских купцов торговало только в приграничных портах, в основном в Архангельске. Это было связано с созданными на протяжении второй половины XVII в. ограничениями для коммерции на внутреннем рынке, что делало ее невыгодной. Иностранные купцы могли торговать, только обладая специальными жалованными царскими грамотами, уплачивая 10-процентную проезжую пошлину и 6-процентную пошлину с цены товара при его продаже. Вывод о том, что с середины 80-х гг. XVII в. иностранцы предпочитали не выезжать за пределы беломорского порта, в какой-то мере подтверждается счетными выписями Архангельской таможни. В.Н. Захаров доказывает, что в 1710 г. отпустили свои товары в «верховые города» всего 12 торговых иноземцев из 94, участвовавших в Архангелогородской ярмарке⁵⁹. Иностранцев продолжала привлекать торговая деятельность в глубине России, поскольку цены там были более выгодными, чем в Архангельске. Они заключали контракты с русскими купцами на поставку продукции, сами скупали на внутреннем рынке пеньку, юфть, меха, холсты, конский волос, добывались у правительства жалованных грамот на закупку товаров, находившихся в казенной монополии.

Русское правительство активно использовало иностранных купцов в качестве своих агентов за рубежом для закупки продукции и реализации казенных товаров. Например, в Амстердаме с 1703 г. таким посредником был Иван Ван дер Бург, с 1705 г. — Х. Брант и т. д. Кроме того, иноземцы нужны были правительству для получения информации военного, политического и экономического характера ⁶⁰.

Они также являлись поставщиками товаров, необходимых в тот период времени государству или царскому двору. К началу XVIII в. из числа западноевропейских коммерсантов, постоянно проживавших в Москве, выделилась группа численностью не менее 10—12 чел., которые активно сотрудничали с казной и правительством ⁶¹. Голландцы К. Брантс и Я. Любс организовывали поставки холодного и огнестрельного оружия для русской армии. Англичанин А. Стейлс поставлял сукно для обмундирования и оснастку для военных кораблей. Гамбуржец М. Поппе привозил необходимые русской казне ефимки ⁶². Все эти предприниматели осуществляли свои внешнеторговые операции через Архангельск.

За импорт требуемой продукции и иные услуги государству или Петру I лично иноземцы могли рассчитывать на льготы и привилегии на внутреннем рынке. Правительство было заинтересовано не только в дальнейших взаимовыгодных отношениях, но и в платежах в казну золотом и серебром. В эпоху Петра I не делалось специального предпочтения купцам какой-либо одной страны, нации или торговой компании, как это имело место в XVI—XVII веках.

В начальный период петровского правления количество жалованных грамот, выдаваемых от царского имени торговавшим иноземцам, существенно увеличилось, а также стало более разнообразным их содержание. Срок действия колебался от 5 до 12 лет. Предоставляемое право торговли на внутреннем рынке могло быть универсальным или ограничивалось определенным видом товара и регионом. В основном грамоты выдавались на исключительное право закупки и экспорта товаров, монополизированных казной.

Льготы универсального характера давались довольно редко. Примером такого рода является выданная 18 сентября 1702 г. жалованная грамота голландской купеческой семье Гутманов. Они имели право торговать в Москве, Вологде, Новгороде, Ярославле, держать суда для транспортировки товаров, их дворы освобождались от постоя ⁶³.

В свой первый приезд в Архангельск в 1693 г. Пётр I часто посещал иностранных купцов. И. Ферколен открыл ему «главные основания и тайнства торговой науки, во внешних куплях и продажах товаров», за что был пожалован грамотой в знак благодарности за «открытие неизвестных дел к Коммерции» ⁶⁴. В 1700 г. жалованная грамота была дана голландцу Я. Тесингу на импорт и продажу карт и книг, в 1699 г. — голландцам Брантсу и Любсу на закупку и экспорт овечьей шерсти и т. д. ⁶⁵.

Иностранцы часто получали от правительства на откуп обеспеченное государством монопольное право торговли на внутреннем рынке теми или иными товарами, которыми ранее могла торговать только казна. Нередкой была отдача откупов по результатам торгов. Тем самым все прочие иностранные коммерсанты, а также русские купцы, скупавшие экспортные товары у мелких торговцев или непосредственных про-

изводителей для отправки за рубеж, лишались возможности торговать ими. Р.И. Козинцева, проанализировав состав купцов, бравших товары на откуп, пришла к выводу, что абсолютное большинство из них были иностранцами ⁶⁶. Так, например, в 1693—1704 гг. голландец Д. Хартман получил право на скупку и вывоз за границу леса ⁶⁷, в 1695 г. немец М. Поппе — на закупку ревеня в Сибири ⁶⁸, в 1700—1705 гг. англичанин А. Стейлс пользовался «смоляным откупом», а с 1708 г. — монопольным правом на производство пороха в России ⁶⁹. В 1703 г. голландцы Адольф и Иван Гутманы получили привилегию на закупку 15 тыс. четвертей ржи в городах Русского Севера, в том числе в Вологде, Тотьме, Великом Устюге, и вывоз ее в Голландию в течение 1703—1704 годов ⁷⁰. Откупа иногда предоставлялись и русским купцам, имевшим для этого достаточно средств. Так, в 1703—1711 гг. торговля льняным семенем передавалась на откуп вологодским предпринимателям Григорию и Ивану Оконнишниковым, а в 1711—1716 гг. — архангелогородцу Матвеем Мостинину ⁷¹.

В меньшей степени иностранцам выдавались царские грамоты на монопольную торговлю импортными товарами на внутреннем русском рынке ⁷². Впечатляющим примером такого рода являлась деятельность в России в 1698—1704 гг. специально созданной английской табачной компании «The Adventurers in the Russia Tobacco Trade». Большая часть товара поступала в страну через Архангельск и распространялась через агента компании К. Гутфеля ⁷³.

Таким образом, в первом десятилетии XVIII в. превалировали интересы правительства по привлечению средств для проведения преобразований, а не поддержка отечественных купцов.

Пётр I равным образом не жаловал русских и иностранных торговцев, которые не выполняли условий договора на предоставленный откуп. В таком случае правительство отнимало выданные ранее привилегии и постепенно переоценивало свое отношение к подобным отдам. Так, указом от 1 февраля 1704 г. в отношении англичанина Карла Гутфеля отмечалось, что он не вывез положенного числа бочек смолы и причинил этим казне убытки, за что последовала отмена ранее установленных для него льгот, и он должен был уплатить пошлинные деньги как обычный иноземный купец ⁷⁴.

Неудача контракта с Гутфелем не остановила правительство в дальнейшем использовании смоляного откупа как быстрого способа получения казной денег. Даже после формальной ликвидации казенной торговой монополии голландец Херман (Еремей) Мейер в 1723—1724 гг. заключал откупные договоры на торговлю смолой и принес казне прибыль в размере 45 тыс. и 40 тыс. рублей соответственно ⁷⁵.

Льготы, предоставленные иностранцам в России, приводили к их проникновению на внутренний рынок и доминированию во внешней торговле страны. Так, товарооборот западноевропейских купцов на Архангелогородской ярмарке в 1710 г. составлял 92%. Однако уже к концу первого десятилетия XVIII в. практически все торговые откупа были отменены правительством.

Согласимся с мнением Захарова о существовании нескольких причин для изменения политики Петра I в этом отношении ⁷⁶. Дела иноземцев, получивших откупа, шли не настолько успешно, насколько ожидалось,

соответственно, государственная власть не получала того объема платежей, на который рассчитывала. Со временем правительству стал очевиден вред от введения монополий в той или иной отрасли торговли, что вело к ее упадку и снижению установленных отчислений в казну. Примером может служить ситуация, когда в 1700—1702 гг. русские купцы доставляли в Архангельск для продажи иноземцам до 5 тыс. пудов щетины ежегодно. С 1703 г. Брантс и Любс получили монопольное право на закупку щетины в Архангельске и в этом году закупили лишь 2 тыс. пудов. В следующие годы вывоз щетины не достиг прежнего уровня, а к 1709 г. сократился до 498 пудов. И если в 1703 г. откупщики внесли в казну 2173 ефимка, то в 1708 г. — только 400 ⁷⁷. В итоге эту привилегию правительство отменило еще до истечения срока договора.

Еще одной причиной сокращения числа выдаваемых жалованных грамот на торговлю стало появление к середине первого десятилетия XVIII в. постоянных российских торговых агентов за рубежом. К тому же к началу второго десятилетия XVIII в. перестала быть острой нужда в импорте целого ряда товаров для военных целей, так как удалось наладить собственное производство. Соответственно, правительству стало невыгодно предоставлять иноземцам торговые привилегии. Льготы продолжали получать только иностранцы, сотрудничавшие с казной либо в финансовой сфере, либо в строительстве новой столицы. А в 1719 г. правительство вообще ликвидировало большинство казенных монополий по торговле ценными экспортными товарами ⁷⁸.

Таким образом, во втором десятилетии XVIII в. исчезали универсальные льготы иностранцам, привилегии ограничивались определенным регионом, число монопольных откупов значительно сократилось.

Льготная политика проводилась Петром I и в отношении российских купцов. Так, например, для ликвидации зависимости внешней торговли России от иностранных перевозок предлагались специальные льготы тем торговцам, которые доставляли товары на отечественных кораблях, а тем более участвовали в их строительстве. Купцы гостиной сотни Осип и Фёдор Баженины из Холмогор вблизи своего города на р. Вавчуге построили первую в России крупную частную верфь. Пользуясь постоянной поддержкой Петра I и получив от него субсидии и привилегии, в 1700 г. Баженины заложили 2 коммерческих судна и одновременно построили канатный, прядильный и парусный заводы для выработки такелажа. Жалованной грамотой от 2 февраля 1700 г. Пётр I удовлетворил все просьбы купцов Бажениных «за желательное их к нам... усердное радение и к корабельному строению тщание... дабы в нашей державе то корабельное строение множилось» ⁷⁹. Царский указ повелел купцам в своей вотчине «для отпуску от города Архангельского и за море указных товаров, корабли и яхты строить иноземцами и Русскими мастерами повольным наймом из своих пожитков». В качестве льгот им разрешалось также «принимать и держать свободно шкиперов, штурманов и матросов как из иноземцев, так и из русских, которые «похотят у них на кораблях для науки морской службе быть». Царь разрешал располагать на готовых кораблях «для опасения от воровских людей пушки и зелье», ввозить беспошлинно из-за моря все нужные для корабельного дела припасы. Воеводам и бургомистрам указывалось ни в чем Бажениным «возбранения» и «помеша-

тельства не чинить», «в службы не выбирать». А самих Бажениных и их наследников относить к «именитым людям гостиной сотни». Они вторыми после Строгановых среди северного купечества получили звание «именитых людей». Все эти привилегии давались с целью привлечения частного капитала в строительство торгового флота.

В 1724 г. Бажениным было заказано сделать за государственный счет 3 корабля по описаниям самого императора⁸⁰. Основанная братьями Бажениными верфь успешно функционировала до 1783 г., и на ней было построено 120 торговых и промысловых судов по заказу русских и иностранных предпринимателей.

С 1724 г. государство пыталось побудить русских купцов к активному мореплаванию на собственных торговых судах. Одним из таких инструментов стали пошленные привилегии по Морскому торговому регламенту и Таможенному тарифу 1724 года. Однако масштабного результата от применения таких экономических мер не последовало.

Подводя итоги, можно констатировать, что проводимые государством изменения правового статуса субъектов торговой деятельности в первой четверти XVIII в. были обусловлены, прежде всего, задачей обеспечения государственного фискального интереса. В начале века правительство стремилось увеличить количество торгующего населения путем разрешения «свободного торга» для всех желающих. Одновременно росла интенсивность участия государства в торговых отношениях, когда оно выступало как первый и часто единственный скупщик импортных товаров, обладатель монополии на реализацию наиболее ценных товаров, которую отдавала на откуп исходя исключительно из своих фискальных интересов. Потребности военного времени, а также низкий уровень организации и финансовая слабость отечественной купеческой торговли определяли отношение правительства к иностранным коммерсантам: в начале века для них расширились возможности получить торговые льготы, привилегии, откупа казенных монополий. Подобная политика, осложняемая налогами и повинностями тяглового населения в условиях военного времени, быстро вела к разорению большинства посадов северных городов, сокращению численности их населения, уменьшению количества торгующих крестьян и увеличению участия во внешней торговле Русского Севера иностранных предпринимателей. Одновременно происходило расслоение отечественного купечества и концентрация внутренней и внешней торговли в руках наиболее зажиточной его части.

Учитывая негативные явления предшествующих лет, но все еще продолжая использовать торговлю в основном не как средство экономического развития, а как источник бюджетных поступлений, Пётр I со второго десятилетия XVIII в. начал законодательно регулировать развитие посадов и формирование торгового сословия, проявляя некоторую заботу и о положении отечественного купечества. Непоследовательность принимаемых государственных решений замедляла процесс развития торговли в городах Русского Севера и накопление капиталов, осложняла переход зажиточных крестьян в купечество. Несмотря на рост посадского населения Архангельска к концу первой четверти XVIII в., внешняя торговля порта продолжала находиться в руках иностранцев, материальное благосостояние городского торгового населения оставалось невысоким. Сре-

ди отечественных купцов из северных городов в архангельской внешней торговле продолжали лидировать вологодские и каргопольские купцы. Только введение все больших ограничений на торговлю для Архангельского морского порта вызвало искусственный отток этих коммерсантов в Санкт-Петербург. Архангелогородцы, за редким исключением, осуществляли мелкую торговлю. Комплекс дискриминационных мер в отношении Архангельского порта 1713—1724 гг. вызвал «великое оскудение» жителей Архангельской губернии и соседних территорий⁸¹, разорение местных купцов и жалобы иностранных торговцев, что стало еще одним доказательством бессистемности политики Петра I при регулировании правового положения субъектов торговой деятельности в России.

Примечания

1. ЛУКИН Ю.Ф. Двинская земля: в поисках идентичности. — Арктика и Север. 2014, № 17, с. 100. URL: http://www.arcticandnorth.ru/upload/iblock/5c1/08-_lukin.pdf.
2. VERESHCHAGIN I.F., ZADORIN M.Y. Ethnopolitical Landscape of Arkhangelsk Governorate at the turn of the century: the end of XIX — the beginning of XX centuries (based on the materials of the diocesan press). — *Bylye Gody*. 2017, vol. 45, is. 3, p. 1044—1062. URL: http://bg.sutr.ru/journals_n/1504273354.pdf; DOI: 10.13187/bg.2017.3.1044; EID: 2-s2.0—85028918675.
3. ЗАЛЫВСКИЙ Н.П. Экспортно-импортная экономика северных регионов России на перекрестке международных санкций: практика прошлого и настоящего, геополитика компромисса. — *Арктика и Север*. 2017, № 28, с. 40. URL: http://www.arcticandnorth.ru/upload/iblock/35a/03-_Zalyvskiy.pdf.
4. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Т. IV. СПб. 1830, № 2327, с. 642.
5. РЕПИН Н.Н. Участие «разночинцев» во внешней торговле России XVIII века. — *Торговля и предпринимательство в феодальной России*. М. 1994, с. 253.
6. ПОСОШКОВ И.Т. Книга о скудости и богатстве. М. 1951, с. 116.
7. РЕПИН Н.Н. Участие купечества Европейского Севера во внешней торговле через Архангельск в первой четверти XVIII в. В кн.: *Материалы по истории Европейского Севера СССР: северный археографический сборник*. Вологда. 1973. URL: <https://www.booksite.ru/trade/main/trade16/8.htm>.
8. КИЗЕВЕТТЕР А.А. Русский Север. Роль Северного края Европейской России в истории Русского государства. Вологда. 1919, с. 54.
9. Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 397, оп. 1, д. 475, л. 1; ТАРЛОВСКАЯ В.Р. Торговые крестьяне в конце XVII — начале XVIII века. Автореф. дис. канд. ист. наук. М. 1978.
10. РГАДА, ф. 397, оп. 1, д. 474, л. 60б.
11. ПСЗ РИ. Т. III. СПб. 1830, № 1666, с. 530—531; № 1706, с. 653—654; № 1723, с. 671—672.
12. Там же, т. IV, № 1775, с. 18—19.
13. Там же. Т. VII. СПб. 1830, № 4312.
14. КРЕСТИНИН В.В. Краткая история о городе Архангельском. СПб. 1792, с. 201—203.
15. ПСЗ РИ, т. IV, № 1227, с. 358—359.
16. ГУСЛИСТОВА А.Н. Торговое общество Вологды конца XVII — начала XVIII веков. В кн.: *Европейский Север в судьбе России: общее и особенное исторического процесса: матер. науч. конф.* Вологда. 2005, с. 83—90. URL: http://business.vkk.edu.ru/ist_volpr/pr/torg/torg_vkr/07.htm.
17. РЕПИН Н.Н. Участие купечества Европейского Севера во внешней торговле через Архангельск в первой четверти XVIII в.
18. ОВСЯННИКОВ О.В. Люди и города средневекового Севера. 1971. URL: <http://litlife.club/br/?b=269549&p=13>.

19. ПОБЕЖИМОВ А.И. Заселение и хозяйственное освоение Северного Поонежья в середине XVI — начале XVIII вв. Дисс. канд. ист. наук. Петрозаводск. 2014, с. 205. URL: <https://disser.spbu.ru/files/disser2/disser/pobejimov.pdf>.
20. КЛОЧКОВ М.В. Население России при Петре Великом по переписям того времени. Т. 1. СПб. 1911, с. 72.
21. ОВСЯНКИН Е.И. Архангельск купеческий. Архангельск. 2000, с. 19.
22. КИЗЕВЕТТЕР А.А. Русский город в XVIII в. В кн.: Исторические очерки. М. 1912, с. 244—246; ЕГО ЖЕ. Местное самоуправление в России IX—XIX ст. М. 1917, с. 90—91; ПРИГОРА Л.П. Опыт истории состояния городских обывателей при Петре Великом. — Журнал Министерства народного просвещения. 1867, № 7, с. 671—735; СЫРОМЯТНИКОВ Б.И. «Регулярное» государство Петра I и его идеология. М.—Л. 1943, с. 143.
23. ПСЗ РИ, т. IV, № 2220, с. 439—440.
24. Там же.
25. РЕПИН Н.Н. Участие купечества Европейского Севера во внешней торговле через Архангельск в первой четверти XVIII века.
26. ГРАДОВСКИЙ А.Д. Собр. сочинений. Начала русского государственного права. Т. 7. Ч. 1. СПб. 1901, с. 200—203; КАМЕНСКИЙ А. Российская Империя в XVIII веке: традиции и модернизация. М. 1999, с. 76, 106, 114.
27. ПСЗ РИ, т. IV, № 2327, с. 642; КУЛИШЕР И.М. История русской торговли и промышленности. Челябинск. 2003, с. 302.
28. КНЯЗЬКОВ С.А. Очерки из истории Петра Великого и его времени. СПб. 1914, с. 406.
29. ПСЗ РИ, т. IV, № 2433.
30. Там же, т. VII, № 4312, 4318, 4566; АНИСИМОВ Е.В. Пётр Великий: личность и реформы. СПб. 2009, с. 300.
31. ПСЗ РИ. Т. VIII. СПб. 1830, № 4612, 5953.
32. ОВСЯНКИН Е.И. Ук. соч., с. 33.
33. КРЕСТИНИН В.В. Ук. соч., с. 5, 13.
34. ОГОРОДНИКОВ С.Ф. Очерк истории города Архангельска в торгово-промышленном отношении. СПб. 1890, с. 176.
35. ПСЗ РИ. Т. VI. СПб. 1830, № 3898, с. 500; АНИСИМОВ Е.В. Время петровских реформ. Л. 1989, с. 234.
36. ПСЗ РИ. Т. V. СПб. 1830, № 2789, с. 91.
37. ОГОРОДНИКОВ С.Ф. Ук. соч., с. 183.
38. ПСЗ РИ, т. VI, № 3708, 4624; ПЛОШИНСКИЙ Л.О. Городское или среднее состояние русского народа, в его историческом развитии. От начала Руси до Новейших времен. СПб. 1852, с. 170—195.
39. ПСЗ РИ, т. VII, № 4624, с. 388—391.
40. АНИСИМОВ Е.В. Время петровских реформ, с. 132—133; ГУСЛИСТОВА А.Н. Ук. соч.
41. РЕПИН Н.Н. Участие купечества Европейского Севера во внешней торговле через Архангельск в первой четверти XVIII в.
42. ПСЗ РИ, т. VIII, № 5300.
43. ВАРАДИНОВ Н. Гильдии (историко-юридический очерк). СПб. 1861, с. 84—85.
44. КИЗЕВЕТТЕР А.А. Городовое положение Екатерины II 1785 г.: Опыт историч. коммент. М. 1909, с. 182.
45. ДЕМКИН А.В. К вопросу о преемственности торговых капиталов XVII в. (по материалам г. Торжка). В кн.: Промышленность и торговля в России XVII—XVIII вв. Сб. статей. М. 1983, с. 169.
46. ПСЗ РИ, т. V, № 2711, с. 54; № 2805, с. 103; № 2878, с. 138; т. VI, № 3875, с. 478—479; № 3960, с. 649.
47. ПСЗ РИ, т. VII, № 4477, с. 265.
48. Там же, т. IV, № 2447, с. 751; Письма и бумаги императора Петра Великого Т. VII. Вып. 1. Пг. 1918, с. 119, 449—451.
49. Государственный архив Архангельской области (ГА АО), ф. 1025, оп. 1, д. 1407, л. 6—7.
50. Там же, л. 3; РГАДА, ф. 141, оп. 8, д. 174, л. 1.
51. ПОСОШКОВ И.Т. Ук. соч., с. 17.
52. ПСЗ РИ, т. III, № 1706, с. 653—654.
53. Там же, т. VI, № 3710.

54. Там же, т. VII, № 4540, с. 332.
55. БАТРОВА Т.А. Правовое регулирование внешнеторговой деятельности в XVIII в. — История государства и права. 2011, № 3, с. 11—14.
56. ЗАХАРОВ В.Н. Западноевропейские купцы в российской торговле XVIII века. М. 2005, с. 42.
57. ПСЗ РИ, т. III, № 1589, с. 326—329.
58. Там же, т. IV, № 1910.
59. ЗАХАРОВ В.Н. Западноевропейские купцы в России. Эпоха Петра I. М. 1996, с. 149.
60. ПСЗ РИ, т. III, № 1686, с. 614—615; ГА АО, ф. 1, оп. 1, т. 1, д. 1; ф. 1025, оп. 1, д. 879.
61. ЗАХАРОВ В.Н. Западноевропейские купцы в российской торговле XVIII века, с. 331.
62. РГАДА, ф. 19, оп. 1, д. 1, ч. 10, л. 209; ф. 158, оп. 1. 1705 г., д. 89; ф. 340, оп. 1, д. 363, л. 2; Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 4. Вып. 2. СПб. 1900, с. 1183. Т. 5. СПб. 1907, № 1508; Доклады и приговоры Правительствующего Сената, состоявшиеся в царствование Петра Великого. Т. 3. Кн. 1. СПб. 1887, № 101; ЗАХАРОВ В.Н. Западноевропейские купцы в российской торговле XVIII века, с. 330.
63. ПСЗ РИ, т. IV, № 1911; РГАДА, ф. 276, оп. 2, д. 553, л. 2—2об.
64. КРЕСТИНИН В.В. Исторический опыт о внешней торговле государя императора, Петра Великого от 1693 года по 1719 год. В кн.: Василий Васильевич Крестинин. Труды. Творческая биография. Библиография: (сборник). Архангельск. 2007, с. 360.
65. ПСЗ РИ, т. III, № 1628, с. 447; № 1637, с. 457; т. IV, № 1751, с. 6—8; № 1881, с. 178; № 1911, с. 195; № 1932, с. 216; № 2044, с. 301; № 2094, с. 341; № 2137, с. 367; № 2255, с. 479; № 2268, с. 480; ВЕЛУВЕНКАМП Я.В. Архангельск. Нидерландские предприниматели в России 1550—1785. М. 2006, с. 201.
66. КОЗИНЦЕВА Р.И. Участие казны во внешней торговле России в первой четверти XVIII века. — Исторические записки. 1973, № 91, с. 331
67. ПСЗ РИ, т. III, № 1633, с. 452—453; ВЕЛУВЕНКАМП Я.В. Ук. соч., с. 168—170.
68. РГАДА, ф. 233, оп. 1, д. 453, л. 68—69.
69. ЗАХАРОВ В.Н. Западноевропейские купцы в российской торговле XVIII века, с. 190; КОЗИНЦЕВА Р.И. Ук. соч., с. 298.
70. ЗАХАРОВ В.Н. Иностранцы купцы и их дворы в Вологде в XVII — первой четверти XVIII века. — Вологда: ист.-краевед. альманах. Вологда. 2000, вып. 3, с. 97—132. URL: http://business.vkk.edu.ru/ist_volpr/pr/torg/ino_kup/03.htm.
71. ЧУЛКОВ М.Д. Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах от древних времен до ныне настоящего. Т. 1—2. СПб. 1782, с. 27, 44.
72. ПСЗ РИ, т. III, № 1628, с. 447; № 1637, с. 457; т. IV, № 1881, с. 178; № 1911, с. 195; № 1932, с. 216; № 2044, с. 301; № 2094, с. 341; № 2137, с. 367; № 2255, с. 479; № 2268, с. 480; ВЕЛУВЕНКАМП Я.В. Ук. соч., с. 174.
73. ПСЗ РИ, т. III, № 1628, с. 447—450; № 1637, с. 457; т. IV, № 2001, 2002; БОГОСЛОВСКИЙ М.М. Пётр I: Материалы для биографии. Т. 2. М 1941, с. 376—380; ЗАХАРОВ В.Н. Западноевропейские купцы в российской торговле XVIII века, с. 335—336; Донесения и другие бумаги чрезвычайного посланника английского при русском дворе Чарльза Витворта с 1704 по 1708 год. — Сб. РИО. СПб. 1884, т. 39, с. 6.
74. ПСЗ РИ, т. IV, № 1925, с. 210.
75. МИНАЕВА Т.С. Россия и Швеция в XVIII в.: история таможенной политики и таможенной системы. Архангельск. 2009, с. 51.
76. ЗАХАРОВ В.Н. Западноевропейские купцы в российской торговле XVIII века, с. 338—340.
77. РГАДА, ф. 248, оп. 3, д. 75, л. 61—70.
78. ПСЗ РИ, т. V, № 3252, 3428.
79. Там же, т. IV, № 1749, с. 3—5.
80. ГА АО, ф. 1, оп. 1, т. 1, д. 12, л. 333—333об., 386—386об.
81. ЧУЛКОВ М.Д. Ук. соч., с. 104.

Аграрные реформы Н.С. Хрущёва: попытка концептуального осмысления

Д. Н. Конышев

Аннотация. Данная публикация представляет собой попытку рассмотрения аграрных реформ периода «оттепели» 1953—1964 гг. с точки зрения таких показателей, как понятие реформ, причины их начала (объективные и субъективные факторы), обусловленность времени начала и завершения преобразований, наличие продуманного плана реформирования. Отдельно приводится анализ действий политического лидера и рассматривается вопрос борьбы за власть как фактора реформирования советского общества. Перечислены основные меры преобразований аграрной сферы экономики. Кроме того уделяется внимание восприятию реформ в обществе, их итогам и критериям оценки эффективности проведенных преобразований.

Ключевые слова: реформы, деревня, сельское хозяйство, «оттепель», советское общество, крестьянство.

Abstract. The given publication represents attempt of consideration of agrarian reforms of the period of “thaw” 1953—1964 from the point of view of such indicators, as concept of reforms, the reasons of their beginning (objective and subjective factors), conditionality of time of the beginning and end, presence of a deliberate plan of reforming. The analysis of actions of the political leader and a race for power question as the factor of reforming of the Soviet society is separately resulted. The basic measures of transformations of agrarian sphere of economy are resulted. Also the attention to perception of reforms in a society, to their results and criteria of an estimation of efficiency of the spent transformations is paid.

Key words: reforms, village, agriculture, “thaw”, the Soviet society, peasantry.

1953—1964 гг. вошли в историю как период реформ, связанных с именем Первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущёва. Аграрные преобразования стали одним из основных направлений деятельности государства. Сам термин «аграрные реформы Хрущёва» хотя и грешит субъективизмом, но достаточно точно отражает роль главы партии в советской политической системе.

Конышев Денис Николаевич — кандидат исторических наук, доцент Волго-Вятского института (филиала) Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). Киров. E-mail: Denis-Konyshev@mail.ru.

Konyshev Denis N. — candidate of historical sciences, associate professor at the Volgo-Vyatskiy Institute (branch) of Moscow State Law University named after O.E. Kutafin (MSAL). Kirov. E-mail: Denis-Konyshev@mail.ru

Тематика реформ как способов изменений российского общества и государства, как своеобразного исторического феномена является одной из активно изучаемых проблем в отечественной историографии. Выделяются в качестве отдельных аспектов для изучения реформы Ивана Грозного, Петра I, Екатерины II, Александра II, С. Ю. Витте, П. А. Столыпина, Н. С. Хрущёва, А. Н. Косыгина, М. С. Горбачёва, Б. Н. Ельцина и другие. Заметим, что большинство преобразований и в исторических трудах, и в общественном сознании так или иначе имеют личностный отпечаток — соотносятся с именем какого-либо государственного деятеля (наиболее часто — главы государства), что свидетельствует о такой особенности российских реформ, как необходимый импульс со стороны высшего руководства или крупной исторической личности.

Зачастую реформы преподносятся как альтернатива революции в качестве способа преобразования общества. В то же время существует термин о «революционности» реформ, который при таком подходе подразумевает глубину и кардинальность преобразований, при этом несколько выходящая сам термин «революция». Действительно, если реформы могут быть революционными, то закономерен вопрос: а в чем же тогда отличие между двумя данными терминами кроме резкости и плавности их проведения?

Однако, несмотря на значительный интерес исследователей к реформированию в российской истории, обобщающих трудов, объясняющих реформу как закономерное явление развития российского общества и государства с древности до наших дней, не так много. Среди них можно назвать попытку А. В. Летенко проследить российские хозяйственные реформы ¹, сборник «Судьбы реформ и реформаторов в России» ², а также 4-томное издание «Реформы в России с древнейших времен до конца XX в.» Исследования периода «оттепели» представлены в трудах Ф. М. Бурлацкого ³, А. В. Пыжикова ⁴, Ю. В. Аксютин ⁵, Д. А. Ванюкова ⁶, М. Добсон ⁷.

Если говорить об опыте осмысления именно аграрных реформ периода 1953—1964 гг., или реформ Н. С. Хрущёва, то здесь также есть многочисленные попытки изучения данного исторического опыта. К ним относятся работы И. Е. Зеленина ⁸, В. А. Шестакова ⁹, Н. Л. Роговиной ¹⁰, В. Н. Томилина ¹¹, С. В. Андреевкова ¹², И. В. Русинова ¹³, В. А. Ильиных ¹⁴ и др.

Термин «реформа» зачастую употребляется как синоним преобразований, представая подчас альтернативой революции как способу изменения общества в ту или иную (зачастую лучшую) сторону. При этом и реформы, и революции имеют определенные причины, вызывающие их явление обществу. Российские философы понимают реформу как «рационально планируемую практическую акцию, выступающую ответом общества на вызов времени» ¹⁵. При таком определении в понимании реформ закладываются признаки рациональности и спланированности. По мнению В. В. Шелухаева, по своему смыслу «реформа» означает эволюционное изменение во вполне определенной сфере жизни, когда речь идет именно об осознанном понимании необходимости осуществления объективно назревших изменений качественного характера ¹⁶.

Изменения в сельском хозяйстве начались после смерти И. В. Сталина (отправной точкой здесь может служить сентябрьский пленум 1953 г.). Но в полной мере инициативы Хрущёва раскрылись после утверждения его единоличного лидерства в 1957 г., разгрома «антипартийной группы» и удаления от власти бывших соратников.

В отношении данных реформ очень интересен вопрос относительно того, не опоздали ли они. Можно сформулировать его иначе — а была ли возможность начать преобразования на селе раньше, то есть при жизни Сталина? Ведь к 1953 г. российская деревня переживала далеко не лучшие времена. Судя по различным источникам, вождь в последние годы жизни был осведомлен о состоянии дел в деревне. В начале 1952 г. В. М. Быков, являвшийся студентом МГУ, направил на имя Сталина письмо, содержание которого было доложено советскому лидеру: «За последние годы во многих колхозах выдали по 200—160 гм хлеба на трудодень. Если учесть, что из остальных продуктов выдают только кое-что (как, например, у меня на родине в деревне Боровая Старицкого района Калининской области), то ясно, что жизнь многих дворов крайне тяжела. Некоторые прямо жалуются на тяготы. Да и всякому постороннему человеку бросается в глаза резкое различие между городом и деревней. Я понимаю, что немецкое нашествие — это одна из главнейших причин, затруднивших развитие деревни... Но только одна... Нужно предпринять что-то радикальное». Колхозница О. П. Жиделева из Курганской области 3 ноября 1952 г. так описала свою жизнь в письме на имя вождя: «Работаю круглый год и притом без выходных дней. Дочь тоже прошлый год работала. А заработать на пропитание не можем. Двое у меня детей еще школьников. Как их учить? И чем кормить? Не знаю. Нечем. За год я заработала около 500 трудодней, а получила на них 140 кг потому, что 200 кг вычли за какой-то прошлый долг. Дочь окончила 3 класса учебы, и из-за недостатка питания я вынуждена отдать ее в город в няньки, одевать тоже нечем. На трудодни денег не дают. От продажи молока деньги идут на налоги и покупаем муку, чтобы пропитаться. Остальные двое детей... вынуждены бросить школу. Потому что нет питания, нет одежды и обуви. Очень плохи у нас дела в колхозе»¹⁷.

Реальное положение дел с оплатой труда в колхозах на примере одного из регионов — Кировской области (не затронутой боевыми действиями в годы войны) — выглядело следующим образом. В среднем по области оплата трудодня в колхозах в 1940 г. составляла 1720 г зерна и 38 коп., в 1946 г. — 497 г и 34 коп., в 1947 г. — 778 г и 30 коп. соответственно¹⁸. В последнем предвоенном году более 75% колхозов региона выплачивали на трудодень от 0,7 до 2 кг зерна¹⁹. Через 2 года в тыловом регионе, не охваченном войной, оплата трудодня зерном была в среднем в 2,2 раза меньше довоенной. При сравнении денежной оплаты трудодня в среднем по РСФСР к концу 1953 г. Госплан отмечал, что она составляет меньше, чем в 1940 г., вследствие увеличения обязательных платежей государству, роста расходов и отчислений на общественные нужды²⁰. В. Ф. Зима аграрную политику конца 1940 — начала 1950-х гг. определил как «второе раскулачивание»²¹.

Несмотря на тяжелое положение сельского хозяйства, позиция Сталина была далека от желания что-либо пересматривать. В 1952 г. он внес

предложение увеличить налог на колхозы и колхозников, подняв его до 40 млрд. руб., и тем самым увеличить вдвое доходы от сельского хозяйства²². На Пленуме ЦК КПСС в октябре 1952 г. вождь в ответ на предложения А. И. Микояна не повышать сельхозналог говорил: «Мужик — наш должник. С крестьянами у нас крепкий союз. Мы закрепили за колхозами навечно землю. Они должны отдавать положенный долг государству»²³. Обозначив таким образом свою позицию по отношению к крестьянству, Сталин должен был отдавать себе отчет, что невозможно списывать все беды деревни на последствия войны через 7 лет после ее окончания. Е. Ю. Зубкова считает, что всем новым идеям и предложениям в последние годы жизни Сталина была уготована незавидная участь, если эти идеи покушались на главные постулаты сталинской доктрины: государственную собственность, централизованный контроль, недопущение усиления влияния частного интереса²⁴.

Понимание тогдашних реалий советской деревни позднее озвучил В. М. Молотов, объясняя необходимость налогов следующим образом: «Приходится со своих же брать, с рабочих, с крестьян приходилось тянуть очень много. Говорят, сады уничтожили, — они были обложены все, потому что на этих фруктовых садах в пригородных районах получали доходы дополнительные, с них можно было кое-что брать — обложили. А вы найдите другой способ. Надо чем-то жить государству!»²⁵

По мнению В. А. Ильиных, Сталин «воспринимал сформировавшийся в ходе массовой коллективизации аграрный строй как утвердившийся “всерьез и надолго”, поскольку, считал он, применительно к российским условиям такой аграрный строй оптимально отвечал решению стоящих перед страной геостратегических задач»²⁶.

4 июня 1947 г. были приняты указы «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» и «Об усилении охраны личной собственности граждан»²⁷, по которым ужесточалась уголовная ответственность за хищение нескольких килограммов зерна, за раздачу хлеба по трудодням раньше выполнения плана хлебозаготовок.

2 июня 1948 г. по инициативе Хрущёва вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР «О выселении в отдаленные районы лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности и ведущих антиобщественный, паразитический образ жизни»²⁸. Хрущёв так объяснял его принятие: «... во многих колхозах имеются еще отдельные лица, которые упорно не желают приобщаться к общественно-полезному труду»²⁹. Всего по СССР в 1948—1952 гг. по данному указу было выселено 33 266 человек³⁰.

В свете подобных государственных мер возможность старта аграрных преобразований в последние годы жизни Сталина представляется маловероятной. Этот фактор невозможности начала реформ до марта 1953 г. можно считать объективно-субъективным. Субъективным — так как возможность изменений или их отсутствие всецело определялось волей политического лидера. Объективным — так как такова была советская политическая система, в которой вождь должен быть не просто прав, а прав абсолютно, иначе он уже не может называться вождем.

Стоит отметить и тот факт, что руководство страны было не готово на протяжении всего периода «оттепели» кардинально пересматривать или отменять колхозную систему, поэтому изначально все реформы были

определены ее рамками. Тон подобным ограничениям задавался и самим населением: отмечая тяжелое положение деревни и ставя вопрос о необходимости изменений, в письмах во власть равнодушные граждане открыто не говорили об отмене колхозов или несовершенстве советской экономики. Депутат Курского областного совета М. Ивашечкин в 1952 г. направил на имя Генерального секретаря ЦК письмо, в котором, подчеркнув «большую заботу всей партии, всего народа о наших колхозах», главной причиной бедственного положения называл низкие урожаи, состояние трудовой дисциплины, плохую работу МТС, нехватку квалифицированных кадров, указывал даже на низкий уровень культуры колхозного крестьянства, но не на колхозную систему как первооснову такого состояния дел ³¹.

Объективным подтверждением необходимости реформ в советском обществе и в аграрной сфере как его части можно считать демографическую ситуацию. По мнению В. А. Исупова, выработанного на основании изучения колебания численности поколений, «Россия стояла на пороге очередного демографического кризиса, который был предотвращен только смертью Сталина» ³². Уменьшение населения деревни в первые послевоенные годы было закономерным явлением, связанным в первую очередь с войной, приведшей к массовой гибели людей, отложенным бракам и рождением. Это время вряд ли можно признать благоприятными и для роста численности сельского населения: этому не способствовали такие факторы, как голод 1946—1947 гг., участие сельских жителей в восстановлении районов, разрушенных войной, приоритетное развитие промышленности, требовавшей новых рабочих рук, поставляемых главным образом из деревни. Мощным фактором, сдерживавшим рост числа рождений, можно считать нищенский уровень жизни в деревне.

Согласно О. Л. Лейбовичу, преемники Сталина были согласны между собой в том, что экономическое положение страны является крайне неудовлетворительным, когда налицо был симптом надвигающейся экономической, а с нею и социальной катастрофы — нехватка хлеба. Корень зла правители страны находили в запущенности сельского хозяйства ³³.

Начало преобразований аграрной сферы советского общества условно связывается с Пленумом ЦК КПСС, проходившим в сентябре 1953 года. До этого времени члены коллективного руководства были заняты обустройством власти и определением собственного положения в ней. Вряд ли проведение в жизнь данных инициатив можно считать личной прерогативой Хрущёва: к сентябрю 1953 г. он не являлся единоличным и полноправным лидером и был вынужден считаться с мнениями других членов коллективного руководства. Поэтому принятие новых решений в отношении сельского хозяйства, многие из которых шли с подачи Г. М. Маленкова в сентябре 1953 г., можно считать объективно необходимым. Иными словами, аграрные реформы периода «оттепели» имели под собой весомые основания.

Причинами начала преобразований стало бедственное положение деревни (голод 1946—1947 гг., низкая оплата трудодней, миграция из села, вырубка садов, нехватка сельхозтехники, уменьшение числа трудоспособного населения колхозов, убыточные заготовительные цены на сельхозпродукцию). К 1953 г. по некоторым областям уровень развития

сельского хозяйства был ниже довоенного. Например, заготовка зерновых культур по колхозам Волго-Вятского региона (являвшегося в годы войны тыловым и не понесшим прямых потерь от военных действий) в 1952 г. составляла только 81,8% от довоенной: если в 1940 г. было собрано 67 797 тыс. пудов, то в 1952 г. — 55 444 тысяч³⁴.

Наблюдался рост антиколхозных настроений³⁵. Так, колхозник П.К. Воронов Куменского района Кировской области писал в 1950 г. заместителю Председателя Совета Министров СССР А.А. Андрееву: «... мне необходимо... поведать Вам о нашей колхозной жизни, так как она мне кажется очень ненормальной. Я коммунист, но по некоторым вопросам стал даже не согласен с политикой нашей партии»³⁶. Появлялись и антиправительственные высказывания. Д.В. Дураков, рабочий завода им. Артёма (Киев), в июле 1947 г. заявил: «... нашим правителям, видно, не нужен народ потому, что нет ни хлеба, ни продуктов. Гибнут люди, а правительство об этом не беспокоится, мучается рабочий от недостатка питания». Надежда Нигашова, колхозница села Макаров Яр, в августе 1947 г. говорила родственникам: «... народ сейчас прямо такой расстроенный, столько хлеба на токах было и все вывезли. А получать мне по 500 гм так обидно, столько потратили сил и ничего не заработали. Столько неправды, нет настроения больше работать...»³⁷

Можно согласиться с Бурлацким в том, что Хрущёв представлял положение дел в деревне и необходимость его срочного изменения³⁸. Действительно, к 1953 г. за плечами у Первого секретаря был не один год стажа работы в высших эшелонах власти. Он должен был отдавать себе отчет и в том, что нехватка продовольствия подрывает авторитет советской власти и ставит под сомнение завоевания социализма. При этом стоит признать, что основные взгляды Хрущёва на аграрную сферу сложились при Сталине: еще в 1951 г. вышла его статья «Об агрогородах»³⁹. И хотя он после критики вождем изложенных в ней взглядов поспешил отказаться от них и даже покаяться, признав, что «все выступление в целом, в своей основе является неправильным»⁴⁰, в дальнейшем, получив всю полноту власти, получил и возможность реализовать свои идеи.

В свете нехватки продовольствия через 8 лет после окончания войны у руководства страны не было времени на тщательную разработку плана реформирования — менять ситуацию нужно было срочно. Требовалось накормить страну хотя бы хлебом в самые сжатые сроки. Продумать и тщательно разработать план преобразований было невозможно по причине особенностей советской политической системы и борьбы за власть. Если с именем Маленкова крестьяне связывали послабление к деревне, а Молотов выступал за преимущественное освоение традиционных районов, то Хрущёву нужно было показать преимущество своей программы, утвердить себя в роли нового и полноправного лидера. В Советском Союзе к 1950-м гг. отсутствовали традиции планомерной передачи власти от одного главы государства к другому. Кроме того, после смерти Сталина внутри созданной им системы, в рамках которой предстояло выбрать нового лидера, по определению не могло быть равнозначной ему фигуры. Именно поэтому любой новый лидер после ухода с политической арены вождя нуждался в утверждении собственной легитимности.

Окончательное закрепление режима личной власти Хрущёва произошло к июню 1957 года. Именно с этого момента он стал полноправным лидером и мог принимать все решения без оглядки на бывших соратников. Многие меры, проведенные в аграрной сфере в первой половине 1950-х гг., были разработаны с подачи Маленкова, занимавшего пост Председателя Совета Министров СССР. Судя по опубликованным письмам Молотова в ЦК, в высшем руководстве существовали разные мнения относительно направленности и методов реформ, но проигрыш в политической борьбе снял с повестки дня мнения оппонентов Хрущёва⁴¹, программа преобразований которого оказалась «более правильной» во многом потому, что он стал победителем в политической схватке.

1957 г. служит своеобразным водоразделом периода «оттепели». Интересно, что если в 1957 г. в целом по стране наблюдался рост оппозиционных настроений, то крестьяне демонстрировали определенное социальное спокойствие⁴². С другой стороны, вследствие отсутствия в СССР легитимной системы утверждения нового политического лидера Хрущёв должен был постоянно доказывать преимущество выбранного им пути развития. Д. Т. Шепилов относительно работы Первого секретаря сказал: «... для своего общественного признания она должна была, во всяком случае, дать не меньшие и не худшие плоды, чем реформаторская деятельность Сталина. Ты недоволен, ты гневаешься! Ты клеймишь прошлое, ты втоптываешь в грязь Сталина — ну, что ж, покажи, на что ты сам способен. И показать это нужно было не на словах, а на деле. Вексель рано или поздно нужно оплачивать»⁴³. Говоря о методах реформ, нужно учитывать, что Хрущёв, сформировавшийся как государственный деятель в сталинское время, не сомневался в преимуществах социализма, колхозной системе и плановой экономике. «Если говорить обо мне, я являюсь продуктом сталинской эпохи»⁴⁴, — как-то заявил он. По мнению К. А. Юдина, со смертью Сталина «ушла целая эпоха, представлявшая собой особое, уникальное социокультурное измерение, внутренняя жизнь, ритмы и направление развития которого практически всецело зависели от убеждений одного человека», а начало 1950-х гг. «... можно рассматривать как один из самых значительных рубежей не только в истории советского государства, но и всего мирового сообщества»⁴⁵.

Иными словами, Хрущёву предстояло действовать только в рамках созданной Сталиным системы. И методами аграрных реформ стали административный нажим, энтузиазм, кампанейщина.

Одной из кампаний оказалась кукурузная эпопея для решения кормовой проблемы. Нетрадиционная для большинства районов культура внедрялась практически в каждом колхозе, даже на севере. Лучше кукурузы для животноводства, по словам Хрущёва, ничего не было⁴⁶. По некоторым регионам тем временем половина и более посевов кукурузы были неудовлетворительного качества, либо вообще не давали всходов⁴⁷. В результате государство несло большие затраты, что приводило к уменьшению посевов традиционных культур.

Преодолению тяжелого положения с зерном должно было помочь освоение целины. Решение «О дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель» было принято на Пленуме ЦК КПСС, проходившем 23 февраля — 2 марта 1954 года.

В результате, при больших затратах на технику и строительство в новых районах в сжатые сроки был получен рекордный урожай. Историки до сих пор спорят о целесообразности данного шага: «В период “целинной лихорадки” имеющиеся в стране ресурсы расплылись по огромной стране, не позволяя поднять агрокультуру на интенсивный уровень. Сельское хозяйство было ориентировано на экстенсивный путь развития»⁴⁸. По мнению В.М. Кудрова, именно при освоении целины советское сельское хозяйство из отрасли-донора превратилось в отрасль-реципиента, и «... дав зримый эффект лишь в течение первых трех лет, в целом политика освоения целинных земель провалилась»⁴⁹. Целина, по нашему мнению, может служить примером ограниченности реформ во времени, когда требовалась немедленная отдача. С другой стороны, на фоне жутких картин голода и сопряженных с ним социальных бед невольно встает вопрос: а была ли цель получения немедленного результата в аграрной сфере оправданной в тех исторических условиях?

В 1957 г. был выдвинут лозунг «Догнать и перегнать США» по производству мяса, масла и молока на душу населения. Советский лидер полагал, что «в ближайшие годы мы можем достигнуть производства мяса в стране до 20—21 миллиона тонн ежегодно, что и обеспечит нам решение поставленной задачи — догнать Соединенные Штаты Америки... По молоку задача должна быть достигнута в течение года»⁵⁰.

На самом деле за 1940—1960 гг. отставание по производительности труда в сельском хозяйстве СССР от США возросло в 1,5—2 раза, а по численности населения, приходящейся на одного занятого в аграрной сфере, — с 1,7 до 3,9 раз. Также в СССР существовала высокая трудоемкость сельхозпродукции⁵¹, а, согласно мнению Кудрова, нерыночная экономика без механизма борьбы производителей за потребителя и потребителей за производителя не могла конкурировать с развитой рыночной экономикой стран Запада⁵².

Предполагаемый уровень производства продуктов питания так и не был достигнут. Сдаваемый скот зачастую был более низкого качества, чем в личных хозяйствах. Были случаи принудительной отдачи продуктов населением. В анонимном письме из Горьковской области отмечалось: «Лукояновский райком КПСС выдвинул новый метод развития животноводства. В районе установили план сдачи мяса государству всем районным организациям и учреждениям: пожарной команде — 2 тонны мяса, промартели 5 т., райсобесу 5 т., районо 2 т., депо станции 15 т. и т.д. Всего по городу разверстано около 1000 т. ... Каждому работнику придется вырастить не менее 1 головы скота на 100 кг или осенью сдать мяса 50—60 кг. Рабочих и служащих предупреждают: где угодно доставай мясо, в противном случае не рассчитывайте на дальнейшую работу»⁵³. В 1964 г. производство мяса по стране было ниже 1958 г., «революционный надрыв» подорвал сырьевую, производительную базу, вызвал кризис⁵⁴.

Стремление догнать Америку привело и еще к одной кампании — ограничению личного подсобного хозяйства населения. Роль здесь сыграла идеология (в свете строительства коммунизма огороды с ручным и тяжелым трудом выглядели малоубедительно) и — в духе сталинских традиций — стремление заставить крестьян основные силы отдавать общественному труду. Благоприятным периодом для личных подсобных

хозяйств стало время 1953—1958 г.: были уменьшены налоги, личное подворье выступало основным аграрным производителем наряду с колхозами и совхозами. В результате кампании власти требовали прекратить содержание скота, а потом произошло и уменьшение земли в приусадебном хозяйстве. Как итог — снижение доходов всех категорий граждан от ЛПХ в несколько раз. Однако колхозы и совхозы не нуждались ни в сданном скоте, ни в землях, отрезанных от личного подворья, — у них просто не было средств для их содержания. Скот пошел под нож, земельные отрезки оставались заброшенными, а колхозы не могли обеспечить продовольствие в необходимом объеме. Согласно мнению некоторых авторов, в данном конкретном случае марксистско-ленинские догмы вступали в прямое противоречие с потребностями жизни, что было совершенно непонятно рядовым гражданам, инициативу и труд которых ограничивали из-за каких-то «заумных» и абсолютно неубедительных теорий⁵⁵.

К 1959 г. темпы роста в животноводстве замедлились⁵⁶. В 1960 г. официальная статистика признала, что если в 1960 г. на душу населения в СССР производился 41 кг мяса, то в США — 99, а молока — 287 и 317 кг соответственно⁵⁷. В мясо-молочной кампании и ограничении ЛПХ проявилась как забота о народе, так и сталинский нажим.

В 1958 г. было проведено упразднение машинно-тракторных станций. Реформа замышлялась как передача техники из МТС колхозам, ликвидация двух «хозяев» на одной земле, соединение производителей сельхозпродукции со средствами производства. Колхозы были вынуждены выкупать технику у государства в короткий срок, что привело к изъятию необходимых средств на государственные нужды⁵⁸. К началу 1959 г. в целом по РСФСР 66,7% хозяйств выкупили технику. 94% сельскохозяйственных машин, продававшихся колхозам, были далеко не новыми⁵⁹. Реформа МТС также может свидетельствовать о подходе к деревне как к источнику выкачивания средств.

В 1953—1964 гг. возросли капиталовложения в деревню. Например в Марийской АССР капиталовложения в сельское хозяйство в 1953 г. составили 2,4 млн. руб., а в 1963 г. — 6,8 млн. (больше в 2,8 раза), неделимые фонды колхозов увеличились с 21,9 млн. до 71,9 млн. (в 3,3 раза). Однако это не гарантировало такой же рост показателей в сельском хозяйстве: урожай зерновых по данному региону снизился с 6,7 цент. с гектара до 5,5 центнера⁶⁰.

В середине 1950-х гг. наступил новый этап укрупнения колхозов и их преобразования в совхозы. Здесь сказались взгляды Хрущёва, выраженные им ранее в статье «Об агрогородах». Крупное сельскохозяйственное производство виделось со всех сторон выгоднее мелкого: менее затратным, лучше управляемым, с большими возможностями по развитию инфраструктуры. В укрупнении хозяйств, как и в ограничении личного подворья, проявилось сталинское наследие Хрущёва — стремление к большему контролю экономики.

Ежегодно с 1957 по 1960 г. исчезало примерно по 10 тыс. ранее укрупненных колхозов, а укрупнение совхозов в период с 1952 по 1962 г. увеличило средние размеры их посевов в 3 раза⁶¹. Преобразование колхозов в совхозы влекло за собой превращение крестьянина в сельскохозяйственного рабочего. По СССР общее число колхозов, реорганизованных

в совхозы, превысило 13 000, что составляло более 15% всех колхозов страны ⁶². С экономической точки зрения создание совхозов себя не оправдало: в 1959 г. 70—75% совхозов, созданных из колхозов, оказались убыточными ⁶³.

Укрупнение и преобразование колхозов повлекло за собой объединение населенных пунктов. Важную роль здесь сыграло стремление к благоустройству села: строить школы, больницы, клубы было легче в крупных поселениях. Многие жители ликвидируемых деревень стремились перебраться в город, происходил постепенный перелив рабочих рук в промышленность, а жителей из сел — в города. Особенно стремилась к переезду молодежь, что неизбежно вело к «старению» села. В 1960—1964 г. в город переместилось около 7 млн. чел., что вызывало нехватку рабочих рук на селе. О крестьянском укладе и переезде крестьян из родных мест не думали, все было подчинено интересам производства.

Возможно, во всех кампаниях сказалась забота Хрущёва о народе. А то, что сам народ о методах этой заботы не спрашивали, так ведь, как отмечал И. В. Русинов, «наше сельское хозяйство страдало, как правило, не от нехватки реформ, а от неумения руководства разных уровней прислушаться к голосу масс» ⁶⁴.

Ключевым изменением в руководстве сельским хозяйством стало создание колхозно-совхозных управлений и деление в 1962 г. партийных и советских органов на сельскохозяйственные и промышленные. Это привело к удорожанию содержания управленческого аппарата, путанице в управлении. Была ослаблена роль центральных органов управления. Современник происходящего Микоян говорил: «... сколько же органов новых Хрущёв придумал, сколько старых распустил, перестроил! ... Потом и новые распускал и создавал другие. Людям на местах... невозможно было уследить за этой чехардой. И невозможно работать нормально» ⁶⁵. Пыжиков объяснял такое деление как «один из шагов в общем контексте преодоления в партии культа личности» ⁶⁶.

Реформы Хрущёва не были тщательно спланированы и продуманы. В ходе их реализации добавлялись все новые положения. Социалистическая идеология и советский строй выглядели неубедительно при отсутствии достаточного количества хлеба и угрозы голода. Хрущёв должен был действовать немедленно для сохранения политической системы и недопущения экономического краха. Кроме того, в стране, где элементарно не хватало продовольствия, требовалось доказать ее преимущества по сравнению с Западом.

Аграрные реформы той поры — уникальное явление в мировой практике: в условиях плановой экономики и отсутствии понятия о прибыли и рентабельности государство могло позволить себе организовать целину и сажать кукурузу независимо от климатических условий и затрат.

Интересным может считаться вопрос — а были ли реформы аграрной сферы этого периода закончены? Ведь практически сразу после отставки Хрущёва его бывшие соратники стали действовать во многом от противного — сворачивать кампании, возвращать крестьянам отрезки от личных огородов. Чем тогда считать такую политику — контрреформами? По мнению А. Н. Медушевского, «последовательная смена реформ и контрреформ — вообще характерная черта русского исторического

процесса нового и новейшего времени. Чем глубже и серьезнее попытка реформ, тем вероятнее возможность контрреформ»⁶⁷. При таком подходе приходится признать, что наиболее важные реформы в деревне — изменение отношения к крестьянству со стороны государства, ликвидация МТС, укрупнение колхозов и их перевод в совхозы, сселение небольших деревень, предоставление крестьянам социальных гарантий, превращение их в сельскохозяйственных рабочих, импорт зерна — пережили Хрущёва, давая о себе знать и в последующий период.

Закономерен и такой вопрос: а стоило ли продолжать реформы в том же духе или все-таки реформаторский потенциал Хрущёва оказался исчерпан? Практически до самого своего смещения советский лидер разрабатывал все новые проекты аграрных преобразований, представляя их в виде записок в Президиум ЦК. Последняя подобная записка была подана в июне 1964 года⁶⁸. Это может служить косвенным показателем того, что отведенный историей Хрущёву срок истекал, и он сам понимал, что замыслы реформ далеки от их практического воплощения.

Несмотря на все усилия, общество к 1964 г. было далеко не в восторге от аграрных преобразований. Символами недовольства стали события в Новочеркасске, безболезненная отставка Хрущёва, не вызвавшая широкого общественного резонанса. Согласно В.А. Козлову, феномен растущей неприязни населения СССР к «популисту» Хрущёву в первой половине 1960-х гг. не исчерпывался событиями в Новочеркасске и включал в себя многообразные и многочисленные формы народного негодования, в том числе и угрозы террористических актов⁶⁹.

Никита Сергеевич продолжал верить в огромные мобилизационные силы советской системы, а причины ее сбоев виделась ему в «маленьких недостатках механизма»⁷⁰. Символом веры Первого секретаря в адекватность и успех проводимых преобразований стало и провозглашение скорого построения коммунизма в 1961 г.⁷¹, сделанное на фоне нерешенной продовольственной проблемы через 8 лет после смерти Сталина.

Согласно Ю.В. Нечипас, мощный позитивный заряд аграрных реформ, созданный решениями сентябрьского пленума и последующими законодательными актами, был в основном исчерпан к концу 1950-х годов. И здесь сказались непродуманность ряда решений и директив, медлительность по преодолению недостатков и издержек, выявившихся в ходе реформирования⁷².

Первый секретарь не мог распустить колхозы, пересмотреть основы землепользования или увеличить частную инициативу в деревне. А раз реформы заведомо не выходили за рамки колхозной системы и плановой экономики, представляя собой попытку их улучшения, то вопрос об их революционности не ставится.

Отдельной важной проблемой можно считать вопрос эффективности реформ, определения четких критериев их пользы для общества. По мнению Шелухаева, если реформы осуществлялись своевременно и были адекватны вызовам времени, то они позволяли снять напряжение в обществе, обеспечивали его стабилизацию и способствовали динамизму развития той или иной страны. Если же реформы осуществлялись с опозданием, то они приводили к политическим деструкциям, социальным взрывам». Он же выделяет и такой фактор, как «цена» реформ, называя

ее основным критерием достижение стабильности в обществе ⁷³. При таком подходе невозможно не признать, что реформы Хрущёва так или иначе сняли остроту продовольственного вопроса, к 1964 г. проблема года больше не стояла. Но в то же время, предпринятые меры законсервировали колхозно-совхозную систему, практически сняв с повестки дня возможность кардинальных изменений в аграрной сфере. Хрущёв, отвергая в той или иной мере политические методы Сталина и подвергая его критике, установил такую важную особенность развития общества, как возможность критики своего предшественника. В свою очередь, пришедшее к власти в октябре 1964 г. руководство подвергло критике наследство самого Хрущёва, предпочитая во многом действовать от обратного его реформаторству.

При оценке эффективности реформ стоит исходить из того, что главной целью любых государственных преобразований в конечном итоге является улучшение жизни народа. Главным замыслом аграрных преобразований 1953—1964 гг. было стремление накормить страну, это может служить основным измерением того, насколько реформы удались, если, несмотря на все принятые меры, СССР вынужден был импортировать зерно в 1963 г. (хотя здесь нужно учитывать и факт неблагоприятных для сельского хозяйства условий, когда урожайность и валовые сборы снизились почти на 30%) ⁷⁴. Но принципиальным было изменение отношения к людям: аграрное производство не смогло обеспечить все потребности населения, однако руководство страны не побоялось пойти на закупки за границей. При Сталине сельское хозяйство было далеко от совершенства, но народу предлагали решать продовольственную проблему самостоятельно.

Отдельным сложным вопросом является определение повышения или снижения эффективности уровня аграрного производства в условиях плановой экономики и выбора экстенсивного пути развития сельского хозяйства при вовлечении все новых и новых ресурсов. Государство вкладывало колоссальные средства в освоение целины, кукурузу, сселение деревень и прочие проекты. Понятия рентабельности и конкуренции отсутствовали, вопросы качества также не стояли на повестке дня. Учитывая, что, ограничив личное подворье и способствуя прямо и косвенно уменьшению количества трудоспособного населения на селе, государство не смогло легко и быстро восполнить эти ресурсы за счет резкого повышения производительности труда, можно сделать вывод о том, что вывести аграрное производство на новый уровень не получилось.

Е. Е. Жоголева отмечает, что при наличии нескольких определений генеральной цели аграрной политики в современной мировой практике уже достигнута согласованность относительно основного понятия для выражения ее сущности — «продовольственная безопасность». При этом этап советской аграрной политики с 1954 по 1990 г. определяется ею как «неустойчивое развитие аграрного сектора в данный период» ⁷⁵.

По мнению Н. Л. Рогалиной, критерием эффективности реформ 1950 — первой половины 1960-х гг. является отношение к сталинскому наследию: «верность Хрущёва сталинским подходам выразилась как в идеологии, так и в стратегической линии. Он, как и Сталин, полагался на огромные мобилизационные возможности социалистической системы,

на «неоспоримые преимущества крупного сельскохозяйственного производства над мелким», а обобщественного хозяйства — над семейным. Но, если для Сталина советский колхоз являлся средством бесплатного и беспрепятственного изъятия продовольствия, то для Хрущёва — жизнеспособным институтом, который предстоит сделать истинно экономическим предприятием...»⁷⁶. Согласно С.Н. Андреенкову, «... если для коллективного руководства страны новый курс в деревне сводился к “косметическому ремонту” сталинской аграрной системы, то для Хрущёва он означал перевод организационно-производственного механизма сельского хозяйства в действительно новое состояние»⁷⁷. По мнению А.А. Вишневого, в некоторых действиях Хрущёва «просматривается стремление... сломать жесткую управленческую вертикаль. Ничем не ограниченную монополию центра... противопоставить ему множество принимаемых решений относительно самостоятельных субъектов... важно и то, что во времена Хрущёва получил признание, правда больше на словах, чем на деле, принцип экономической заинтересованности работника — он подчеркивался как противовес сталинскому принципу «голового энтузиазма»⁷⁸.

И.Е. Зеленин указывает на то, что к 1964 г. сельское хозяйство все больше и больше отставало от потребностей граждан. Не могло оно удовлетворить и нужды животноводческой отрасли в кормах. Возник и стал углубляться продовольственный кризис⁷⁹. В.М. Кудров признает за советским сельским хозяйством возможность производить необходимое продовольствие самостоятельно и в полном количестве, если бы аграрная реформа была проведена грамотно и до конца. При этом он вообще говорит о всем сельском хозяйстве в советские времена как об «абсолютно неэффективной отрасли»⁸⁰, снимая тем самым вопрос эффективности реформ в данном конкретном случае. Он же считает высокие темпы экономического роста главным помyslom советского режима, а стремление к их достижению — образом жизни целых поколений советских руководителей, главным критерием успехов или неудач высшего руководства⁸¹.

На примере аграрных реформ Хрущёва можно поставить и еще один вопрос — а какие из реформ (если понимать реформы как целенаправленное действие государства по изменению какой-либо сферы жизни общества с предполагаемыми результатами) остались завершенными и не вызвали широкой критики как со стороны современников, так и потомков в истории России, кому из реформаторов общество было исключительно благодарно и не подвергало их критике. По нашему мнению, вопрос о завершенности реформ Хрущёва не может быть поставлен и по причине его отрешения от власти, что не дало ему собственноручно поставить точку в преобразованиях.

А.Н. Сахаров относительно судеб реформаторов в XIX—XX вв. отмечал: «Каждый пережил счастливые времена осуществления (хотя бы частично) своих сокровенных общественных идеалов, практических планов и каждый в определенные периоды своей государственной карьеры сталкивался с величайшими трудностями, непониманием и враждебностью ... и становился горьким свидетелем собственного заката»⁸². Также и Хрущёв: он испытал «звездный час» с успехами целины, ростом

сельхозпроизводства к 1958 г., увеличением посевных площадей, но и отведаль в полной мере горечь 1960-х гг.: импорт зерна, рост цен и бесславный «дворцовый переворот» октября 1964 года. Несмотря на все заботы о благе народа, Хрущёва сняли без особого сожаления в обществе, когда одобрявших этот шаг оказалось больше, чем сожалевших о нем ⁸³.

Сам Никита Сергеевич в январе 1963 г. в беседе с Ф. Кастро признавал ограниченность реформ в России: «Вот ты думаешь, небось, что я, первый секретарь, могу что-нибудь изменить в этом государстве. Черта с два! Какие бы я реформы не предлагал и ни проводил, в основе своей все остается по-прежнему. Россия — как кадушка с квашней: сунешь в нее руку до самого дна — и вроде ты хозяин положения, а вынешь — и останется едва заметная ямка, да и та на глазах затянется, и останется ноздреватая пыхтящая масса» ⁸⁴. Эта фраза характеризует и понимание методов реформ в России — постоянный контроль и импульс со стороны реформатора и сопротивление преобразованиям со стороны общества.

Хрущёв, признавая себя продуктом сталинской системы, действовал во многом сталинскими методами. В наследство от вождя ему достался аппарат, у которого, по мнению Д. Т. Шепилова, осталась «... единственная функция: единогласно одобрять и утверждать любые проекты, предлагаемые руководящей узкой инстанцией или руководящим лицом» ⁸⁵. По мнению И. Е. Зеленина, режим личной власти Хрущёва формировался постепенно в течение ряда лет, что проходило на глазах у всех членов президиума, оргбюро и секретариата ЦК КПСС... Значительно раньше следовало потребовать от Хрущёва отчитаться на президиуме ЦК о реальном положении в сельском хозяйстве, которое он курировал, напомнить о том, что не только он отвечает за аграрный сектор экономики ⁸⁶.

Реформы, вызванные к жизни волей политического лидера, остались незаконченными, поскольку лидер был исключен из власти раньше, чем готов был остановиться его реформаторский замысел. Невольно подводя итог преобразованиям, Первый секретарь в записке в Президиум ЦК КПСС в июне 1964 г. отмечал: «... нетрудно увидеть недостатки нашей системы управления производством сельскохозяйственных продуктов. Они состоят в том, что в руководстве сельским хозяйством наблюдается обезличка, безответственность» ⁸⁷. Подобные слова подтверждают выводы о незавершенности реформаторского замысла Первого секретаря ЦК.

Отдельным вопросом, подводящим черту под периодом «оттепели» и реформ, может быть вопрос о так называемых контрреформах. Действительно, сворачивание реформ после удаления вызвавшего их к жизни главы государства — далеко не новое явление в российской истории. В качестве аналогии напрашиваются контрреформы Александра III после гибели Александра II или Павла I после смерти Екатерины II. В понимание контрреформы по определению закладывается что-то вступающее в разрез с проводимой прежде политикой в силу как объективных (исчерпанность реформ), так и субъективных (смена власти, настроения политического лидера) факторов. Можно поставить вопрос о контрреформах как логичном завершении реформ, заложивших осознанную необходимость новым политическим руководством не только к торможению проводимых преобразований, но и их частичному или полному пересмотру.

Буквально через несколько месяцев после отставки Хрущёва мартовский 1965 г. Пленум ЦК КПСС по сельскому хозяйству наметил новые меры экономической политики по отношению к аграрному сектору. Получается, новое руководство, сместившее Первого секретаря ЦК в октябре 1954 г., на практике продолжило применять реформы как необходимые меры по развитию общества. А ведь во время смещения Хрущёва звучали обвинения в том, что тот страдал «зудом всевозможных реорганизаций и перестроек» (М. А. Суслов)⁸⁸.

Возникает и проблема терминологии — считать меры брежневского руководства реформами или контрреформами. Если их понимать реформами, то закономерен вопрос: где же тогда грань и причины, отделяющие одни реформы от других, кроме смены лидера, придающего преобразованиям импульс. Многие из мер брежневского руководства шли во многом от противного замыслам Хрущёва: было остановлено ограничение личного подворья, кукурузная, мясо-молочная и иные кампании, восстановлена прежняя система руководства сельским хозяйством. Уже на первом после смещения Хрущёва Пленуме ЦК КПСС 16 ноября 1964 г. было принято решение об объединении партийных организаций, а мартовский 1965 г. Пленум принял Постановление «О неотложных мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства СССР», признав наличие проблем в аграрной сфере и необходимость новых мероприятий по дальнейшему развитию сельского хозяйства. Критика Хрущёва прозвучала безлико — как «субъективизм в руководстве», приведший к различным ошибкам⁸⁹. В. В. Наухацкий относительно выступлений на мартовском Пленуме ЦК отмечает, что «.. партийные руководители, озабоченные текущими хозяйственными делами, выполнением плановых заданий, как правило, не поднимались до осознания принципиальных вопросов экономической политики и необходимости глубоких перемен...»⁹⁰

В то же время, несмотря на неприятие аграрной политики периода «оттепели», едва ли не самые важные преобразования пересмотреть уже было невозможно. К ним относятся ликвидация МТС, эволюция крестьянина в сельскохозяйственного рабочего, сселение деревень, изменение отношения государства к деревне и к крестьянству. Не последнюю роль в аграрных реформах периода «оттепели» сыграло сталинское наследство, и дело здесь не только в общей ситуации в стране и в деревне к марту 1953 г., но и в том, что ни Хрущёву, ни его конкурентам в борьбе за власть и выбор пути развития не было дано возможности выйти за рамки плановой экономики и колхозно-совхозной системы. Они могли только подвергать сомнению и преобразовывать ее отдельные стороны, поскольку были ограничены заданными ранее рамками и идеологемами. А раз так, то вопрос о революционности реформ не ставится.

Примечания

1. ЛЕТЕНКО А. В. Российские хозяйственные реформы: история и уроки. М. 2004.
2. Судьбы реформ и реформаторов в России. М. 1999.

3. БУРЛАЦКИЙ Ф.М. Никита Хрущёв и его советники — красные, черные, белые. М. 2008.
4. ПЫЖИКОВ А.В. Хрущёвская «оттепель». М. 2002.
5. АКСЮТИН Ю.В. Хрущёвская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953—1964 гг. М. 2010.
6. ВАНЮКОВ Д.А. Хрущёвская оттепель. М. 2007.
7. ДОБСОН М. Холодное лето Хрущёва. Возвращенцы из ГУЛага, преступность и трудная судьба реформ после Сталина. М. 2014.
8. ЗЕЛЕНИН И.Е. Аграрная политика Н.С. Хрущёва и сельское хозяйство. М. 2001.
9. ШЕСТАКОВ В.А. Социально-экономическая политика Советского государства в 50-е-середине 60-х годов. М. 2006.
10. РОГАЛИНА Н.Л. Власть и аграрные реформы в России XX века. М. 2010.
11. ТОМИЛИН В.Н. Наша крепость. Машинно-тракторные станции Черноземного Центра России в послевоенный период: 1946—1958 гг. М. 2009.
12. АНДРЕЕНКОВ С.Н. Аграрные преобразования в Западной Сибири в 1953—1964 гг. Новосибирск. 2007; ЕГО ЖЕ. Колхозно-совхозная система в Сибири в 1946—1964 гг.: функционирование и реформирование. Новосибирск. 2016.
13. РУСИНОВ И.В. Аграрная политика КПСС в 50-е — первой половине 60-х годов: опыт и уроки. — Вопросы истории КПСС. 1988, № 9.
14. ИЛЬИНЫХ В.А. Программа Н.С. Хрущёва по реформированию аграрного строя: доктринальные основания, содержание, реализация. В кн.: После Сталина. Реформы 1950-х годов в контексте советской и постсоветской истории: материалы VIII международной научной конференции. Екатеринбург, 15—17 октября 2015 г. М. 2016, с. 330—339.
15. ИЛЬИН В.В., АХИЕЗЕР А.С. Российская государственность: истоки, традиции, перспективы. М. 1997, ч. 2, с. 190—191.
16. Реформы в России с древнейших времен до конца XX в. Т. 1. М. 2016, с. 8.
17. Последние письма Сталину. 1952—1953 гг. Реконструкция документального комплекса. М. 2015, с. 58, 372.
18. Государственный архив социально-политической истории Кировской области (ГАСПИ КО), ф. 1290, оп. 20, д. 32Б., л. 6.
19. Там же, оп. 10, д. 257, л. 84.
20. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ), ф. 5, оп. 45, д. 111, л. 87.
21. ЗИМА В.Ф. «Второе раскулачивание» (Аграрная политика конца 40-х — начала 50-х годов). — Отечественная история. 1994, № 3, с. 109—125.
22. РОГАЛИНА Н.Л. Власть и аграрные реформы в России XX века. М. 2010, с. 149.
23. Слово товарищу Сталину. М. 2002, с. 484.
24. ЗУБКОВА Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945—1953. М. 1999, с. 157.
25. ЧУЕВ Ф. Сто сорок бесед с Молотовым: из дневника Ф. Чуева. М. 1991, с. 291.
26. ИЛЬИНЫХ В.А. Программа Н.С. Хрущёва по реформированию аграрного строя: доктринальные основания, содержание, реализация. В кн.: После Сталина, с. 334.
27. Правда. 5 июня 1947 г.
28. Отечественные архивы. 1993, № 2, с. 37—38.
29. Политбюро ЦК ВКП (б) и Совет Министров СССР. 1945—1953. М. 2002, с. 251.
30. ЗЕМСКОВ В.Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930—1960. М. 2005, с. 157.
31. Последние письма Сталину. 1952—1953 гг. Реконструкция документального комплекса. М. 2015, с. 256—260.
32. ИСУПОВ В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: историко-демографические очерки. Новосибирск. 2000, с. 237.
33. ЛЕЙБОВИЧ О.Л. Реформа и модернизация в 1953—1964 гг. Пермь. 1993, с. 136.
34. РГАНИ, ф. 5, оп. 24, д. 592, л. 24—25.
35. ЗУБКОВА Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945—1953. М. 1999, с. 60—61.
36. ГАСПИ КО, ф. 1290, оп. 23, д. 37, л. 5.
37. Советская жизнь. 1945—1953. М. 2003, с. 18.
38. БУРЛАЦКИЙ Ф.М. Ук. соч., с. 42—43

39. Правда. 4 марта 1951.
40. ПОПОВ В.П. «Второй и важнейший этап». — Отечественные архивы. 1994, № 1, с. 44.
41. Письмо В.М. Молотова в ЦК КПСС (1964 г.). — Вопросы истории. 2011, № 1, с. 63—81; № 2, с. 65—89; № 3, с. 75—90; № 4, с. 33—49; № 5, с. 55—70; № 6; № 8, с. 64—85; № 9, с. 58—70, 70—86; № 10, с. 65—79; № 11, с. 72—91; 2012, № 1, с. 67—89; № 3, с. 83—96.
42. КОЗЛОВ В.А. Крамола: инакомыслие в СССР при Н.С. Хрущёве и Л.И. Брежнев. 1953—1982 гг. — Отечественная история. 1993, № 4, с. 98—99.
43. ШЕПИЛОВ Д.Т. Воспоминания. — Вопросы истории. 1998, № 8, с. 24.
44. Источник. 2003, № 6, с. 130.
45. ЮДИН К.А. От сталинской диктатуры к хрущёвской «модернизации». — Вопросы истории. 2016, № 12, с. 4.
46. Мемуары Н.С. Хрущёва. — Вопросы истории. 1994, № 12, с. 112.
47. ГАСПИ КО, ф. 1290, оп. 31, д. 85, л. 184.
48. ТОМИЛИН В.Н. Кампания по освоению целинных и залежных земель в 1954—1959 гг. — Вопросы истории. 2009, № 9, с. 92.
49. КУДРОВ В.М. Экономика России в мировом контексте. М. 2007, с. 392.
50. ХРУЩЁВ Н.С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. Т. 2. М. 1962, с. 448.
51. ДЕМЬЯНЕНКО В. Сельское хозяйство России и США. — Мировая экономика и международные отношения. 2001, № 8, с. 50—51.
52. КУДРОВ В.М. Советская экономика в ретроспективе. Опыт переосмысления. М. 2003, с. 58—59.
53. РГАНИ, ф. 2, оп. 1, д. 364, л. 23—27.
54. Реформы и контрреформы в России. Циклы модернизационного процесса. М. 1996, с. 151.
55. АЛАКОЗ В., КИСЕЛЁВ В., ШМЕЛЁВ Г. Зачем России земельная реформа. М. 1999, с. 119.
56. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. А-374, оп. 31, д. 6545, л. 24—25.
57. США проигрывают экономическое соревнование. М. 1961, с. 80.
58. Государственный архив Кировской области (ГА КО), ф. 2344, оп. 43, д. 4831, л. 108—108об.
59. ГА РФ, ф. А-259, оп. 42, д. 1402, л. 16.; ф. А-374, оп. 31, д. 789, л. 10.
60. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 556, оп. 14, д. 237, л. 5—6.
61. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 8. М. 1985, с. 254.
62. АРУТЮНЯН Ю.В. Социальная структура сельского населения СССР. М. 1971, с. 116.
63. ДЕНИСОВ Ю.П. Аграрная политика Н. Хрущёва: итоги и уроки. — Общественные науки и современность. 1996, № 1, с. 122.
64. РУСИНОВ И.В. «Неперспективная» деревня: от домыслов к истине. — Вопросы истории КПСС. 1990, № 8, с. 62.
65. МИКОЯН А.И. Так было: размышления о минувшем. М. 1999, с. 601.
66. ПЬЖИКОВ А.В. Проблема культа личности в годы хрущёвской оттепели. — Вопросы истории. 2003, № 4, с. 56.
67. МЕДУШЕВСКИЙ А. Реформы и контрреформы в истории России. — Коммунист. 1991, № 2, с. 106.
68. Никита Сергеевич Хрущёв: два цвета времени. Т. 2. М. 2009, с. 207—228.
69. КОЗЛОВ В.А. Крамола: инакомыслие в СССР во времена Н. Хрущёва и Л. Брежнева, с. 78.
70. АКСЮТИН Ю.В. «В Москве хорошая погода», или почему Хрущёва отправили в отставку. — Исторический архив. 2008, № 5, с. 216.
71. Правда. 30 июля 1961 г.
72. НЕЧИПАС Ю.В. Эволюция аграрной политики СССР в 1945—1984 гг. Дисс. докт. ист. наук. М. 2005, с. 191.
73. Реформы в России с древнейших времен до конца XX века. Т. 1. М. 2016, с. 6, 12.
74. НЕЧИПАС Ю.В. Ук. соч., с. 204.

75. ЖОГОЛЕВА Е. Е. Методология разработки приоритетов аграрной политики в России. М. 1996, с. 43, 142.
76. РОГАЛИНА Н. Л. Ук. соч., с. 176.
77. АНДРЕЕНКОВ С. Н. Оптимизация организационно-экономического механизма колхозов в середине 1950 — начале 1960-х гг. в Сибири. В кн.: После Сталина, с. 325.
78. ВИШНЕВСКИЙ А. Г. Серп и рубль. М. 1998, с. 72.
79. ЗЕЛЕНИН И. Е. Аграрная политика Н. С. Хрущёва и сельское хозяйство. М. 2001, с. 280.
80. КУДРОВ В. М. Экономика России в мировом контексте. М. 2007, с. 384, 403.
81. ЕГО ЖЕ. Советская экономика в ретроспективе. Опыт переосмысления, с. 23.
82. САХАРОВ А. Н. Тяжкий путь российского реформаторства. — Свободная мысль. 1995, № 7, с. 67.
83. АКСЮТИН Ю. В. «В Москве хорошая погода», или почему Хрущева отправили в отставку, с. 220.
84. ГРАЦИОЗИ А. Советский Союз в 209 цитатах: 1914—1991. М. 2010, с. 152.
85. ШЕПИЛОВ Д. Т. Воспоминания. — Вопросы истории. 1998, № 6, с. 35.
86. ЗЕЛЕНИН И. Е. Аграрная политика Н. С. Хрущёва и сельское хозяйство. М. 2001, с. 260—261.
87. Никита Сергеевич Хрущёв: два цвета времени. Т. 2. М. 2009, с. 209.
88. Как снимали Н. С. Хрущёва. Материалы Пленума ЦК КПСС. Октябрь 1964 г. — Исторический архив. 1993, № 1, с. 11—12.
89. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 10. 1961—1965. М. 1986, с. 419—429.
90. НАУХАЦКИЙ В. В. Аграрная политика в СССР в 1965—1990 гг.: проблемы разработки и реализации. Ростов-на-Дону. 1996, с. 20.

Перевербовка и использование агентуры противника контрразведкой Красной армии в 1941—1945 гг.

Н. В. Греков

Аннотация. В публикации анализируется деятельность советской военной контрразведки по формированию условий для проведения активных мероприятий в годы Великой Отечественной войны. Рассмотрены вопросы добровольной явки агентов с повинной, основные этапы изменения взглядов руководителей госбезопасности на роль перевербовки. Рассмотрены вопросы эффективности работы двойных агентов, успехи и трудности контрразведки в связи с использованием данного вида агентуры. Отдельные сюжеты работы основаны на неопубликованных архивных материалах, впервые в историографии рассматриваются проблемы, связанные с перевербовкой агентуры противника.

Ключевые слова: контрразведка, «Смерш», особый отдел, агентура, перевербовка, НКВД, абвер, опознаватель.

Abstract. The publication analyses activities of the Soviet military counterintelligence for formation of conditions for holding active actions in days of the Great Patriotic War are analyzed. Questions of a voluntary appearance of agents with guilty, the main stages of change of views of heads of bodies of state security for a rerecruitment role are considered. Questions of overall performance of double agents, progress and difficulties of counterintelligence in connection with use of this type of an agency are considered. Separate plots of the article are based on unpublished earlier archival materials, for the first time in a historiography the work examines various problems connected with rerecruitment of an agency of the opponent.

Key words: counterintelligence, Smersh, special department, agency, rerecruitment, NKVD, Abwehr, identifier.

Колоссальные масштабы агентурной разведки, которую применяли противоборствующие стороны в период второй мировой войны, породили и соответствующие по размаху контрразведывательные действия. Особенно напряженная борьба шла на советско-германском (Восточном) фронте. Руководители германских спецслужб считали, что советская сторона переправила в тылы своих противников не менее 150 тыс. агентов, из которых 50 тыс. были разоблачены, а 20 тыс. ликвидированы ¹. По оценкам российских специалистов, только военная контрразведка Красной армии обезвредила более 39 тыс. неприятельских агентов ².

Греков Николай Владимирович — доктор исторических наук, профессор. E-mail: nikon.gor@mail.ru.

Grekov Nikolay V. — doctor of historical sciences, professor. E-mail: nikon.gor@mail.ru.

Одним из слагаемых успеха активных контрразведывательных мероприятий (проникновения в спецслужбы, осуществление оперативных игр, дезинформация и т.д.) стала перевербовка агентов противника, которая предполагала достаточно высокий уровень профессионализма сотрудников контрразведки. Масштабы и эффективность использования данного метода могут в определенной степени служить показателем оперативного мастерства, достигнутого каждой из противоборствующих сторон.

Характерной чертой развернувшейся тайной борьбы стало то обстоятельство, что агентура спецслужб Германии и разведывательных структур ее союзников в подавляющем большинстве состояла из попавших в плен военнослужащих Красной армии. Казалось бы, советская сторона получала шанс воспользоваться этим и парализовать действия противника, однако напряженное противостояние спецслужб не прекращалось до конца войны.

В исторической литературе, посвященной деятельности советских органов госбезопасности в годы войны, приводятся многочисленные примеры перевербовки («сдваивания») агентуры противника, особенно при организации радиоигр. Тем не менее специфический комплекс проблем, связанных с перевербовкой агентуры и последующим ее использованием, не получил должного внимания исследователей³. В данной публикации рассматриваются вопросы общей готовности армейской контрразведки к перевербовке агентов противника и основные линии оперативного использования подобной агентуры. Материалы ведомственных архивов позволили ввести в научный оборот новые сведения, которые корректируют сложившиеся в историографии несколько упрощенные представления о масштабах и характере работы органов контрразведки в период войны.

Советская военная контрразведка (органы 3-го Управления НКО СССР, с июля 1941 г. — особые отделы НКВД СССР, с апреля 1943 г. — органы контрразведки «Смерш» НКО СССР) далеко не сразу осознала пользу перевербовки агентов в борьбе с противником. Причин было несколько. Во-первых, летом-осенью 1941 г. во время отступления армии и дезорганизации фронтовых тылов контрразведка занималась первоочередными задачами поддержания порядка в войсках. Было не до сложных комбинаций и оперативных игр. Во-вторых, только с началом войны выяснилось, что армейская контрразведка практически ничего не знала о структуре германской разведки и методах ее работы. К тому же многие призванные в военный период сотрудники не обладали опытом работы в войсках и не имели представления о методах борьбы со шпионажем. Главным способом противостояния агентуре противника стала организация заградительной службы. Сотрудники особых отделов, привлекая армейские подразделения, устанавливали заслоны, вели проверку документов, пытались выявлять подозрительных лиц на сборных пунктах, на дорогах, в потоках беженцев. Еще одна причина заключалась в том, что абвер (военная разведка и контрразведка Германии) до весны 1942 г. делал ставку на заброску в ближайший тыл советских войск массы необученной агентуры, которая получала простые и конкретные задания. Эти люди, как правило, практически ничего не знали о разведывательных подразделениях, которые их направили в советский тыл. Разовая неквалифицированная агентура не была предназначена для дальнейшего исполь-

зования. Поэтому перевербовка таких агентов была заведомо бесполезна. Их тысячами обезвреживала в прифронтовых районах заградслужба.

На первом этапе войны стихийно сложилась ситуация примерного соответствия оборонительных возможностей советской контрразведки наступательным импровизациям абвера. Ошибки в работе советской стороны в значительной степени компенсировала самоуверенность стороны германской, которая в рамках стратегии «блицкрига» не считала нужным тратить силы на организацию глубокой разведки. Штабы вермахта опирались, главным образом, на данные соответствующих войсковых служб. После поражения под Москвой зимой 1941—1942 гг. отношение германского командования к разведке резко изменилось. По замечанию генерала Р. Гелена, «чудесное время закончилось», и в этой связи стала очевидной необходимость проведения «перспективного анализа возможностей и оперативных замыслов русских, чтобы избежать новых неприятных неожиданностей»⁴. К середине 1942 г. абвер сформировал на Восточном фронте 36 разведывательных и диверсионных школ, в которых начал серьезную подготовку агентов для заброски в тыловые районы СССР. Всего за время войны на советско-германском фронте действовало более 130 разведывательных, диверсионных и контрразведывательных органов абвера и СД, более 60 разведывательно-диверсионных школ⁵. 1942 и 1943 гг. стали периодом максимальной активности германских спецслужб.

Особые отделы НКВД в ходе войны также меняли приоритеты. Уже в ноябре 1941 г., как только наметилась частичная стабилизация фронта, контрразведка стала предпринимать попытки осуществления активных мероприятий. Тут же выяснилось отсутствие информационной базы для подобной работы: задержанных агентов и диверсантов следователи особых отделов до сих пор допрашивали поверхностно, толком не выявляли их заданий, связей, способов переброски. Не был отлажен механизм сосредоточения информации о спецслужбах противника для ее анализа и использования в оперативной работе. Именно на эти проблемы 18 ноября 1941 г. указал особый отдел Южного фронта, потребовав от всех подчиненных ему органов немедленно принять меры по исправлению ситуации. Он же предложил начальникам отделов НКВД армий начать перевербовку агентуры противника и ее отправку за линию фронта с контрразведывательными заданиями⁶.

В конце 1941 г. особые отделы фронтов и армий sporadически вели перевербовки, но объемы этой работы были недостаточны, поэтому Управление особых отделов (УОО) НКВД решило ее активизировать. 18 февраля 1942 г. особым отделам войск было передано указание № 64 заместителя начальника УОО НКВД В.Н. Меркулова о необходимости подбора надежных агентов для внедрения в разведывательные школы немцев. С этой целью надлежало производить перевербовку агентуры противника. Гарантией надежности должно было стать «честное поведение на следствии», «проживание семьи и родственников в советском тылу», «наличие компрометирующих данного агента в глазах немцев сведений». Перевербовке подлежали представители следующих категорий: агенты разведки, резиденты, содержатели явочных квартир, связники, радисты. 20 февраля 1942 г. нарком внутренних дел Л.П. Берия предложил

практиковать перевербовку и засылку в тыл противника «захваченной нами вражеской агентуры»⁷.

В течение 1942 г. Управление особых отделов НКВД постепенно конкретизировало свои требования и рекомендации по перевербовке агентов противника и развитию зафронтной работы. Особые отделы в рамках подготовки активных мероприятий сконцентрировали внимание на трех важных участках работы: организации взаимодействия с территориальными органами госбезопасности, выявлении разведывательных центров и разведшкол противника, овладении техникой проведения оперативных игр. Постепенно у руководства НКВД крепло убеждение в том, что только максимальная централизация управления зафронтной работой и радиоиграми способна поднять эффективность борьбы со спецслужбами противника.

20 января 1943 г. начальник УОО НКВД СССР В.С. Абакумов направил начальникам особых отделов действующих фронтов, флотов и флотилий указание № 1694 о правилах переброски агентуры на сторону противника. Абакумов подчеркнул, что только с санкции УОО НКВД можно было перебрасывать наиболее ценную агентуру для вербовки официальных сотрудников спецслужб и перевербованную «квалифицированную» агентуру разведки противника, в том числе проходившую подготовку в разведшколах. В исключительных случаях, когда переброску нужно было осуществить срочно и времени на получение санкции не было, начальники особых отделов фронтов и флотов могли под свою личную ответственность самостоятельно забрасывать подобную агентуру за линию фронта. Об экстренной переброске они обязаны были телеграфом уведомить УОО НКВД, изложив причину срочности. Для получения санкции Центра необходимо было предоставить план переброски, а на перевербованных агентов также и протоколы их допросов. На всех агентов, заброшенных на сторону противника, необходимо было составить и выслать в Центр краткие справки с указанием, куда агент направлен и с каким заданием⁸. Фактически Центр брал под свой контроль зафронтную агентуру армейской контрразведки. Это, с одной стороны, вероятно, должно было стимулировать работу особых отделов всех уровней, создавать условия для качественной «селекции» агентуры. В то же время, с другой стороны, введение вертикали обязательных согласований сковывало инициативу на местах. Попытки армейских и фронтовых органов свести неизбежный риск к минимуму порождали излишнюю осторожность и вели к сокращению перевербовок. В марте 1943 г. на совещании начальников особых отделов фронтов и армий в Москве зам. начальника УОО НКВД СССР Л.Ф. Цанава призвал собравшихся смелее практиковать перевербовку заброшенных агентов, в первую очередь из тех, кто явился с повинной⁹.

После вывода военной контрразведки из состава НКВД и формирования в апреле 1943 г. Главного управления контрразведки (ГУКР) Наркомата обороны «Смерш» тенденция централизации зафронтной работы получила дальнейшее развитие.

Директивой ГУКР НКО «Смерш» от 16 июля 1943 г. была объявлена «Инструкция по организации и проведению радиоигры с противником». Одним из направлений агентурных комбинаций, которые следовало про-

водить в радиоигре, инструкция называла перевербовку некоторых агентов неприятеля «с целью перехвата каналов связи разведки противника». Решение об использовании агентов-радиостов противника следовало принимать лишь на основе тщательной проверки их показаний и анализа обстоятельств задержания. Вся работа по проведению радиоигры была строго централизована. Включение агентурной рации в радиоигру и передача всех текстов радиogramм возможны были только с личного разрешения начальника ГУКР «Смерш».

«Инструкция по организации розыска агентуры противника», утвержденная 9 сентября 1943 г. ГУКР НКО «Смерш», также предусматривала использование «некоторых явившихся с повинной агентов разведки противника». Видимо ГУКР и в этом случае не доверял проницательности сотрудников низовых органов, поэтому инструкция предписывала производить перевербовку и освобождение агентов противника «в целях розыска германских шпионов и диверсантов» только с санкции ГУКР «Смерш»¹⁰.

Жесткая централизация, решая вопросы согласования по вертикали, в то же время лишала систему гибкости и не всегда справлялась с вопросами координации работы фронтовых органов, а отсутствие горизонтальных связей между контрразведывательными структурами нередко обесценивало результаты зафронтной агентуры. Например, в 1942 г. особые отделы трех фронтов и двух флотов пытались нейтрализовать действия подразделений одного и того же немецкого разведоргана «Абвершелле Остланд». Оказалось, что все советские структуры действовали вразнобой, мешая друг другу, а Центр не мог согласовать их работу. При возвращении на советскую сторону внедренных в немецкую разведку советских агентов, их перехватывал тот особый отдел, на участке которого они оказались, а орган, который внедрил агента, мог долгое время не знать о его судьбе. Формирование ГУКР «Смерш» не разрешило этих проблем. В конце 1943 г. начальник Управления контрразведки (УКР) «Смерш» 4-го Украинского фронта Н.К. Ковальчук просил ГУКР сделать все возможное, чтобы не допускать задержания зафронтных агентов другими органами госбезопасности, поскольку «дальнейшее использование таких секретных сотрудников теряло всякую перспективу»¹¹.

Вопросы перевербовки немецких агентов были не только предметом особого внимания ГУКР «Смерш», они вызывали интерес и у высшего руководства страны. Периодически военная контрразведка представляла Государственному комитету обороны сообщения и докладные записки о перевербовке германских агентов и последующем их использовании в оперативных играх с противником.

Инструкции УОО НКВД, а затем и ГУКР «Смерш» одним из базовых условий перевербовки определяли добровольную явку агента с повинной к советским властям. В этой связи становится весьма значимым вопрос количества добровольно сдавшихся агентов противника. Ответ на него позволяет оценить размеры потенциально пригодного для вербовки контингента. Современная литература по истории спецслужб воспроизводит устоявшееся мнение о том, что масштабы добровольной сдачи были велики. Из частных, документально подтвержденных случаев авторы делают неожиданные обобщения. Например, из того факта, что в первой полови-

не 1942 г. примерно треть з а д е р ж а н н ы х агентов явилась с повинной добровольно, делается вывод о том, что треть з а б р о ш е н н ы х в советский тыл агентов сдалась добровольно. А к 1943 г., по мнению авторов, количество сдавшихся возросло до 45% ¹². Откуда взяты такие цифры? До сих пор неизвестно, сколько всего было заброшено агентов противника и, конечно, было бы ошибкой полагать, что все они попадали в руки властей. Если верить предлагаемой линейной динамике, то почти вся немецкая агентура к 1944 г. должна была сдаться сама. В действительности все было гораздо сложнее. Бытующие мифы — скорее результат желания авторов вписать хаос человеческих поступков в простую логичную форму и тем облагородить реальность. Поэтому велик соблазн выдать отдельный фрагмент за цельный образ. Так, согласно опубликованным документам, с 22 июня 1941 г. по 3 июня 1943 г. органы госбезопасности арестовали 1040 германских разведчиков-парашютистов, из которых 464 агента (45%) явились к властям добровольно ¹³. Вполне очевидно, что процент добровольно сдавшихся выведен не от числа заброшенных, а от числа арестованных. Кроме того, речь идет лишь об одной из категорий агентуры противника.

Общая картина, насколько ее позволяют воссоздать архивные материалы фронтовых особых отделов и органов «Смерш», выглядит иначе. Например, за весь 1942 г. особые отделы НКВД Калининского фронта задержали 890 агентов противника, в том числе 27 парашютистов, но не отметили ни одного случая явки с повинной. На Южном фронте с августа 1942 г. по март 1943 г. были арестованы 317 агентов, из них только 16 (5%) сдались добровольно. Согласно ежемесячным сводкам УКР «Смерш» Калининского (1-го Прибалтийского) фронта, с 1 мая 1943 г. по 10 июня 1944 г. были арестованы 389 агентов противника, из них 56 (14%) сдались сами. На Степном (2-м Украинском) фронте с мая по ноябрь 1943 г. было арестовано 258 агентов, в том числе 14 (5,4%) явились с повинной. Там же с февраля по июнь 1944 г. было арестовано 480 агентов и не зафиксировано ни одного случая явки с повинной. За 19 месяцев войны — с октября 1943 г. по май 1945 г. — контрразведкой 1-го Украинского фронта были задержаны 1453 агента спецслужб противника, из них с повинной пришли только 2% — 32 человека. При этом добровольно явившиеся агенты отмечены в трех сводках из 21 ¹⁴. Если учесть, что большинство агентов было задержано не в глубинных районах страны, а в зоне боевых действий и тылах фронтов, следовало бы признать процент явки с повинной ничтожным. Однако и такой вывод был бы не совсем верен. Возможно, причина низких показателей явки с повинной крылась в изъянах учета задержанной агентуры. При подсчете задержанных парашютистов в разряд явившихся с повинной, очевидно, могли включать и тех, кто сдался сам, и тех, кто был задержан, а после перевербован. Фронтовые органы «Смерш» в своих отчетах либо не выделяли явившихся с повинной из общей массы задержанных агентов вообще, а если и отмечали, то нерегулярно, либо несколько занижали их число, чтобы не давать повода московскому начальству для обвинений в отсутствии инициативы и низких показателях перевербовки. Не секрет, что эффективность работы сотрудника органов начальники определяли по количественным показателям, и многим хотелось подтвердить свой

профессионализм числом именно захваченных агентов. Кроме того опасались, что излишне высокий процент добровольно сдавшихся мог быть расценен руководством как признак неспособности контрразведки данного фронта успешно вести активный розыск агентуры, целенаправленно «разоблачать ее в процессе разработки подучетного элемента» и «оперативно-следственной обработки».

Точное количество агентов противника, явившихся с повинной, вряд ли когда-либо удастся установить. В тех сводках, где выделяли особой строкой таких агентов, они составляли от 3 до 32% всех задержанных «шпионов, диверсантов и террористов». Таким образом, сомнительно, чтобы по всем категориям агентуры явка могла составлять 45—50%, возможно средние показатели колебались в пределах от 15 до 25%. Бывшие сотрудники абвера полагали, что примерно 20% заброшенных ими агентов приходили с повинной в советские органы госбезопасности ¹⁵.

Обе стороны в ходе войны пытались влиять на процесс добровольной явки. Советские спецслужбы всеми способами стремились увеличить масштабы этого процесса, в то время как абвер и разведки союзных Германии государств этому препятствовали. С конца 1942 г. особые отделы начали требовать от своей зафронтной агентуры «склонять» немецких агентов к явке с повинной непосредственно в спецшколах абвера. Внедренный в Смоленскую диверсионную школу агент ОО НКВД 20-й армии Михайлов убедил 12 курсантов явиться с повинной после переброски через линию фронта. В начале октября 1943 г. 2-й отдел УКР «Смерш» 3-го Белорусского фронта направил агента Помазана (переведенного немецкого агента Хрипунова) в Черняхово-Смородинский разведпункт немцев с целью вербовки шофера Григория с тем, чтобы последний самостоятельно «склонял на явку с повинной разведчиков, не имеющих намерения работать на немцев». По агентурной комбинации «Реванш» 23 ноября 1943 г. были переброшены в тыл противника агенты Кожухов и Кустов. Им предстояло «обрабатывать» на явку с повинной военнопленных, вербуемых немецкой разведкой в концлагерях, рабочих командах и на других объектах ¹⁶. Всего же с апреля 1943 г. по февраль 1944 г. благодаря работе зафронтных агентов контрразведки 85 агентов германских спецслужб пришли с повинной ¹⁷. «Склонение» к явке с повинной по заранее оговоренному паролю позволяло контрразведке экономить силы на задержании агентов.

Однако усилия советской контрразведки по увеличению масштабов явки агентов с повинной во многом обесценивались советскими законами. В 30—50-е гг. XX в. факт согласия сотрудничать с иностранной разведкой сам по себе считался преступлением даже в том случае, если завербованный не совершил никаких действий «во исполнение преступного задания» и добровольно сдался властям. Агента в любом случае ждал суд военного трибунала, а явка с повинной могла стать лишь смягчающим обстоятельством, но не гарантировала ни получения свободы, ни сохранения жизни. Немцы об этом знали. В спецшколах абвера инструкторы внушали курсантам, что у них есть только один способ сохранить жизнь — выполнить задание и вернуться. Это серьезно влияло на поведение агентов из числа военнопленных. Согласно существующей в литературе версии, руководитель военной контрразведки Абакумов своей

властью освобождал добровольно явившихся с повинной от ответственности, что должно было повысить эффективность борьбы с абвером¹⁸. Но такое покровительство распространялось лишь на особо ценных агентов, пригодных для перевербовки и дальнейшего эффективного использования. Большинство добровольно пришедших с повинной ждал военный трибунал. Так, отличившийся при форсировании Днепра рядовой 184-го гвардейского полка И. Я. Кондратец был представлен к присвоению звания Героя Советского Союза. 22 февраля 1944 г. звание было присвоено, но сам солдат еще осенью 1943 г. был контужен и попал в плен. Чтобы вырваться из концлагеря Кондратец согласился служить немцам. Он был переброшен с разведывательным заданием через линию фронта и сразу сдался советскому командованию. 13 января 1945 г. военный трибунал 3-го Белорусского фронта приговорил его к 15 годам лагерей. Только спустя 20 лет солдат был реабилитирован и получил Звезду Героя¹⁹.

К 1943 г. абвер стал шире практиковать методы проверки на лояльность своей агентуры перед заброской в советский тыл. Чтобы лишить агентов всех надежд на прощение, германские спецслужбы использовали их в качестве лагерной агентуры, заставляли участвовать в боях с партизанами, в акциях по уничтожению мирного населения, то есть «пачкали кровью». Метод оказался эффективным. 12 июня 1944 г. начальник УКР «Смерш» 1-го Прибалтийского фронта Н. Г. Ханников в докладе Абакумову отмечал резкое сокращение числа явившихся с повинной агентов противника. Если с мая по декабрь 1943 г. явились добровольно 49 из 153 задержанных, то с января по июнь 1944 г. — 7 из 77. В мае 1944 г. из 10 задержанных агентов ни один не явился добровольно. Причину генерал-майор Ханников видел в том, что противник использует агентуру, «проверенную на боевой и карательной работе», а также внушает ей, что всех немецких агентов, даже явившихся добровольно, советская власть вешает²⁰. Важно отметить, что победы Красной армии не вели автоматически к росту числа добровольно сдавшихся агентов противника. Со второй половины 1943 г. обозначились два разнонаправленных процесса: все чаще являлись с повинной или пытались установить контакт с советским командованием официальные сотрудники разведки противника из числа бывших командиров Красной армии, зато рядовые агенты все реже сдавались добровольно. Состав этой категории приобрел однородный характер — это были каратели, перебежчики, сознательные противники Советской власти, которым просто не на что было надеяться.

В абвере прекрасно знали, что часть заброшенных агентов сдается властям, и попытались извлечь из этого пользу. Наиболее ловкие и преданные немцам разведчики получали задания имитировать явку с повинной, изобразить раскаяние для того, чтобы «подставиться» под вербовку и внедриться в агентурную сеть советской контрразведки. Немцы так широко (и вероятно не без успеха) использовали данный прием, что на это обратил внимание начальник ГУКР «Смерш» Абакумов. В директиве от 10 мая 1944 г. он отмечал: «... некоторые контрразведчики оказались наивными и при рассмотрении такого рода дел к показаниям арестованных относились доверчиво, следствие вели поверхностно». Абакумов требовал: «Вражеских агентов, добровольно явившихся с повинной, подробно допрашивать о действительных причинах добровольной явки». Правди-

вость показаний следовало проверять через других арестованных разведчиков²¹. По существу, каждого сдавшегося агента приказано было на первых порах рассматривать как затаившегося врага. Вероятно, это был единственно верный подход в военное время. Однако детально изучить подозреваемого, в краткие сроки вскрыть реальные мотивы его поступков далеко не всегда было возможно. В каком случае агенту можно доверять, а в каком нет, часто приходилось решать, опираясь только на интуицию. Сотрудники контрразведки вынуждены были «играть в темную», рисковать, брать на себя ответственность. Иногда риск себя оправдывал. В декабре 1941 г. армейский разведчик-радист Виктор Бутырин при выполнении задания за линией фронта был захвачен поисковой группой тайной полевой полиции (ГФП-501). Он согласился на сотрудничество с противником и был перевербован под агентурной кличкой Попов. Когда он вновь оказался на советской территории, то, понимая всю сложность своего положения, обратился не в разведку, где его вполне могли ликвидировать как предателя, а явился с повинной в особый отдел. После проверки под псевдонимом Северов он был опять заброшен к немцам и впоследствии успешно работал в качестве агента контрразведки фронта²².

В ходе войны постоянно возникали ситуации, которые выходили за рамки всех мыслимых инструкций. В июле 1943 г. в контрразведку Степного фронта явился агент-диверсант Боков, окончивший Смоленскую школу абвера. Он передал письмо от преподавателя школы, бывшего лейтенанта Красной армии П.М. Голокоза, который сообщал, что под его руководством в школе действует подпольная антифашистская группа. Голокоз предлагал координировать работу его группы и контрразведки по «парализации действий» немецкой агентуры. Однако другой добровольно сдавшийся агент Шукин сообщил, что Боков — изменник, пользующийся доверием у немцев. В докладной записке Абакумову начальник УКР «Смерш» Степного фронта генерал-майор Н.А. Королёв сделал категорический вывод: «Несмотря на постоянные утверждения Бокова в правдоподобности настоящего письма, мы считаем, что группа Голокоза — легенда немецкой разведки, через которую они мыслят внедриться в нашу агентурную сеть для дезориентации нас в последующей работе»²³. Получалось, что Голокоз и Боков — провокаторы, но генерал ошибся. Голокоз с товарищами действительно вел большую и результативную работу в тылу противника. Эту активность, к счастью, впоследствии оказалось невозможно скрыть или проигнорировать. О результатах деятельности группы доложили Сталину, и Голокоз был награжден орденом Красного Знамени.

Конечно самого факта явки агента с повинной было недостаточно для перевербовки. Ее осуществляли с учетом задач самой контрразведки. Поэтому пригодными для использования признавали не всех. В июне 1943 г. органы «Смерш» Степного фронта задержали 20 агентов, 9 из них явились добровольно, и только 4 были перевербованы для работы за линией фронта²⁴. С 15 февраля по 20 ноября 1944 г. с повинной в органы «Смерш» всех фронтов после переброски в советский тыл явились 47 агентов. За этот же период было перевербовано 18 агентов²⁵. Далеко не все из тех, кто являлся по доброй воле, были нужны, и не все, кто был нужен, сдавались добровольно. Чтобы заполучить агента под решение

конкретной задачи, спецслужбы использовали разные способы принуждения. Например, в рамках агентурного дела «Коррозия» контрразведка «Смерш» Брянского фронта в июне 1943 г. изучала «возможность принуждения» к работе преподавателей Борисовской школы абвера Фролова (И. И. Матюшина) и Петрова (Д. З. Шинкаренко), установив наличие их родственников в советском тылу²⁶. 30 июля 1944 г. радист германской диверсионной группы Борисов был ранен при задержании. Сотрудники «Смерш» перевербовали агента, используя его шоковое состояние (прострелены обе ноги) и привлекли к участию в оперативной игре²⁷. Жесткая логика войны всегда находилась вне рамок общепринятой морали. Перевербовка ценной агентуры в большинстве случаев не требовала крайних форм воздействия. Человек оказывался перед простым выбором: жизнь (при согласии сотрудничать) или смерть. Большинство выбирало сотрудничество. Так, 23 мая 1944 г. офицер абвера капитан Э. фон Шеллер был захвачен в советском тылу и сразу предложил свои услуги контрразведке. Его примеру последовал радист обер-лейтенант Г. Ганзен. Оба были завербованы и приняли участие в радиоигре «Арийцы»²⁸. Если агент после перевербовки оставался на советской территории, он уже действовал под контролем, и таким образом обеспечивалась его надежность. В этом случае различия в перевербовке (принуждение или добровольное желание) особого значения не имели. Но когда агенту предстояло вернуться к противнику, где плотный контроль его действий был практически невозможен, инстинкт самосохранения, как предпосылка согласия на сотрудничество, должен был уступить первенство более сложным мотивам. Чаще всего ими становились либо патриотизм, желание бороться с врагом ради последующего прощения, либо страх за судьбу родственников, оставшихся в советском тылу. Таким образом, явка с повинной не была единственным основанием для перевербовки.

Контрразведка представляет собой особую форму деятельности, «овладение которой, — по признанию бывшего офицера Абвера Г. Бухгайта, — требует исключительных способностей и знаний»²⁹. Каким был общий уровень профессионализма сотрудников контрразведки Красной армии? Согласно довоенным планам, Красная армия должна была, быстро разгромив агрессора, перейти в наступление и перенести боевые действия на территорию противника. Контрразведке предстояло в этом случае «очищать» тыл войск от враждебных и антисоветских элементов³⁰. Поэтому мобилизационные планы предполагали обеспечение потребности армейской контрразведки в кадрах за счет призыва сотрудников территориальных и транспортных органов НКВД, которые не были знатоками тонкостей ведения борьбы со шпионажем на фронтах, а «искоренять» антисоветские элементы для них было делом привычным. Однако все пошло не по плану, и стало ясно, что сотрудники военной контрразведки не готовы к работе в условиях реальных боевых действий³¹. Тем временем из территориальных органов госбезопасности, милиции и т. д. в контрразведку перешло около 20 тыс. чел. без опыта оперативной работы в войсках.

Еще одним источником пополнения кадров стала армия. В органы начали направлять армейских командиров и политработников. Возникла отчаянная ситуация: кадровые контрразведчики оказались плохо подго-

товлены к борьбе с реальным противником, призванные на службу сотрудники НКВД не обладали необходимыми навыками работы в войсках, а командиры и политработники вообще не имели представления об оперативной работе. Таким образом, большинство оперсостава было вынуждено учиться всему методом проб и ошибок в ходе боев. Эта ситуация периодически воспроизводилась в течение всей войны. Одновременно возрастала доля сотрудников, не имевших до прихода в контрразведку никакого опыта работы в спецслужбах. К концу войны выходцы из армейской среды стали самой многочисленной категорией оперативных сотрудников. Например, к 1 января 1945 г. в органах «Смерш» 1-го и 2-го Украинских фронтов 48% оперсостава являлись бывшими военнослужащими, принятыми в органы во время войны, 30,3% — сотрудниками территориальных органов госбезопасности, 21,7% — кадровыми военными чекистами³².

Спешно созданная система подготовки и переподготовки оперсостава, несмотря на значительные масштабы, не успевала дать всем новичкам хотя бы начальные знания о работе контрразведки. Даже к концу войны только 35% оперсостава «Смерш» 1-го Украинского и 31% 2-го Украинского фронтов прошли обучение в школах, на краткосрочных курсах или первичных семинарах контрразведки. Большинству сотрудников, в том числе руководителям, все равно приходилось учиться на собственном опыте. Поэтому степень овладения приемами оперативной работы во многом зависела от личных способностей и срока службы отдельного сотрудника. Но и на этом пути к обретению профессионализма возникали серьезные препятствия. Прежде всего был относительно высок процент потерь среди сотрудников во время боев. Многие погибали в течение нескольких месяцев службы. Например, в 1944 г. органы «Смерш» 2-го Украинского фронта потеряли 19,5% личного состава. За годы войны около 11 тыс. сотрудников военной контрразведки были убиты или пропали без вести³³.

Негативно сказывались на качественных характеристиках оперсостава реорганизации советских спецслужб. 19 апреля 1943 г. военная контрразведка была выведена из системы НКВД и переподчинена Наркомату обороны. Вместо особых отделов были сформированы органы «Смерш». Значительную часть кадровых чекистов, в том числе руководителей, получивших опыт войны, отозвали с фронта в органы НКВД и НКГБ. Так, в 1943 г. 280 сотрудников контрразведки 1-го Прибалтийского фронта были переданы на работу в НКВД-НКГБ. За этот же период в отделы были приняты 292 молодых оперработника из числа армейских офицеров. Переход опытных сотрудников в территориальные органы госбезопасности вызвал по всем фронтам шквал вынужденных кадровых перемещений, которые не вели к повышению качества всей службы. На 1-м Прибалтийском фронте 20% старших следователей и старших оперуполномоченных получили назначения на руководящие посты. Рядовые оперуполномоченные, минуя разом десяток должностных ступеней, взлетали до уровня начальника отделения фронта. На 2-м Украинском фронте с мая по декабрь 1943 г. перемещения затронули 53% руководящего (номенклатурного) состава. Сменилось 85% заместителей начальников отделов фронта, 80% начальников отделений,

44% начальников отделов армий и т. д.³⁴ Каждый раз должно было проходить определенное время, прежде чем назначенцы осваивались с новыми задачами, непривычным объемом работы, приобретали необходимые навыки.

Конечно, работу с двойными агентами и перевербованной агентурой вел не весь состав «Смерш», а сотрудники немногих ключевых подразделений — 4-го отдела ГУКР, а в действующей армии — вторых отделов УКР фронтов и четвертых отделений отделов армий. Сотрудники этих подразделений по стажу работы в спецслужбах мало отличались от основной массы оперсостава фронтовой контрразведки. Однако война — жестокая школа, где враг ошибок не прощает, поэтому время спрессовано в дни и часы, а обретение профессионализма становится условием выживания.

Межведомственная конкуренция и связанный с нею отток кадров, с одной стороны, сдерживали процесс накопления профессионализма контрразведкой. С другой стороны, постоянное движение личного состава позволяло выдвигаться наиболее энергичным сотрудникам, которые, еще не успев освоить традиционные приемы, пытались действовать по обстоятельствам и этим устраняли угрозу консервации шаблонных методов работы. В конечном счете к 1945 г. 97% руководящего оперсостава 1-го Украинского фронта являлись кадровыми сотрудниками госбезопасности с довоенным стажем, а 92% номенклатурного состава контрразведки 2-го Украинского фронта — кадровыми чекистами со значительным опытом работы. В частности, 13,5% руководящего состава имели стаж более 16 лет³⁵. Многие сотрудники территориальных органов, прослужив 2—4 года в особых отделах и «Смерше», становились достаточно опытными контрразведчиками. Поскольку для большинства сотрудников основным источником получения профессиональных знаний был индивидуальный опыт работы, а не планомерный и систематический процесс обучения, вполне естественно, что состав сотрудников военной контрразведки по уровню подготовки был неоднороден. В целом, несмотря на трудности, в ходе войны оперсостав постепенно накапливал профессиональные навыки, и благодаря этому действия контрразведки становилась все более эффективными.

Военная контрразведка использовала перевербованных агентов, как правило, на трех главных направлениях: в операциях по агентурному проникновению в спецслужбы противника, в оперативных играх с использованием радиосредств (радиоиграх) и в мероприятиях по розыску агентуры противника в качестве агентов-опознавателей (агентов-розыскников). В период войны внутри германских спецслужб действовали две группы зафронтной агентуры контрразведки: специально подготовленные, а затем подставленные под вербовку противника, и перевербованные агенты. В общей массе зафронтной агентуры последние составляли относительное меньшинство. Например, к 1 декабря 1942 г. разведотдел Управления войск НКВД СССР по охране тыла Красной армии имел 539 зафронтных агентов, из которых 67 «разрабатывали» спецслужбы противника, в том числе 5 перевербованных агентов³⁶. С октября 1943 г. по май 1944 г. органы «Смерш» забросили в тыл противника 345 агентов, среди которых были 50 перевербованных агентов германской разведки³⁷.

Безусловно, ценность для контрразведки переведенного агента, при условии его честности по отношению к советской стороне и наличия высокого уровня интеллектуальных способностей, была значительно выше, чем обычного зафронтного агента. В первом случае секретный сотрудник уже действовал внутри спецслужбы противника, перед ним не стояла проблема поиска подходов, а «успешные» возвращения из советского тыла (не больше 1—2, чтобы не вызвать подозрения) укрепляли его позиции в разведоргане, приносили награды, обеспечивали карьерный рост. Агент Абвера Меньшиков (советский псевдоним Следопыт) после «успешного» выполнения заданий немцев был оставлен преподавателем в школе агентурной разведки абверкоманды-103, удостоен пяти наград «за заслуги перед Рейхом», получил звание капитана РОА, а позже был назначен начальником учебной части разведшколы³⁸. Переведенный немецкий агент К.С. Арчаков (Офицеров) удачно использовал данную ему «Смершем» легенду, вошел в доверие к начальству, был произведен в фельдфебели, награжден медалью «За храбрость» и назначен преподавателем подрывного дела в диверсионной школе мест. Вяцати³⁹.

Обычным зафронтным агентам, нацеленным на внедрение в спецслужбы противника, еще нужно было суметь обратить на себя внимание этих спецслужб, не вызвав подозрений, войти в доверие. Это требовало времени, а итог был непредсказуем. В 1942 г. из 312 агентов особых отделов НКВД Калининского фронта только 9 внедрились в германские разведорганы. С августа 1942 г. по март 1943 г. особые отделы Южного фронта перебросили в тыл противника 104 агента с контрразведывательными заданиями, но внедрились в разведку только 27. Из 345 агентов, переброшенных за линию фронта с октября 1943 г. по май 1945 г. органами «Смерш» всех фронтов, в разведорганы попали 57 человек, что составило 16% всех направленных агентов. Вероятно, большинство из них составляли те же переведенные агенты. Так, «Смерш» 3-го Белорусского фронта с 1 октября 1943 г. по 1 апреля 1944 г. внедрил в разведку противника 6 секретных сотрудников, и все они были из числа переведенных агентов⁴⁰.

От бывших агентов противника в контрразведке ждали значительных результатов. То, что для обычного зафронтного агента признавали нормой, для «перевернутого» — неудачей. Например, 29 марта 1944 г. через линию фронта был переброшен агент «Смерш» 3-го Белорусского фронта Устюгов. Он должен был выполнить целый комплекс заданий: создать агентурную базу в двух лагерях военнопленных для «проведения работы по подставе» нашей агентуры в разведывательные органы противника, «подставить» себя под вербовку с целью захвата важных немецких документов, создать боевые группы и т.д. В итоге Устюгов сумел внедриться в разведшколу команды «Русланд Норд» и с двумя завербованными им курсантами вышел в советский тыл. Агент со своей задачей справился. Переведенный германский агент Балтиец (А.Д. Камшилин) выполнял задание «Смерш» 2-го Прибалтийского фронта по «разложению готовящейся агентуры» в разведшколе Абвера. Он обработал на явку 6 чел., из которых 3 явились в контрразведку с его паролем. 27 августа 1944 г. Балтиец был вновь переброшен немцами на советскую территорию и привел с собой напарника. По оценке командования, в данном случае задание

не было выполнено. Оправданием стал факт перевода Балтийца в другую германскую разведшколу накануне заброски ⁴¹.

Насколько эффективна была деятельность двойных агентов? Возможен анализ лишь фрагментарной информации, которая оказалась доступной в архивах и опубликована в литературе. Опираясь на эти источники, точный ответ получить невозможно. Поэтому современному историку по силам только обозначить контуры мозаичной картины и сделать ряд обобщений.

Одним из самых простых показателей оценки результативности внедренного в спецслужбы противника агента было количество добытых им сведений о заброшенной на советскую территорию и о готовящейся к заброске агентуре. Если судить по опубликованным материалам, то наиболее известные агенты военной контрразведки мало отличались от столь же часто упоминаемых перевербованных агентов. Так, агент особого отдела Гальченко (П.И. Прядко), работая в абвергруппе-102, собрал установочные данные на 101 агента и 24 официальных сотрудников германской разведки. Агент Данник (И.Г. Данилов) сообщил сведения о 43 агентах абвера. Перевербованный немецкий агент Меньшиков (А.И. Козлов) предоставил сведения о 29 официальных сотрудниках, 57 агентах Борисовской разведшколы и абверкоманды-103. Германский агент Попов, он же агент особого отдела Северо-Западного фронта Северов (В.Я. Бутырин), предоставил информацию о 93 официальных сотрудниках и 133 германских агентах, подготовленных для заброски в советский тыл ⁴². Здесь приведены результаты работы высоко оцененных агентов, сведения о которых рассекречены и широко распространены в печати. Однако средние результаты работы всех групп внедренных агентов были намного скромнее достижений лидеров. Блестящие успехи отдельных агентов не отражали общего положения дел. С 1 января по 25 мая 1944 г. УКР «Смерш» 2-го Украинского фронта перебросило на сторону противника 43 зафронтowych агента, в том числе 7 перевербованных. В результате их работы были установлены 40 германских разведчиков и 2 агента СД. Большинству агентов контрразведки, выживших в тылу противника и вернувшихся назад, либо вообще не удавалось внедриться в разведорганы, либо не получалось выполнить задание. Например, по всем фронтам с 15 февраля по 20 ноября 1944 г. из тыла противника возвратились 99 агентов «Смерш», из них выполнили задание 34, а 65 не выполнили ⁴³. В 1942 г. особый отдел 56-й армии перевербовал и внедрил 10 агентов в «команду Локкерта» (мельдекопф абвергруппы-103), но эта агентура, по оценке начальника особого отдела, не принесла желаемого результата.

Относительно немногочисленная зафронтальная агентура контрразведки несла ощутимые потери. С октября 1943 г. по апрель 1944 г. органы «Смерш» 3-го Белорусского фронта направили в тыл неприятеля 6 перевербованных агентов. Из них 1 был раскрыт и арестован немцами, еще 2 пропали без вести. Управлениями «Смерш» всех фронтов с февраля по ноябрь 1944 г. было направлено в тыл противника 160 агентов, из них 20, согласно отчету, «попали в лагеря военнопленных и были репрессированы», осталась неизвестна судьба 71 агента. Об участии некоторых пропавших узнавали позже из трофейных документов германских спецслужб. Например, с 1 апреля по 15 мая 1943 г. 303-я и 304-я абвергруппы, а так-

же 721-я группа тайной полевой полиции арестовали 7 агентов особых отделов 5-й Ударной и 28-й армий Южного фронта. 7 апреля полевая полиция задержала агента особого отдела 5-й армии Степанова. Во время допросов он сообщил, что готовил и перебрасывал его майор Ерёменко. 11 мая абвергруппа-304 задержала агента, у которого было задание внедриться в германскую разведку. Готовили и перебрасывали этого агента подполковник Корецкий и майор Мартиножук ⁴⁴. Главную причину провалов своей агентуры контрразведка чаще всего самокритично усматривала в плохой проработке легенд и способов перебртки.

Тем не менее внедренная агентура регулярно поставляла сведения о спецслужбах противника. С апреля 1943 г. по февраль 1944 г. зафронтовые агенты (в том числе перевербованные разведчики противника) предоставили сведения на 359 официальных сотрудников германской военной разведки, а также на 978 разведчиков и диверсантов, готовившихся для переброски в тыл Красной армии. С 15 февраля по 20 ноября 1944 г. 34 выполнивших свои задания агента назвали имена 208 официальных сотрудников, в том числе 42 ранее неизвестных органам «Смерш», и 479, в том числе 290 ранее неизвестных. В среднем каждый назвал 9—10 новых для контрразведки имен. Понятно, что формальный показатель лишь условно демонстрирует соотношение количества внедренных в спецслужбы агентов и объемов добытой ими информации без учета главного — ее ценности.

Обширные сведения о германских, финских, венгерских, румынских спецслужбах сотрудники контрразведки получали во время допросов задержанных агентов противника. Эти данные по объему и значимости составляли конкуренцию тем, что были добыты зафронтовой агентурой. Так, в сентябре 1944 г. в тылах 63-й кавалерийской дивизии 2-го Украинского фронта был задержан зондерфюрер Е.Е. Мельников, известный контрразведке как Доктор Эрнст. Он в течение нескольких лет возглавлял мельдекопф (передовой пункт) абвергруппы-101 и отличался высокой активностью в работе против советских войск на юге Украины, в Крыму, на Кавказе. На допросах Доктор Эрнст, с присущим ему энтузиазмом, начал давать показания о своей работе в немецкой разведке. Он назвал имена 41 агента, переброшенного им в советский тыл за последнее время. Вскоре 7 из них были арестованы. Вероятно, спасая жизнь, Мельников рассказал о своих обширных связях в руководстве немецкой разведки. Он сумел произвести настолько благоприятное впечатление, что начальник УКР «Смерш» 2-го Украинского фронта Н.А. Королёв обратился к Абакумову за санкцией «об использовании» Мельникова в качестве опознавателя. Не менее результативными были допросы других задержанных агентов и сотрудников разведки. В ноябре 1944 г. только 26 немецких агентов, задержанных в полосе 2-го Прибалтийского фронта, дали материал для объявления в розыск 358 агентов. В январе 1945 г. в Будапеште были задержаны сотрудницы германской разведки Анна Вайнбергер и Каролина Хамерник, которые сразу назвали имена 10 агентов. Для дальнейшей обработки женщин направили в распоряжение ГУКР ⁴⁵.

Донесения агентов и материалы допросов захваченных разведчиков были не единственным источником сведений о спецслужбах противни-

ка. С военной контрразведкой, несмотря на межведомственные трения, делились информацией иные структуры госбезопасности и разведка партизанских бригад. В 1943 г. действовавшие на оккупированной территории оперативные группы НКВД-НКГБ передали военной контрразведке сведения на 1260 агентов, заброшенных противником в советский тыл. Оперативными группами НКГБ Белорусской ССР были выявлены 22 разведывательно-диверсионные школы и 6642 агента германской разведки. В мае 1943 г. на базу группы НКГБ «Разгром» был выведен сотрудник Борисовской разведшколы Д.З. Шинкаренко, который передал фотографии 232 агентов абвера с указанием их настоящих фамилий, псевдонимов и подложных документов, в том числе 125 уже переброшенных в советский тыл ⁴⁶.

В большинстве случаев информация об агентуре противника была весьма неконкретной. Словесные описания, даже самые подробные, часто лишь обозначали существование агента, и определить по ним конкретного человека было трудно. Фамилии и клички, ставшие известными контрразведке, также не могли служить надежным ориентиром. В сентябре 1944 г. оперсоставом 1-го отдела УКР «Смерш» 1-го Прибалтийского фронта был задержан неизвестный в форме сержанта Красной армии, назвавший себя Михаилом Новиковым. Во время допросов он дал противоречивые показания. Проверкой было установлено, что по алфавитному списку розыска агентуры противника проходил Новиков Алексей, имевший «некоторую тождественность примет» с задержанным. Для более тщательной проверки сержант был передан в отдел «Смерш» 43-й армии. Установить агента, особенно если он сознательно изменил при получении новых документов имя, фамилию, место рождения, было сложно. Под одно и то же описание примет агента противника мог подойти не один десяток ни в чем не повинных людей. Например, в ноябре 1943 г. в частях 4-й Ударной армии проверкой по розыскным материалам были выявлены 605 чел., установочные данные которых в разной степени совпадали с данными разыскиваемых агентов. В 3-й Ударной армии из 520 бывших партизан было выявлено 38 чел., установочные данные которых совпадали с 62 проходившими по спискам розыска ⁴⁷.

Чтобы ускорить обнаружение агентуры, использовали так называемых «опознавателей». Их задача состояла в том, чтобы узнавать в лицо, обнаруживать в толпе известных им лиц, подлежащих задержанию контрразведкой. Агентов-опознавателей включали в состав оперативных групп по розыску агентуры противника, а также использовали в розыскной работе в спецлагерях и запасных полках. Шансы были малы, но иногда метод «поиска иголки в стоге сена» себя оправдывал. Агенты-опознаватели действовали на советской территории и, в отличие от зафронтальной агентуры, практически не подвергали свою жизнь опасности, но при этом у них появлялся шанс усердной помощью в поимке своих бывших коллег заслужить поощрение властей.

С июня по декабрь 1944 г. контрразведка 2-го Прибалтийского фронта на территории Латвии использовала 51 агента-опознавателя. В процессе работы ими было выявлено 15 германских разведчиков и диверсантов. Отличился бывший лейтенант Красной армии, немецкий агент Гажичев, перевербованный «Смершем» под псевдонимом Рыжонков. Он был аген-

том-опознавателем в составе оперативной группы, которая действовала в местах прежнего расположения немецких разведшкол в Риге и Ульброкке. Рыжонков через знакомых женщин находил бывших своих сослуживцев по разведшколе, входил к ним в доверие, выявлял скрывавшихся. С помощью Рыжонкова удалось арестовать 6 немецких разведчиков. Аналогичную работу вели перевербованные агенты Воропаев, Вронский, Сергеева, Кузнецова. Всего органам «Смерш» фронта удалось к концу декабря 1944 г. выявить и арестовать 195 агентов пяти разведывательных и десяти диверсионных школ абвера. Был арестован 51 выпускник диверсионной школы местечка Вяцати, 45 чел., окончивших школу в местечке Ульброк, 26 — из диверсионной школы Предаине, Огре и др.⁴⁸ В начале января 1945 г. на всех фронтах розыском неприятельской агентуры занимались 396 опознавателей из перевербованных агентов противника. С 15 января по 15 марта 1945 г. опергруппы «Смерш» в целях «разворота розыска» завербовали в Будапеште 122 агента. Сверх этого без оформления вербовок группы широко использовали в качестве опознавателей агентов, официальный состав и прочих лиц, имевших отношение к разведке противника. За два месяца в Будапеште опергруппы «Смерш» задержали 110 агентов германских и венгерских спецслужб, в том числе 30 официальных сотрудников разведки. Так, 23 февраля 1945 г. с помощью агента-опознавателя Зубова в Будапеште был задержан руководитель венгерских диверсионных отрядов подполковник Пал Пронаи. При подборе опознавателей военная контрразведка не ограничивалась только контингентом перевербованных агентов и сотрудников спецслужб. Например, в Кёнигсберге и Пиллау опергруппы при проведении операций использовали около 50 агентов-опознавателей из числа местного гражданского населения⁴⁹.

Очень затратный и малопродуктивный метод розыска с участием опознавателей требовал отвлечения больших сил органов контрразведки и бойцов армейских подразделений. Однако этим методом пользовались постоянно, добиваясь в итоге за счет массовости участников вполне ощутимых результатов. В январе 1945 г. начальник ГУКР «Смерш» Абакумов докладывал Сталину и Берии о том, что с 1 сентября 1943 г. по 1 января 1945 г. органы «Смерш» фронтов и военных округов перевербовали и использовали в качестве опознавателей 697 агентов противника, при помощи которых было арестовано 703 разведчика и диверсанта⁵⁰.

Очевидно, что и в зафронтной работе, и в оперативном розыске привлечение перевербованных агентов служило дополнением к иным методам борьбы. Так, деятельность «перевернутых» агентов в разведорганах противника была частью общей деятельности зафронтной агентуры контрразведки. Использование опознавателей стало составным элементом оперативно-розыскных мероприятий. Таким образом, эти два направления контрразведывательной деятельности советских спецслужб были возможны и без привлечения бывших агентов противника. Их участие повышало эффективность борьбы, но не вело к радикальному перевесу советской стороны. Единственным видом контрразведывательных операций, который оказался невозможен без участия перевербованных агентов, стали радиоигры. Исключением являлись те редкие случаи, когда на советскую территорию противник забрасывал своих агентов, которые

в действительности являлись внедренными агентами-двойниками советских спецслужб.

В 1941—1942 гг. руководство радиоиграми осуществляли особые отделы, территориальные органы и центральные подразделения НКВД. С апреля 1943 г. общее руководство ими перешло к ГУКР «Смерш». Всего советская контрразведка провела 183 радиоигры с противником. С конца 1941 г. по сентябрь 1943 г. под контролем советских спецслужб работали 80 агентов-радивов. С июня 1942 г. по апрель 1943 г. к 13 переведенным немецким радистам на подставные явочные адреса германская разведка направила 15 агентов-связников. С 1943 г. результативность оперативных игр стала возрастать. За время войны в ходе радиоигр удалось выманить на советскую сторону и арестовать около 400 агентов противника, что составило приблизительно 22% всех захваченных в тылу агентов-парашютистов. Например, в результате проводившихся в 1943—1944 гг. радиоигр «Подрывники» и «Подголосок» на советскую территорию были выведены и арестованы 22 немецких агента. В ходе радиоигры «Десант» (1944 г.) удалось захватить 13 агентов⁵¹.

Часть арестованных контрразведка использовала в агентурных комбинациях. Для участия в радиоиграх, если того требовали обстоятельства, органы «Смерш» вербовали даже тех агентов противника, которые успели нанести ущерб советской стороне. 28 ноября 1944 г. контрразведкой 2-го Прибалтийского фронта в местечке Колоп Двинского уезда был задержан немецкий радист А.П. Крумс с портативной радиостанцией, шифром и кодами. Выяснилось, что он действовал в советском тылу больше месяца и уже успел передать 15 радиограмм. Тем не менее Крумс был переведен. 12 и 13 декабря из района Риги он установил по радиации связь с немецкой разведкой и включился в двустороннюю работу под контролем «Смерш»⁵².

Благодаря радиограмм, как утверждает большинство исследователей, в ходе войны удалось передать противнику огромные объемы дезинформации и периодически вводить в заблуждение командование вермахта накануне крупных наступательных операций Красной армии. Успешно проведенные радиоигры позволили сорвать или затруднить работу абвера в советском тылу.

При перевербовке определяющим моментом в действительности было не желание агента, а целесообразность его использования. Вне рамок контрразведывательных мероприятий «перевернутый» агент сам по себе ценности не представлял. Так, в октябре 1942 г. немецкий радист Кондратьев (Г.Г. Зобач) был задержан на конспиративной квартире и переведен для участия в радиоигре. В июне 1943 г. «за образцовое выполнение специальных заданий» он был награжден медалью. В то же время немецкий курьер И.Е. Шакулов (бывший летчик-штурмовик), как «не представляющий оперативного интереса», из операции был выведен и в апреле 1943 г. умер в тюрьме⁵³.

Органы руководствовались строго прагматичным подходом в работе с германской агентурой, вычеркивая всех, кто больше не представлял интереса. При этом контрразведка не могла до конца быть уверена в результатах перевербовки. Казалось бы, проверить надежность двойника можно было по итогам реализации полученных от него сведений. Однако

и здесь нужна была осторожность. Ведь противник мог через двойника передать некую достоверную информацию и тем закрепить авторитет источника, а после по этому каналу сливать советской стороне дезинформацию или осуществлять иные комбинации. Чтобы свести к минимуму негативные для военной контрразведки последствия в случае очередного «переворота» агента на оккупированной территории, ему предлагали действовать лишь в том органе противника, который его направлял через линию фронта. Старались не предоставлять ему связников, паролей, явок и всего, что могло бы создать угрозу действовавшей зафронтковой агентуре. Перевербованным агентам предлагали работать самостоятельно, по собственной инициативе находить и спланировать группу помощников из числа «просоветски настроенных» агентов или слушателей разведшкол. Агент должен был найти надежных людей и через них установить связь с советской контрразведкой. Это был смертельный риск для самого агента, если он действительно работал на советскую спецслужбу. Чаще всего агенту предлагали действовать автономно. А.И. Козлов (советский псевдоним Следопыт) вспоминал: «Я быстро вошел в доверие к руководству школы (абвера. — Н.Г.), имел уйму информации, но долго не имел возможности передавать ее. Была договоренность, что забросят еще одного разведчика, он меня найдет и назовет пароль. Связного я не дождался. Пришлось вербовать агентов, отчаянно рисковать»⁵⁴. Скорее кураторы и не собирались высылать связного перевербованному немецкому агенту. Он должен был рассчитывать только на себя.

Связь вообще была слабым звеном в зафронтковой работе контрразведки. Поэтому многие двойники, действовавшие за линией фронта, получали задания не столько на сбор информации, сколько на склонение других агентов к явке с повинной, организацию разложенческой работы, на дискредитацию официальных сотрудников и агентов абвера в глазах немецкого начальства. В итоге вышли на предельно безопасный для контрразведки вариант использования перевербованных агентов. Он включал в себя минимальный инструктаж перед заброской, чтобы сократить объем сведений о целях и методах работы контрразведки, автономность, самостоятельный поиск помощников среди агентов противника, инициативное планирование и выполнение задач, которые в самом общем виде ставились контрразведкой. При этих условиях агент в случае провала не мог причинить большого ущерба советской стороне, но мог быть крайне полезен в случае успешной работы.

Агентам из «перевернутых» до конца не доверяли никогда. В документах органов они именовались «немецкими агентами», хотя и выполнявшими задания советских спецслужб. Вопрос о том, в чью же пользу они работали на самом деле, оставался открытым даже после войны. Поэтому для большинства наградой за успешное выполнение заданий контрразведки стало прекращение уголовного дела. Часть перевербованных агентов неприятеля, включая тех, кто за успешное выполнение заданий контрразведки был награжден советскими орденами, после войны оказалась в лагерях «за измену Родине», либо по иным обвинениям. Так, участник радиогруппы «Лесники» — перевербованный агент Г.А. Богданов — был награжден орденом Красной Звезды, а в 1950 г. осужден «за измену». В 1965 г. дело было прекращено за отсутствием состава престу-

пленя. Бывший сотрудник абверкоманды-203 Краков (А.А. Полозов), с июля 1943 г. работавший на контрразведку «Смерш» 2-го Белорусского фронта, после выхода на советскую территорию был арестован и осужден как изменник на 25 лет лишения свободы. Его реабилитировали в 1990 г., хотя и сегодня, как оказалось, органы до конца не выяснили, чьим же агентом он все-таки был. Разведчик А.И. Козлов (Следопыт), перевербованный сотрудник абверкоманды-103, ставший ныне легендой советской контрразведки, после войны был уволен из армии без наград с записью о пребывании в немецком плену. В 1950 г. его вдобавок осудили на 3 года лагерей за разглашение «сведений, не подлежащих огласке». Реабилитирован он был через 13 лет. В середине 1960-х гг. благодаря кинематографу (фильмы «Путь в “Сатурн”», «Конец “Сатурна”») о подвигах Козлова узнала вся страна, он стал гордостью спецслужб, но только в 1993 г. после долгих проволочек за ним закрепили статус ветерана войны⁵⁵.

Недоверие к бывшим агентам неприятеля было вполне естественно и неизбежно. Тому был целый ряд причин. Прежде всего, общий фон создавали всеобщая подозрительность и недоверие политического режима к целым слоям населения. Во время войны эта тенденция усилилась. Подозрительными казались теперь уже солдатские массы на фронте. Например, в июне 1943 г. начальник УКР «Смерш» Южного фронта докладывал Военному совету о том, что в 320-й стрелковой дивизии 44-й армии по состоянию на 10 июня насчитывалось 3857 чел. «социально-чуждого, сомнительного элемента» и тех, кто находился в плену или на оккупированной территории. В том числе — 2319 чел., ранее находившихся в окружении и «вышедших при подозрительных обстоятельствах». «Засоренность» 127-й гвардейской стрелковой дивизии «социально-чуждым и сомнительным элементом» исчислялась в 4249 чел., из которых 3771 чел. ранее находился в плену или проживал на оккупированной территории⁵⁶. Если целые полки на передовой и народы в тылу огульно причислялись к разряду «неблагонадежных» лишь по наличию формальных признаков, то лица, непосредственно сотрудничавшие с противником, безусловно, должны были стать изгоями. Немалое значение имело сложившееся в советский период пренебрежительное отношение к человеческой жизни.

Кроме общеполитических причин для недоверия существовали вполне объективные основания. Попытки разведки противника использовать явку с повинной как канал проникновения в советские спецслужбы обязывали искать скрытые замыслы в действиях агентуры. Следует признать, что к недоверию подталкивала сама природа перевербовки, а непредсказуемое поведение части агентов заставляло контрразведку быть настороже. Работа с такой агентурой всегда велась в условиях неопределенности и высокой степени риска. Значительное количество перевербованных контрразведкой агентов после переброски через линию фронта пытались уклониться от выполнения задания. Часть агентов возвращалась в немецкие, финские, румынские разведорганы и продолжала работать на прежних хозяев, скрыв свой арест советской контрразведкой. Некоторые исхитрялись совершить тройное предательство. Бывшего лейтенанта Красной армии И.Ф. Луценко в 1942 г. под псевдонимом Бубнов немцы перебросили с разведывательным заданием в советский тыл. Он

был задержан особым отделом 38-й армии, перевербован и переброшен на сторону противника с заданием на внедрение. Луценко задание выполнять не стал, а перешел на службу в тайную полевую полицию, отряд ГФП-725, где служил до сентября 1944 г., пока его вновь не арестовала советская контрразведка. Рядовой Н. А. Сазонов в лагере военнопленных был завербован немецкой разведкой и после учебы в спецшколе под псевдонимом Соболев в июне 1942 г. заброшен в тыл Волховского фронта. Он сразу явился с повинной в особый отдел, там был перевербован и под псевдонимом Малинин переправлен на немецкую сторону. После возвращения к противнику задание он выполнять не стал, а продолжил службу при разведотделе 18-й армии вермахта ⁵⁷.

Абсолютную лояльность перевербованных агентов гарантировать не мог никто. Даже при осуществлении радиоигр оказывались возможны побеги и переход агента назад к немцам. В апреле 1943 г. немецкий агент-парашютист Орлов (бывший лейтенант Красной армии) явился к советским властям с повинной, сдал оружие, коротковолновый передатчик, деньги, документы. В ходе допросов, как показалось следователям, вел себя искренне. Было решено привлечь Орлова к работе на радиостанции под диктовку контрразведки. Его поселили на служебной квартире под охраной сотрудников НКВД. Внезапно Орлов исчез, оставив чекистам издевательскую записку. Вернувшись к немцам, он скрыл свою явку с повинной, участие в радиоигре и продолжил службу в разведшколе. В мае 1944 г. из-под стражи бежал участник радиоигры «Уголовники» — немецкий агент Грищенко. Его розыском занимались органы «Смерш», НКГБ и НКВД на территории всей страны.

В силу индивидуальных особенностей характера, которые вовремя не распознали чекисты, перевербованный агент мог повести себя неадекватно и поставить под угрозу срыва всю операцию. Например, немецкий агент Сальский (Б. Сафонов) был в 1942 г. перевербован для участия в радиоигре «Фисгармония» и переправлен из Москвы в Новосибирск. Сафонов был освобожден из-под охраны, однако начал вести себя легкомысленно: завел обширные знакомства и стал хвалиться тем, что выполняет задание органов госбезопасности. Его отстранили от работы, арестовали и до ноября 1945 г. в целях конспирации держали в одиночной камере ⁵⁸.

Контрразведка Красной армии одерживала многочисленные победы над противником. Советские агенты были внедрены в абверкоманды 103, 104, 107 и др. За период с октября 1942 г. по сентябрь 1943 г. абверкоманда-104 забросила в тыл Красной армии 150 групп разведчиков и диверсантов, численностью от 3 до 10 чел. каждая. Вернулись только 2 группы. Из 19 агентурных групп, заброшенных в советский тыл разведорганом СД «Цепелин-Зюйд» в 1943 г, 15 были ликвидированы сразу после прибытия, а остальные обезврежены позже. По признанию руководителей германской разведки, из 100 заброшенных в глубокий советский тыл агентов назад возвращались в среднем не более 15. «Но и тут, — как сетовал Герд Бухгайт, — вопрос зачастую оставался открытым — не были ли эти люди перевербованы. Каждый из успехов немецкой стороны оплачивался очень дорого». Только за вторую половину 1944 г. в тылу действующей армии было обезврежено свыше 2,5 тыс. германских агентов ⁵⁹. Успехи советских органов госбезопасности в борьбе с германскими, финскими

и румынскими спецслужбами широко отражены в современной литературе. При этом не следует забывать, что односторонние оценки всегда искажают реальность. С июня 1941 г. по январь 1944 г. немецкая контрразведка арестовывала в среднем от 300 до 600 советских агентов в месяц. На самом деле в ходе войны парализовать, полностью разрушить деятельность разведки противника советским спецслужбам не удалось. Даже на последних этапах войны, несмотря на поражения вермахта, расформирование абвера и реорганизацию нацистских спецслужб, германская разведка оставалась по-прежнему опасным врагом.

С 1942 г. по 1944 г. абвер постоянно имел в советском тылу от 500 до 800 агентов. Только разведка групп армий «Центр» ежедневно забрасывала за линию фронта 8—10 своих агентов. Далеко не все они попадали в руки контрразведки. Например, по сведениям, полученным органами «Смерш» 2-го Украинского фронта, с апреля по сентябрь 1944 г. германская и румынская разведки в границах фронта перебросили на советскую сторону 409 своих агентов, а разыскать и арестовать удалось только 272 ⁶⁰. Среди 1854 задержанных в советском тылу за годы войны агентов-парашютистов противника оказался 631 радист, но, кроме того, была зафиксирована работа в эфире еще 389 агентурных радиостанций противника, осуществлявших передачу с территории Советского Союза. Этих радистов так и не удалось найти. Таким образом, согласно опубликованным в современной исторической литературе материалам, 38% (от 1020) выявленных в советском тылу радистов противника так и не были обезврежены ⁶¹. Важно помнить, что еще могли действовать радиостанции, чья активность вовсе не была замечена советской контрразведкой. В этом случае процент избежавших задержание радистов возрастет еще больше. В течение всей войны шла напряженная и тяжелая борьба спецслужб. Игры «в одни ворота» не было, скорее шел обмен ударами. Например, в январе 1944 г. германские спецслужбы захватили 419 советских агентов, в мае 1944 г. советская контрразведка арестовала 430 германских ⁶². Абвер вел свои радиоигры с использованием советских радистов. По сведениям НКВД, одна только 304-я абверкоманда (контрразведка) к апрелю 1943 г. провела около 30 радиоигр против трех советских фронтов. Между тем, на Восточном фронте действовали 5 контрразведывательных, 6 разведывательных и 7 диверсионных абверкоманд ⁶³. Известно, что, по неполным данным, с 1942 г. по 1944 г. германские спецслужбы провели около 110 «блоков радиоигр» с советской разведкой. При этом были периоды, когда одновременно велось до 35 радиоигр ⁶⁴.

Немцы придавали серьезное значение перевербовке. В абвере быстро пришли к выводу о том, что затраченные усилия на подготовку собственной агентуры и внедрение ее в советские спецслужбы совершенно не соответствовали полученным результатам, да к тому же были сопряжены с большими потерями. Поэтому абвер перенес акцент на перевербовку советских агентов. Большинство из них после краткой обработки забрасывали обратно в тыл Красной армии, в партизанские отряды или спецгруппы НКГБ ⁶⁵.

Советская военная контрразведка наоборот, отводила перевербованной агентуре роль хотя и важного, но не основного субъекта проникновения в разведслужбы противника. Подобные агенты составляли только

часть агентуры, предназначенной для внедрения. Основной центр тяжести контрразведка перенесла на использование своей подготовленной агентуры. Это позволяло не упускать инициативу в противоборстве и снижать влияние факторов неопределенности и случайности в зафронтальной работе. Зато перевербованные агенты противника были незаменимы в осуществлении большинства радиоигр. Три основные линии использования перевербованной агентуры — проникновение в спецслужбы противника, розыскная работа и радиоигры — были в определенной степени связаны между собой организационно, а иногда и составом непосредственных участников. Один и тот же агент мог быть использован поочередно в зафронтальной работе, радиоиграх или опознании. Однако неудачи в работе по одной линии использования перевербованной агентуры из-за различия задач не могли быть компенсированы успехами по другой. Советская военная контрразведка в ходе войны применяла все известные ей методы борьбы с противником, не выбирая самые эффективные и не отбрасывая прочие, пытаясь извлечь максимальную пользу из каждого. За это контрразведка и ее агенты платили высокую цену. Таков был их вклад в общую Победу.

Примечания

1. БУХГАЙТ Г. Абвер — щит и меч Третьего рейха. М. 2005.
2. Мы помним своих героев. — Красная звезда. 2003, 18 апреля.
3. АБРАМОВ В. Смерш. Советская военная контрразведка против разведки Третьего рейха. М. 2005; ИОФФЕ Э.Г. Абвер, полиция безопасности и СД, тайная полевая полиция, отдел «Иностранная армия — Восток» в западных областях СССР. Стратегия и тактика. 1939—1945 гг. Мн. 2007; КОРОВИН В.В. Советская разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. М. 2003; СЕВЕР А. «Смерть шпионам!» Военная контрразведка СМЕРШ в годы Великой Отечественной войны. М. 2009; «Смерш». Исторические очерки и архивные документы. М. 2003 — СТЕПАКОВ В. Нарком СМЕРШа. СПб. 2003; ХРИСТОФОРОВ В.С. Контрразведка ВМФ СССР. 1941—1945. М. 2015; ЧЕРТОПРУД С. НКВД-НКГБ в годы Великой Отечественной войны. М. 2005 и др.
4. ГЕЛЕН Р. Война разведок. Тайные операции спецслужб Германии. 1942—1971. М. 2003, с. 42.
5. «Смерш». Исторические очерки и архивные документы, с. 113.
6. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сб. документов. Т. 2. Кн. 2. Начало. 1 сентября — 31 декабря 1941 г. М. 2000, с. 316—318.
7. ПЛЕХАНОВ А.М., ПЛЕХАНОВ А.А. Солдаты незримых сражений. Военная контрразведка НКВД СССР в начале Великой Отечественной войны 22 июня 1941 г. — 20 апреля 1942 г. Исторический очерк. М. 2015, с. 118; 349.
8. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сб. документов. Т. 4. Кн. 1. Секреты операции «Цитадель». 1 января — 30 июня 1943 г. М. 2008, с. 76—77.
9. «Смерш». Исторические очерки и архивные документы, с. 64.
10. КОРОВИН В.В. Ук. соч., с. 290, 292—293, 296.
11. Великая Отечественная война 1941—1945 годов. В 12 томах. Т. 6. Тайная война. Разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. М. 2013, с. 389—390, 493.
12. ПЛЕХАНОВ А.М., ПЛЕХАНОВ А.А. Ук. соч., с. 305; ЧЕРТОПРУД С. Ук. соч., с. 184.
13. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне, т. 4, кн. 1, с. 535.
14. Архив Управления Федеральной службы безопасности по Омской области (Архив УФСБ по Омской области), ф. 78, оп. 1, д. 7, л. 1, 3, 15, 31, 36, 39—43, 57, 60, 96; д. 9, л. 40, 48,

- 68, 99, 135, 170; д. 10, л. 5, 36, 44—46, 58, 75, 101, 116; д. 29, л. 11; Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне, т. 4, кн. 1, с. 82—83, 315, 317.
15. Великая Отечественная война 1941—1945 годов, т. 6, с. 382.
16. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне, т. 5, кн. 1. Вперед на запад. 1 января — 30 июня 1944 г. М. 2007, с. 472—477; «Смерш». Исторические очерки и архивные документы, с. 166.
17. «Смерш». Исторические очерки и архивные документы, с. 167.
18. АБРАМОВ В. Ук. соч., с. 201.
19. ЗВЯГИНЦЕВ В.Е. Война на весах Фемиды: Война 1941—1945 гг. в материалах следственно-судебных дел. М. 2006, с. 661, 663.
20. Архив УФСБ по Омской области, ф.78, оп. 1, д. 7, л. 96.
21. Там же, д. 10, л. 179.
22. ЛУЗАН Н.Н. Военная контрразведка: тайная война. М. 2011, с. 134—137.
23. Архив УФСБ по Омской области, ф. 78, оп. 1, д. 10, л. 17, 18.
24. Там же, л. 17.
25. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне, т. 5, кн. 2. Вперед на запад. 1 июля — 31 декабря 1944 г. М. 2007, с. 635.
26. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне, т. 4, кн. 1, с. 618—619.
27. АБРАМОВ В. Ук. соч., с. 174.
28. СЕВЕР А. Ук. соч., с. 244; «Смерш». Исторические очерки и архивные документы, с. 196.
29. БУХГАЙТ Г. Ук. соч., с. 23.
30. СЕВЕР А. Ук. соч., с. 30—31.
31. ПЛЕХАНОВ А.М., ПЛЕХАНОВ А.А. Ук. соч., с. 114.
32. Архив УФСБ по Омской области, ф. 78, оп. 1, д. 11, л. 57; д. 12, л. 30.
33. Там же, д. 11, л. 58; д. 13, л. 10—12; ИВАНОВ Л.Г. Правда о «Смерше». М. 2007, с. 39.
34. Архив УФСБ по Омской области, ф. 78, оп. 1, д. 11, л. 33, 34, 63—66.
35. Там же, л. 49, 50, 63, 64, 66; д. 13, л. 10—12.
36. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне, т. 4, кн. 1, с. 340.
37. «Смерш». Исторические очерки и архивные документы, с. 88.
38. Там же, с. 187.
39. Архив УФСБ по Омской области, ф. 78, оп. 1, д. 5, л. 152.
40. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне, т. 4, кн. 1, с. 320; СЕВЕР А. Ук. соч., с. 143, 146—153; «Смерш». Исторические очерки и архивные документы, с. 84, 88.
41. Архив УФСБ по Омской области, ф. 78, оп. 1, д. 5, л. 153; СЕВЕР А. Ук. соч., с. 150.
42. КОРОВИН В.В. Ук. соч., с. 169; «Смерш». Исторические очерки и архивные документы, с. 168, 175, 182, 190.
43. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне, т. 5, кн. 2, с. 635.
44. Архив УФСБ по Омской области, ф. 78, оп. 1, д. 29, л. 55; Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне, т. 5, кн. 1, с. 472—477; кн. 2, с. 635.
45. Архив УФСБ по Омской области, ф. 78, оп. 1, д. 7, л. 38; д. 10, л. 161, 162, 292.
46. КОРОВИН В.В. Ук. соч., с. 118, 170, 174; «Смерш». Исторические очерки и архивные документы, с. 186.
47. Архив УФСБ по Омской области, ф. 40, оп. 15, д. 71, л. 9; д. 111, л. 80.
48. Там же, оп. 16, д. 52, л. 346—359.
49. Там же, оп. 25, д. 443, л. 291—293; «Смерш». Исторические очерки и архивные документы, с. 269.
50. Великая Отечественная война 1941—1945 годов, т. 6, с. 533.
51. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне, т. 4, кн. 1, с. 427; СЕВЕР А. Ук. соч., с. 201; ЧЕРТОПРУД С. Ук. соч., с. 185, 230, 277.
52. Архив УФСБ по Омской области, ф. 40, оп. 16, д. 52, л. 358—360.

53. ТЮРИН А.В., МАКАРОВ В.Г. Неизвестные страницы легендарной операции «Монастырь». 1941—1945. Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. Т. 2. М. 2006, с. 213, 219.
54. ГУРЧЕНКО С. Расплата за подвиг. — Труд. 2000, 19 апреля.
55. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне, т. 4, кн. 1, с. 537; Великая Отечественная война 1941—1945 годов, т. 6, с. 499.
56. Архив УФСБ по Омской области, ф. 78, оп. 1, д. 29, л. 45.
57. Там же, д. 10, л. 144, 288.
58. СЕВЕР А. Ук. соч., с. 224—225; ГАНЕНКО В. «Фисгармония» в эфире. — Родина. 2006, № 12, с. 87.
59. КОРОВИН В.В. Ук. соч., с. 79, 136—137; БУХГАЙТ Г. Ук. соч., с. 257.
60. Архив УФСБ по Омской области, ф. 78, оп. 1, д. 10, л. 166, 167.
61. Великая Отечественная война 1941—1945 годов, т. 6, с. 341, 378; СЕВЕР А. Ук. соч., с. 199; ЧЕРТОПРУД С. Ук. соч., с. 186—187.
62. Великая Отечественная война 1941—1945 годов, т. 6, с. 341; СЕВЕР А. Ук. соч., с. 291.
63. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне, т. 4, кн. 1, с. 429; «Смерш». Исторические очерки и архивные документы, с. 123—125.
64. Великая Отечественная война 1941—1945 годов, т. 6, с. 341; БУХГАЙТ Г. Ук. соч., с. 334.
65. Центральный архив Комитета государственной безопасности Республики Беларусь, д. 10, т. 14, л. 51—57.

Племена теле и проблема этногенеза баргутов

Б.Р. Зориктуев

Аннотация. В публикации исследована проблема этногенеза крупной племенной общности баргут, которая в XIII в. проживала в Забайкалье в составе лесных монголов. Баргуты, единственные из племен Баргуджин-Токума, благодаря активному участию в монгольских завоеваниях на запад и многочисленным упоминаниям в письменных источниках снискали широкую популярность в монгольском мире. Проведенный при написании настоящей работы суммарный анализ сообщений источников, особенно китайских, о том, что байырку управлялись вождями эльтеберами и иркинами, племена теле, включая байырку, генетически близки к туцзюэ, язык байырку мало отличался от языка теле, а тот — от языка туцзюэ и т. д., свидетельствует о тюркском происхождении байырку.

Ключевые слова: баргут, байырку, эльтебер, иркин, теле, туцзюэ, монголизация, Баргуджин-Токум.

Abstract. The author considers the ethnogenesis of large tribal community of the Barguts which lived in the 13th century in Transbaikalia as part of forest Mongols.

The Barguts are the only tribe of Bargujin-Tokum who became very famous in the Mongolian world due to their active participation in the Mongolian conquests of the West and due to numerous mentions in written sources. The total analysis of sources which was carried out by the author testifies the Turkic origin of the Baiyrku. Particularly, Chinese sources demonstrate that the Baiyrku were governed by chiefs Eltebers and Irkins; tribes of the Tele, including the Baiyrku, are genetically close to the Tujue; language of the Baiyrku differed from language of the Tele a little, the last one in turn differed from language of the Tujue a little etc.

Key words: Bargut, Baiyrku, Elteber, Irkin, Tele, Tujue, mongolization, Bargujin-Tokum.

Территорией проживания племенной группы баргут было Забайкалье, являвшееся частью обширной местности Баргуджин-Токум по обе стороны Байкала. Баргуты имели налаженные контакты с Золотым родом Чингис-хана, активно участвовали в монгольских походах на запад и за счет этого приобрели широкую известность за пределами ареала своего расселения. Знаменитый персидский историк Рашид-ад-дин в своем труде «Сборник летописей» оставил о них немало интересных

Зориктуев Булат Раднаевич — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН. E-mail: enhe_z@mail.ru.

Zoriktuiev Bulat R. — doctor of historical sciences, chief researcher of the Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS. E-mail: enhe_z@mail.ru.

сообщений. Например он пишет, что «из племени баргут в этом государстве (т.е. в Иране) был Джурджаган, атабек Аргун-хана...». Из этого же племени вышел военачальник Джэдай-нойон, отец которого, сторонник Чингис-хана, был убит мангутами. Малолетнего Джэдая спасли баргуты, которые вырастили его и передали Чингис-хану. Джэдай-нойон впоследствии вошел в число «старших эмиров правого крыла и постоянно находился при особе Чингиз-хана». Баргуты в 1201 г. добровольно признали власть Чингис-хана. Они и прибывшие к Байкалу послы монгольского хана заключили «союз мира и родства», поклявшись быть «братьями друг другу». Баргутское племя, резюмирует Рашид-ад-дин, «до настоящего времени притязает на родство и дружбу (с монголами. — Б.З.) и имеет всякого рода утвержденные [за ним] права»¹.

Богатая яркими событиями баргутская история спорадически привлекала к себе внимание исследователей. К середине минувшего столетия в изучении этногенеза баргутов были достигнуты определенные успехи: выявлены основные источники, частично установлена территория первоначального расселения, выяснены прямые предки — общность байырку в составе группы племен теле. В дальнейшем в разработке проблемы существенных подвижек не произошло. Разное понимание и, как следствие, разная интерпретация данных одних и тех же источников ощутимых результатов не дали и ожидаемо привели к тому, что исследования, включая и настоящее, в лучшем случае повторяют то, что было сказано в 1950-е годы. Особенно это относится к вопросу об этнической принадлежности байырку, решение которого фактически застыло на уровне полувекковой давности. Чтобы сдвинуть проблему с мертвой точки в публикации предпринято новое исследование этногенеза баргутов, которое по своей научной значимости выходит далеко за рамки истории одного баргутского этноса.

Наиболее ранние публикации, в которых затронут вопрос о происхождении байырку, датируются концом XIX века. Н.А. Аристов и Й. Маркварт полагали, что данная общность входила в число тюркских племен. В дальнейшем аналогичного мнения придерживались А.Н. Бернштам, А.П. Окладников, Е.В. Ковычев, А.Г. Малявкин, Л.П. Потапов, Сундуй².

В середине 50-х и начале 60-х гг. XX в. появились труды известного бурятского историка Г.Н. Румянцева, который считал, что байырку имели монгольское происхождение. Его взгляды разделяли Ц.Б. Цыдендамбаев, Д.Д. Нимаев, П.Б. Коновалов, Тубшинима, Жи Буяндэлгэр³.

Румянцев по праву относится к числу видных отечественных специалистов в области изучения этногенетических проблем. Не случайно многие положения его работ, выдержав проверку временем, сохраняют свое научное значение и поныне. Однако наряду с очевидными достоинствами его исследованиям присущ один существенный недостаток. Он проявляется в том, что в них практически все древние и средневековые этносы, когда-либо обитавшие на территории проживания современных монгольских народов, представлены как изначально имевшие монгольские корни. Этот ошибочный взгляд был перенесен им и на байырку. Основной довод Румянцева в пользу монголизма данной общности сводился к тому, что ее предводитель носил монгольский, как он считал, титул эркин. Он пишет, что в надписи Кюль-тегина (VIII в.) глава племени байырку назван вели-

ким иркином. Иркин — это не тюркский, а монгольский титул *erkin*, что говорит о принадлежности байырку к монголам ⁴.

Хочется отметить, что по названиям титулов невозможно с достаточной степенью надежности определить этническую принадлежность средневековых этносов, в частности, монголов и тюрков, занимавших близлежащие, порой незаметно переходящих одна в другую, территории в лесостепном поясе Евразии. Правда, в редких случаях этот подход, как будет видно при обращении к материалам А.Г. Малявкина, дает определенный результат, но его значение не стоит преувеличивать. Однако в связи с тем, что Румянцев в основу выдвинутой им гипотезы положил титул, необходимо рассмотреть его обозначение эркин.

Гипотеза Румянцева, выраженная короткой формулировкой «иркин — это монгольское *erkin*», характеризующаяся отсутствием ее последовательного обоснования и ссылок на источники, никогда не становилась предметом критического рассмотрения. Может быть, именно поэтому, в силу ошибочно кажущейся неуязвимости, она до сих пор популярна среди некоторой части исследователей ⁵. Хотелось бы напомнить, что за гипотезами, которые никак не обоснованы и не подкреплены ссылками на источники, чаще всего обнаруживается пустота. Поэтому прежде чем довериться им, целесообразно, во избежание повторения чужих ошибок, подвергнуть их тщательному анализу и проверке. Во всяком случае такой подход может считаться безусловно верным в свете значительно возросшего с середины предыдущего столетия уровня науки в сфере изучения проблем этногенеза. Кстати сказать, Румянцев при построении своей гипотезы воспользовался усеченным вариантом анализируемого титула — эркин, хотя на памятнике Кюль-тегину он написан в своей полной и исконно тюркской форме — Улуг-Иркин ⁶. Румянцев в случае ссылок на С.Е. Малова приводил полное написание титула в его русском переводе — великий иркин. Однако компоненту великий он никакого значения не придает, считая его, видимо, не частью титула, а нарицательным именем в общем тексте.

Слово *erkin* в значении «главный» содержится в самом раннем монгольском источнике «Тайная история монголов» (ТИМ). Ко времени создания памятника (1240) монголами была создана разветвленная сеть собственной титулатуры. Однако слово *erkin* в значении титула у них не встречается. Оно использовано в самом повседневном и обыденном бытовом значении, что, по-видимому, указывает на то, что не только в XIII в., но и в более раннее время оно монголами в качестве обозначения титула не использовалось. Так, в параграфах 105 и 109 имеется выражение *erkin oede*. Его значение — «главная дверь», под которым подразумевается верхнее дымовое отверстие войлочной юрты. В параграфе 208 говорится, что в 1206 г. Чингис-хан, объявив об образовании монгольского государства, воздал похвалу ближайшим сподвижникам. Обращаясь к Чжурчедою и перечислив все его боевые заслуги по разгрому керейтов, найманов и меркитов, что позволило собрать и сохранить монголов как единый этнос, он дважды произнес одну фразу: «*Erkin tusa čino*», смысл которой — «во всех этих делах главная заслуга принадлежит тебе» ⁷.

Румянцев, конечно, знал слово *erkin* в ТИМ. Думается, ему была известна и сфера его употребления в монгольском языке в период написа-

ния памятника. И все же он, придав анализируемому слову никогда не существовавшего у него значения титула, чем и объясняется отсутствие ссылок на источники, использовал его в качестве важнейшего аргумента для обоснования построенной им гипотезы о монгольском происхождении байырку, чем ввел в заблуждение некоторых последующих исследователей.

Точное представление об этнической принадлежности байырку дают китайские источники. Но прежде чем обратиться к ним, стоит посмотреть на проблему с другой стороны. Следует учитывать тот факт, что в древнетюркский период еще не существовало монгольского этноса. Жужани в середине VI в. были разбиты и отброшены с исторической арены, а появившиеся после них монголы только начинали складываться в этнос в труднодоступном районе правобережья Эргунэ (Аргуни) в местности Эргунэ-кун. Выход монголов из Эргунэ-куна и прибытие на территорию современной Халхи состоялся приблизительно на рубеже VIII—XX веков. Поэтому считать, что байырку ко времени правления Суйской династии, когда их имя впервые прозвучало в китайских источниках, относилось к монголам, по меньшей мере, некорректно.

Образовавшийся после разгрома жужаней в Монголии и на некоторых сопредельных территориях вакуум был заполнен двумя крупными тюркоязычными группами — тукю (туцзюэ) и теле. Конечно, в их составе могли находиться вкрапления мелких разрозненных осколков жужаней и других монголоязычных общностей. Но едва ли эти маргинальные или полумаргинальные группы были дееспособными этносами, способными играть сколь-нибудь значимую роль в регионе. По сравнению с ними байырку, способные выставить до 10 000 отборного войска, представляли реальную и внушительную военную силу⁸. Самое главное: во Внутренней Азии ни к началу, ни к середине I тыс. н. э. в составе ранних монголоязычных этносов (сяньби, ухуань, цифу, туфа, кумоси, хуэймо, туюйхунь, улохоу и др.), живших на востоке и юго-востоке нынешней Внутренней Монголии и возникших после разгрома племенами хунну в 209 г. до н. э. локализовавшейся южнее Большого Хингана крупной метаэтнической общности дунху, не существовало этноса, который назывался бы байырку. Поэтому время от времени повторяющееся, но не доказанное ни одним фактом мнение, что племена теле представляли собой не столько этническое, сколько политическое объединение, в котором наряду с тюркскими находились монгольские племена, носит сугубо умозрительный характер⁹.

В многочисленных источниках содержится целая россыпь сведений о том, что титул иркин носили тюркские правители и в их числе вожди байырку. Следует особо подчеркнуть, что властители байырку кроме иркин носили титул эльтебер, которого у монголов, как позволяют судить источники, тоже никогда не было. Из танских анналов известно, что в 647 г. в императорскую ставку в Линчжоу (в современной Внутренней Монголии) приезжали 12 телеских вождей, среди которых был эльтебер племени баегу Цзюэлиши¹⁰. Источник «Тукзюэ цзиши» («Материалы по истории тюрков», сост. Чэнь Чжунмянь), приведенный Малявкиным, также сообщает, что властитель байырку носил титул эльтебер (Малявкин термины байырку, эльтебер и иркин писал так: байирку, эльтабир

и эркин). В нем сказано, что «байырку... являются отдельным телеским племенем, живут на восточных границах [племени] боку/бокут (т.е. пугу. — Б.З.), побеждающих войск более 10 тыс. чел. ... Их вождь эльтабир Цюйлиши»¹¹.

Малаявкин отмечает, что составители танских хроник были хорошо осведомлены о том, что эркин (сыцзинь) и эльтабир (селифа) — тюркские титулы. В подтверждение он сослался на фрагмент текста «Синь Тан шу», в котором сказано, что «в 17-м году эры правления Кай-юань (3.II.729—22.I.730) князь-эркин прислал ко двору сына Гудуши. В 21-м году (21.I.733—8.II.734) князь-эльтабир прислал в качестве подарка группе девушек-музыкантов, одновременно отправил вождя-тархана Доболэ ко двору с данью. В 11-м году эры правления Тянь-бао (21.I.752—7.II.753) князь Лоцюаньцзе [императорским указом] поставлен ябгу»¹².

В кратком комментарии к тексту автор пояснил, что в нем идет речь о присоединении князю государства тюрков Гудо очередного титула ябгу, который стоял выше титулов иркин и эльтебер. Последовательное получение данных титулов князем Гудо было возможно потому, что этническая общность, к которой он принадлежал, относилась к тюркам¹³. Слова Малаявкина в полной мере применимы к байырку: они относились к тюркской группе, поэтому их вожди удостаивались титулов иркин и эльтебер.

Румянцев, пытаясь доказать монгольское происхождение байырку, писал, что они как монголы не были одиноки на Востоке. Другим древнемонгольским племенем являлось обитавшее южнее их в верховье Онона пугу. Китайские летописцы в связи с тем, что оно входило в группу теле, незаслуженно причисляли его к тюркам¹⁴.

Здесь хотелось бы возразить, что при анализе источников не выявляются данные, которые безальтернативно характеризовали бы пугу как монголов. Наоборот, источники говорят о них как о тюрках. Например, в числе 12 телеских предводителей, приезжавших в 647 г. к танскому императору в Линчжоу, помимо эльтебера байырку был эльтебер племени пугу Гэлань Баянь¹⁵. О принадлежности пугу к тюркам свидетельствует не только этот титул, но и другой красноречивый факт — отсутствие племени с таким названием в I тыс. н.э. в перечне монголоязычных этносов Внутренней Азии. Кроме того нельзя сбрасывать со счетов и такое важное свидетельство китайских хроник, что общность пугу, подобно байырку, по основным этническим признакам не имела явно выраженных отличий от туцзюэ. Словом, имеющийся материал показывает, что пугуская общность, как и байырку, относилась к тюркам, хотя в научных публикациях именно эти две группы наиболее часто позиционируются как монгольские, когда заходит речь о возможных монгольских компонентах в составе тюрков-теле.

В настоящее время данные письменных источников о пугу пополнились уникальными археологическими материалами. В 2009 г. учеными Улан-Батора и Улан-Удэ был исследован крупный курган-кено-таф тюркского времени на северном берегу р. Толы, названный Шорон Бумбагар. Памятник датируется 678 г.н.э. Внутри на каменных плитах китайскими иероглифами выбита эпитафия дуду (управителю) округа Цзиньвэй, предводителю племени пугу в составе теле, происходившего с гор Цзинь Шань (Алтай), И-ту-шо-е, внуку упоминавшегося выше эль-

тебера Гэлань Баяня. Обнаружено много артефактов и в их числе шесть десятков деревянных и керамических статуэток людей, две из которых изображают самого И-ту-шо-е. Все они сугубо индивидуальны: различаются лицами, прическами, одеждой, обувью и т.д. Подлинная портретность изображений позволила провести детальный анализ их антропологических особенностей, который показал очевидную долихоцефальность индивидов, высокий «орлиный» нос, европеоидный разрез глаз, выступающий подбородок и т.д. Был сделан вывод, что отмеченные признаки типичны для внутреннеазиатских монголоидов с европеоидной примесью. Находки демонстрируют несомненную принадлежность прототипов скульптур в кургане к представителям южносибирской расы, конкретно — к тюркам-пугу¹⁶.

Возвращаясь к исследованию байырку, стоит отметить, что среди источников выделяются те, в которых этническая принадлежность этноса исключает двойное толкование. В надписи на древнетюркской стеле в долине Орхона в честь кагана Могиляна говорится, что при восшествии на престол Бильгя-кагана тюркские беги располагались в следующем порядке: позади (на западе) — тардуш-беги с Кюль-чуром во главе, а за ним — шадapyт-беги; впереди (на востоке) — толес-беги с Апа-Тарканом во главе, а за ним — шадapyт-беги; направо (на юге) — Таман Таркан с Тоньюкуком Бойла Бага Тарканом во главе, а за ним — Буюрук-беги. Далее в надписи отсутствуют (вероятно, из-за механических повреждений) слова налево (на севере). Если бы они были, то последняя фраза в разбираемом тексте, очевидно, звучала бы так: налево (на севере) находится «...во главе вождь Внутренних буюруков Кюль-Эркин, а за ним буюруки. Столько теперь бегов...». Названный здесь Кюль-Эркин, указал С.Е. Малов, был правителем земли, называвшейся Байырку¹⁷. Ее местоположение подразумевают те же отсутствующие в надписи слова налево (на севере), которые по традиционной тюркской ориентации по странам света обозначали север и соответствовали современному Забайкалью. Поскольку Кюль-Эркин в памятнике со всеми другими вождями назван тюркским бегом, то данное обстоятельство означает, что тюркское происхождение имело и племя байырку, правителем которого он был.

Наиболее полно и убедительно тезис о тюркских корнях байырку раскрывают китайские источники. В династийных хрониках «Суй шу» и «Бэй ши» указано, что племена теле баегу (байырку), пугу, тунло и др. — потомки хунну. Они относятся к туцзюэ. Нравы и обычаи их сходны¹⁸. Такие же сведения имеются в «Синь Тан шу», где, кроме того, содержится весьма ценное сообщение, что «язык баегу мало отличается от языка теле»¹⁹. Таким образом источник указывает на то, что байырку говорили на языке тюрков-теле, который, в свою очередь, имел мало отличий от языка тюрков-туцзюэ, потому что оба этноса были близкородственны благодаря общим ближайшим предкам в лице хунну.

В «Суй шу» и «Бэй ши» исключительно важную смысловую нагрузку несет предложение «Они (теле. — Б.З.) относятся к туцзюэ». На первый взгляд может показаться, что оно информирует об известном антагонизме между теле и туцзюэ, возникшем в 536 году. В том году, как свидетельствуют источники, туцзюэсцы внезапно напали на шедших войной

на своих заклятых врагов жужаней телесцев и, учинив разгром, захватили 50 000 кибиток. Так было положено начало подчинению теле туцзюэ. Телеские племена в руках верхушки Тюркского каганата представляли собой грозную силу, часто использовавшуюся для завоевательных походов. Не случайно в летописи Танской династии записано, что тукюсцы «их силами геройствовали в пустынях севера»²⁰.

Однако представляется, что содержание анализируемого предложения не стоит рассматривать в отрыве от общего контекста сообщений китайских источников. В нем в соответствии с тюркской генеалогией заключена мысль о тесной этнической близости теле и туцзюэ, так как обе группы имели общих предков в лице хунну. Эта же мысль содержится в «Синь Тан шу», где говорится о близости языка байырку и теле и, как теперь стало ясно, языка байырку и туцзюэ, и в хронике «Цзю Тан шу», в котором ведущее племя телесцев вэйху (хойху) в одном случае упоминается как телеская, в другом — как туцзюэская общность²¹. Придание в источниках фактической синонимичности этнонимам теле и туцзюэ может означать только то, что для китайцев принадлежность телеских племен, включая байырку и рассматривавшихся пугу, к тюркским никогда не вызывала сомнения. Этот важный момент нашел свое отражение в разбравшемся предложении из «Суй шу» и «Бэй ши».

Впервые предположение о близких родственных связях между теле и туцзюэ, в связи с чем после середины I тыс. н. э. телесцы нередко назывались туцзюэсцами, было высказано мной в 2005 году. Аналогичный вывод в 2011 г. на основе анализа большого количества китайских источников сделан известным узбекским историком-китаеведом А. Х. Ходжаевым. Он пишет, что этноним туцзюэ, ставший последним звеном в цепи китайских вариантов слова тюрк в форме ди, дили, динлин, чилэ, теле, появился в VI веке. После образования в 552 г. Тюркского каганата указанный этноним в китайской историографии стал рассматриваться в двух значениях: как название нескольких племен, ведших свое происхождение от легендарного Ашины, и как общее наименование всей совокупности тюркских этносов, включая телеские, выросших из одного корня и объединившихся единым названием тюрк. Этническое название теле, несмотря на то, что у его носителей появилось дополнительное имя туцзюэ, не вышло из обращения и еще долго, до распада Уйгурского каганата, находилось в активном употреблении²².

Со всем вышеизложенным хорошо согласуется содержание слова байырку, которое, что подтверждают все известные источники, было исконным названием изучаемого в настоящей публикации этноса. Поэтому хотелось бы еще раз подчеркнуть, что в I тыс. н. э. в составе тюрко-телеского объединения существовало племя байырку, название которого китайцами записывалось как баегу. Этнонима баргут в то время не было. Поэтому недавнее высказывание П. Б. Коновалова и С. Б. Миягашевой о том, что якобы попавшие в VI в. в зависимость от тюрков монголоязычные баргуты стали вынужденно называть себя чужим именем байырку, а в IX в., после падения тюркского владычества, вернули свое самоназвание баргут, повторяющее предложенную в начале 70-х гг. минувшего века крайне неудачную и в теоретическом плане глубоко ошибочную гипотезу Ц. Б. Цыдендамбаева о замене и сознательном возврате по ис-

течении ряда веков самоназвания²³, не более чем домысел, лишенный реальной основы²⁴.

Этносы развиваются по определенным законам, с которыми нельзя не считаться. Наличие этнонима (самоназвания) является необходимым условием и предпосылкой существования любого этноса, потому что его исчезновение означает утрату этнического самосознания. В свою очередь, утрата этнического самосознания, выражающего чувство принадлежности к определенной этнической общности и являющегося отражением в сознании людей реально существующих внутри нее этнических связей²⁵, означает распад и смерть этноса. Возникший на его месте новый этнос, как правило, имеет другое самоназвание.

Байырку, как небезосновательно считают исследователи, было одним из наиболее заметных по численности и военной силе телеских племен. Не зря его имя вошло в китайские и древнетюркские анналы. По-видимому, окончательное формирование и становление данной общности произошло в Забайкалье, в Баргузинской долине, где сосредоточен весь имеющий отношение к баргутам фольклорно-топонимический и археологический материал. В частности, именно здесь этнос мог получить от соседних племен имя байырку. Значение данного слова, которое к настоящему времени сохранилось в кыргызском языке, — «древний, стародавний, примитивный»²⁶. Оно как имя могло быть дано байырку потому, что то место, где они жили, населению более южных районов всегда представлялось глухой, холодной и малокультурной окраиной. Такая характеристика родины байырку возле Байкала, где в XIII в. и позднее жили их потомки баргуты, приведена в «Сборнике летописей»²⁷.

Территория обитания племени обозначалась его самоназванием — Байырку. Так сказано в надписи на стеле в честь тюркского кагана Могиляна. Упомянутый в ней Кюль-Эркин был правителем земли Байырку, находившейся в Забайкалье. О том, что местность у Байкала по названию ее обитателей действительно именовалась Байырку, свидетельствует фрагмент другой надписи на памятнике в честь тюркского Кюль-Тегина. Текст гласит: «Вперед (т.е. на восток) я прошел с войском вплоть до Шантунгской равнины, немного не дошел до моря; ... налево (т.е. на север) я прошел с войском вплоть до страны Йир-Байырку, — вплоть до столь (многих) стран я водил (свои войска)»²⁸.

Существовали разные способы образования топонимов. Среди них известен один, согласно которому имя этноса становилось территориальным названием²⁹. Скорее всего топоним Байырку как раз представлял собой это довольно редкое топонимическое и одновременно этнографическое явление. Действительно, называние местности вблизи Байкала и жившей там этнической группы одним и тем же словом свидетельствовало только об одном: на определенном этапе этноним байырку стал дополнительно выполнять функцию топонима. После того, как занимаемая племенем территория была полностью им освоена, она по имени своих обитателей в форме Байырку стала известна далеко за пределами Байкальского региона.

Со временем ареал расселения и кочевания байырку значительно расширился в юго-восточном направлении. В период тюркских каганатов они упоминаются к востоку от пугу до западного берега оз. Хулун³⁰. Бли-

зость к глубинным районам Внутренней Азии позволяла им участвовать в крупнейших событиях тюркской истории, наиболее громким из которых следует считать создание в первой половине VII в. каганата сеяньто. Очевидно после разгрома сеяньто и падения Уйгурского каганата байырку отошли на свою первоначальную родину к Байкалу и в дальнейшем жили только там.

Предположительно в конце I тыс. н. э., после выхода на историческую авансцену монголов, началась монголизация территории около Байкала, в том числе на его восточной стороне. Завершился тюркский этап истории байырку и начался новый, монгольский, период истории оставшихся на этих же землях их потомков баргутов. Это выразилось в том, что получившие интенсивное развитие ассимиляционные процессы изменили этнический облик байырку. Произошла смена языка, самоназвание байырку приняло монголизированную форму барга, звучавшую и как баргууд (в русском написании — баргут). Данный процесс очень точно охарактеризован Рашид-ад-дином. Он пишет, что племена Баргуджин-Токума и в их числе баргуты в настоящее время называются монголами. Однако вначале их название не было таковым. Оно появилось спустя некоторое время после монголов³¹. Разумеется, производя деление племен на тех, которых называют монголами, и тех, которые получили это имя от них, автор «Сборника летописей» руководствовался классификацией, бытовавшей в монгольском обществе в XIII в. и ранее.

Тот факт, что название байырку приняло форму баргут в результате смены этнической принадлежности этносов, доказывает идентичная семантика обоих этнонимов. Выше было отмечено, что значение слова байырку — «древний, стародавний, примитивный». Аналогичную семантику имеет бытующее в монгольских языках слово барга — «грубый, некультурный, необразованный, неотесанный»³². Одинаковое значение этнонимов байырку и барга (баргут) означает, что при переходе имени байырку из тюркского языка в монгольский некоторой перестройке подверглась только форма слова, а не его смысл.

Изменились не только язык и самоназвание байырку. Трансформировалось и имя их исторической родины. Усиление монголизации прилегающих к Байкалу земель привело к тому, что топоним Байырку путем прибавления монгольского суффикса -жан, использовавшегося для обозначения определенной территории или площади, приняло форму Баргажан (ее значение — «местность, где живет племя барга»). Название Баргажан с добавлением, которое придало новотопониму значение «Баргузинская впадина (котловина)», в ТИМ воспроизведено как Kol-Bargujin-togum, а в «Сборнике летописей» — Баргуджин-Токум.

Все вышесказанное свидетельствует о том, что байырку по этнической принадлежности относились к тюркам, о чем говорят практически все источники. Между тем Коновалов и Миягашева пишут, что баргуты, в тюркское время под давлением называвшие себя байырку, были родоначальниками ряда ведущих бурятских племен и оказались непосредственно причастны к образованию бурятской народности. Этот эпизод в их истории в концентрированной форме воплощен в легендах о предке бурят Баргу-баторе, стоящем во главе этнической генеалогии бурят, что говорит о монгольском происхождении баргутов и, следовательно, байырку³³.

Гипотеза Коновалова и Миягашевой основана на варианте легенды о Баргу-баторе в записи этнографа М. Н. Хангалова, хотя чувствуется, что авторы испытывали определенное эмоциональное воздействие и со стороны других версий легенды. Всего выявлено около 10 вариантов. Три из них очень близки друг к другу по сходству сюжетов и основным персонажам. Создается впечатление, что вначале существовал один текст, созданный неизвестным автором, который, распространившись по Бурятии, за счет внесенных в него дополнений и частичных изменений распался на три варианта, авторы которых сейчас также неизвестны. Хангалов по всей видимости в конце XIX в. записал от кудинских бурят первую, исходную, версию легенды. Запись второго варианта была произведена в 1879—1880 гг. в Кударо-Бурятском хошуне А. З. Заяхановым, а третьего варианта — в 80-х гг. XIX в. преимущественно в Верхоленском крае М. Маласагаевым³⁴.

Кратко содержание легенды о Баргу-баторе в записи Хангалова (в скобках — разночтения с вариантами легенды у Заяханова и Маласагаева) следующее: родоначальником бурят был Баргу-батор. Он жил около Тобольска (по версии Заяханова — на р. Тобол, где был командующим войсками Тогон-Тэмура; по версии Маласагаева — на Аму-Дарье, служа делопроизводителем в армии Тогон-Тэмура) и имел трех сыновей. Через какое-то время Баргу-батор, оставив на месте старшего сына Илюдэр-Тургэна, от которого в Тобольске произошли переселившиеся потом на Волгу калмыки, с другими сыновьями двинулся на восток. Он прибыл в Иркутскую губернию и остановился в Тунке (у Заяханова — на левобережье Ангары), где определил на жительство среднего сына Гур-Бурята. От него здесь пошли племена эхирит и булагат (по версии Заяханова — у Гур-Бурята были сыновья Булагат, найденный в яме, вырытой порозом, и Эхирит, найденный на берегу Байкала). Из Тунки Баргу-батор с младшим сыном Хоридой-мэргэном направился по Лене в Якутскую область (по версии Маласагаева — Хоридой один направился на о. Ольхон). Оставив Хоридоя в Якутии, Баргу-батор вернулся в Иркутскую губернию, где и умер. Хоридой на Лене (у Маласагаева — на Ольхоне) женился на дочери неба птице-лебедю, а потом пришел к Байкалу и поселился на его южной стороне. Родившиеся от этой пары забайкальские хоринцы являются его потомками.

При рассмотрении статьи Коновалова и Миягашевой большое недоумение вызывает тот факт, что в ней изучение легенды о Баргу-баторе сведено к ее простому пересказу. Не проведя никакого анализа текста, в частности, не выявив и не исследовав имевшие место в районе Байкала этнические процессы, без чего изучить этногенез невозможно, приняв на веру все изложенное в легенде, не объяснив на конкретных примерах, что могло сблизать баргутов с основными бурятскими племенами, они тем не менее пришли к глобальному в отношении баргутов выводу, согласно которому те выполнили «роль предковой межэтнической общности, олицетворенной в эпическом имени Баргу-баатар». Эта предковая и этнообразующая миссия Баргу-батора, то есть баргутов, пишут авторы, сохранилась «в народном сознании ранних бурят»³⁵.

В этих словах заключена мысль, что баргуты были родоначальниками ведущих бурятских племен булагат, эхирит и хори, следовательно, они

были предками бурятского народа. Насколько верно это мнение, и являются ли буряты, самый крупный в начале 2000-х гг. аборигенный народ Сибири, всего лишь вторичным, возникшим от баргутов этносом, механизм сложения которых в народность был «запущен» баргутами без непосредственного их участия в этом процессе?

В начале исследования уже отмечалось, что баргуты стали широко известны другим народам за счет активного участия в XIII в. в монгольских событиях, в том числе в походах на запад. Будучи оставленными на завоеванных территориях в составе контингента военных гарнизонов, они обнаруживаются сейчас среди казахов и кыргызов. Вероятно, их потомки имеются в Иране, о чем сообщил Рашид-ад-дин, а также в других странах Среднего Востока, куда докатились монгольские завоевания.

Кроме названных групп крупный по численности баргутский этнос (около 10 тыс. чел.) живет на северо-востоке Китая, правее р. Аргуни, в местности Хулун-Буир. Данная общность последней, до прихода русских, покинула общую родину баргутов на восточном берегу Байкала³⁶. Эти баргуты дошли до середины Амура, откуда во время войны Якса (по архивным источникам битва за солонский городок Яксу произошла в 1640 г.)³⁷ были насильно уведены вторгшимися маньчжурами на юг, вглубь Китая. Там они были включены в знаменное войско и получили от маньчжуров почетное наименование старые, которое стало использоваться с их самоназванием баргут (старые баргуты). В 1732 г. баргуты через г. Цицикар были переброшены к Аргуни для несения охранной службы на китайско-русской границе. Хулун-Буир стал их новой родиной.

Подлинные мотивы исхода баргутов от Байкала неизвестны, со слов информаторов выясняется лишь то, что он был вынужденным. По сообщениям старожилов баргузинской долины Бурятии, баргуты спешно покинули этот край тогда, когда там стало расти белое дерево и появился белый зверек с черными кончиками ушей. Если учесть, что в фольклоре некоторых сибирских народов появление необычных деревьев является предвестником надвигающейся беды³⁸, то можно предположить, что для баргутов белое дерево и белый зверек тоже были сигналом для скорейшей смены места обитания, и получив его, они поспешили уйти.

Говоря о баргутах как о давних обитателях Байкальского региона, необходимо подчеркнуть, что в традиционном бурятском фольклоре материалов о них почти не сохранилось. Этот феномен, скорее всего, обусловлен тем, что после XIII в. по неясным сейчас причинам у баргутов были сильно ослаблены или даже утрачены многие прежние связи и контакты с другими коренными группами населения по восточную сторону Байкала. Только так можно объяснить то, что за истекшие столетия память о них по существу полностью исчезла из сознания бурят и других этносов региона. Поэтому ни о каком племенном союзе, якобы существовавшем в XIII в. и позже даже не по одну, а по обе стороны Байкала, который будто бы возглавлялся баргутами, говорить не приходится³⁹. Сведений о нем в источниках нет.

Что касается хулун-буирских баргутов, то они, в свою очередь, мало что помнят о своей прежней родине у Байкала. Сохранились лишь смутные воспоминания, что она находилась в Забайкалье и называлась Баргуджин-Токумом. Их правителя звали Баргу-батор, который был известен

и как Буурал-Дайчин (досл. «Седовласый воитель»). Баргуты не говорят, какие племена и народы жили с ними в Баргуджин-Токуме, с кем из них они были в родстве. Не сохранилось у них и воспоминаний о бурятах.

Не будет преувеличением сказать, что такой же уровень сохранности воспоминаний о былой родине у Байкала в исторической памяти баргутов был и в XIX в., и в более раннее время. Это, как представляется, предопределено тем, что такой безусловно катастрофический для них по своим последствиям эпизод, как вынужденное оставление своей исконной родины, что предположительно произошло в XVI в., так или иначе должен был заслонить собой все предыдущие события, имевшие место в истории баргутов до их ухода из Баргуджин-Токума. В таком случае не понятно, откуда авторы легенд о Баргу-баторе, записанных Хангаловым, Заяхановым и Маласагаевым, взяли материал, повествующий о том, что главный персонаж был родоначальником бурят, находился на службе у монгольского хана Тогон-Тэмюра, с сыновьями жил на Аму-Дарье, в Тобольске, Тунке, Якутии и т.д. Чтобы разобраться в этом, надо вновь обратиться к научному творчеству Румянцева.

Следует признать, что если при изучении происхождения байырку им были допущены случаи необъективного и предвзятого рассмотрения материала, то при анализе легенд о Баргу-баторе, он, выявив в них ряд крупных ошибок и несоответствий исторического и этнографического характера, выступил как глубокий и вдумчивый исследователь. Приняв во внимание тот факт, что легенды начинаются с упоминания имени последнего хана Юаньской империи Тогон-Тэмюра, он справедливо предположил, что они были созданы между XVII и XIX веками. В разные периоды сочинителями этих книжных вариантов легенд о Баргу-баторе являлись, по определению Румянцева, представители правящей верхушки бурятского общества, потому что именно у них, как наиболее образованных людей своего времени, могла возникнуть потребность осмыслить и дать свое понимание истории собственного народа. Эти легенды, наполненные новыми мотивами, были призваны обосновать, хоть и искусственно, кровное родство основных бурятских племен эхиритов, булагатов и хоринцев, с одной стороны, друг с другом, с другой стороны, — с баргутами как самым именитым этносом, проживавшим около Байкала. Поэтому легенды вобрали в себя не только элементы древних мифов о Буха-Нойоне, Хоридое, лебедях, но и исторические сведения, заимствованные авторами легенд из разных книг и переработанные ими сообразно собственным представлениям об исторических событиях прошлого. Наибольшие изменения легенды о Баргу-баторе претерпели в XIX веке. В старые племенные генеалогические мифы в соответствии с изменившимися социально-экономическими отношениями и политическими настроениями бурятского общества были вплетены новые мысли и взгляды, пропагандировавшие среди населения единство разобщенных прежде племен и их консолидацию в единый бурятский народ. Эти пробудившиеся идеи национальной общности и национального единения вылились в легенды о Баргу-баторе и его сыновьях ⁴⁰.

Анализируя варианты этих легенд, Румянцев вплотную подошел к пониманию того, что в их основе лежит неаутентичный фольклорный материал, использование которого в научных исследованиях в качестве

источника невозможно. Об этом прежде всего говорит тот факт, что в них легендарный персонаж Баргу-батор представлен как предок бурятского народа, хотя еще со времени создания ТИМ известно, что данная фигура является олицетворением одного баргутского племени. В 8-м параграфе источника имя Баргу-батор записано в форме Баргудай-мэргэн⁴¹. Рашид-ад-дин, касаясь похожих имен, заметил: «Есть такой обычай, что всякий человек, который происходит из этого племени, если он будет мужчина, его называют тутукулитай... [Происходящие] из [племени] алчи-татар [называются] алчитай...; из племени куин-татар — куйтай...»⁴² Все исследователи едины в том, что смысл образованного по этому древнему принципу имени Баргудай-мэргэн — «мэргэн баргутов», по-другому — «предводитель баргутов». Полагать, что имя Баргудай-мэргэн или Баргу-батор может иметь другое содержание, абсолютно нереально.

И тем не менее Коновалов и Миягашева, не придав значения пояснению Рашид-ад-дина, а, может быть, просто не зная о его существовании, возвели Баргу-батара, а в его лице баргутов в этнических предков бурят, допустив тем самым грубейшее искажение бурятской истории, лишив бурят статуса самостоятельного этноса и полноценного творца своей истории. В свете этой ошибочной трактовки нет смысла доказывать, что племена эхирит, булагат и хори, а в целом весь бурятский этнос не являются потомками баргутов. На это указывают вся логика развития этнических процессов в Байкальском регионе в эпоху средневековья, большие различия в этнических культурах бурят и баргутов и факт неучастия последних в мезоэтногенезе бурят, то есть в процессах образования бурятской народности. Если бы баргуты действительно были предками бурят, то они, несмотря даже на возникшие со стороны угрозы в образах невиданных деревьев и зверька, не ушли бы из Баргуджин-Токума в то время, когда западнее Байкала набирали силу объединительные тенденции.

Мезоэтногенез бурят на сегодняшний день основательно разработан путем введения в научный оборот большого числа новых оригинальных источников, в которых баргуты ни в каком качестве не упоминаются. Выявленные источники позволили четко проследить весь процесс сложения бурят в единый этнос. Первый этап (ориентировочно XVI — конец XVII в.) проходил к западу от Байкала. Там сложилось объединение близких по языку, культуре, образу жизни и менталитету племен булагат, эхирит и хонгодор, называвшееся бурат, а затем — бурэт. В рамках второго этапа, начавшегося на рубеже XVII—XVIII вв., на базе объединения бурэт возникла народность. В это время объединительные процессы распространились в Забайкалье, чему максимально содействовало проведение в 1727 г. русско-китайской границы, что позволило присоединить хоринцев и жившие по Селенге монгольские роды. У последних в 40-х гг. имя бурэт приняло форму бурят (значение этнонимов бурат, бурэт и бурят одно — «лесные»), которая в условиях сложной политической конъюнктуры не без помощи российского правительства закрепились в статусе официального наименования и, следовательно, общего самоназвания нарождавшейся народности. В 80-х гг. XVIII в. бурят стало общим названием жителей Забайкалья. Это означало, что объединительные процессы в Байкальском регионе в целом завершились. Образовалась бурятская народность со сложившимся у всего населения единым этническим

самосознанием. Его стержневым элементом было официальное название народности бурят, скрепившее все части нового этноса по обе стороны Байкала.

Подводя общие итоги, хочется отметить, что этногенез известных по монгольским памятникам баргутов восходит к этносу байырку, занимавшему заметное место в структуре тюркских племен теле. О тюркском происхождении байырку свидетельствуют многочисленные данные письменных источников. Особо стоит выделить тот факт, что во Внутренней Азии в I тыс. н.э. ни в составе ранних монголоязычных народов, возникших после распада в 209 г. до н.э. объединения племен дунху, ни в составе начавшего складываться после середины VI в. на северо-востоке Китая в местности Эргунэ-кун монгольского этноса, не было этнической общности, называвшейся байырку. Предпринятая в последнее время попытка обосновать монгольское происхождение байырку и их потомков баргутов с помощью легенд о Баргу-баторе, созданных отдельными представителями бурятского общества в XVII—XIX вв., неудачна. Положительные результаты для решения данного вопроса дает объективный и непредвзятый анализ источников домонгольского времени.

Примечания

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Правительства Российской Федерации № 14.W03.31.0016 «Динамика народов и империй в истории Внутренней Азии».

1. РАШИД-АД-ДИН. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1. М.-Л. 1952, с. 121—122, 166, 185.
2. АРИСТОВ Н.А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. — Живая старина. Вып. 3—4. Отдельный оттиск. СПб. 1897, с. 22; MARQUART J. Die Chronologie der alttürkischen Insschriften. Leipzig. 1898, S. 23; БЕРНШТАМ А.Н. Заметки по этногенезу народов Северной Азии. — Советская этнография. 1947, № 2, с. 63—64; ПОТАПОВ Л.П. Древнетюркская эпоха. В кн.: История Тувы. Т. I. Издание второе. Новосибирск. 2001, с. 68—69; ОКЛАДНИКОВ А.П. История и культура Бурятии. Сборник статей. Улан-Удэ. 1976, с. 76; КОВЫЧЕВ Е.В. История Забайкалья (I — сер. II тыс. н.э.). Иркутск. 1984, с. 31—32; МАЛЯВКИН А.Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии: тексты и исследования. Новосибирск. 1989, с. 141—142, 282; SUNDUI. Erten-u baru yasantan (Древние баргуты). Tongliao. 2005, t. 32—40.
3. РУМЯНЦЕВ Г.Н. Племена Восточной Сибири в IV—XX вв. В кн.: История Бурят-Монгольской АССР. Т. I. Улан-Удэ. 1954, с. 39—44; ЕГО ЖЕ. Происхождение хоринских бурят. Улан-Удэ. 1962. с. 132—136, 168—174, 200—201; ЦЫДЕНДАМБАЕВ Ц.Б. Бурятские исторические хроники и родословные. Улан-Удэ. 1972, с. 279; TUBŠINNIMA GALJUD. Baručud-un teiken irelte (История происхождения баргутов). Kökeqota. 1985, t. 32, 34; НИМАЕВ Д. Д. Буряты: этногенез и этническая история. Улан-Удэ. 2000, с. 76—77; КОНОВАЛОВ П.Б., МИЯГАСHEVA С.Б. К проблеме этногенеза баргутов. — Вестник Бурятского государственного университета. 2012, № 8, с. 174—181; КОНОВАЛОВ П.Б. Баргуджин-Тукум и этническая генеалогия бурят. В кн.: Баргуты: история и современность. Сборник статей. Иркутск. 2016, с. 3—15; BUYANDELGER J. Eligen qayıratu qayıçin baru (Горячо любимая Старая Барга). Tongliao. 2017, t. 16—36.
4. РУМЯНЦЕВ Г.Н. Племена Восточной Сибири в IV—XX вв., с. 42—43.
5. КОНОВАЛОВ П.Б., МИЯГАСHEVA С.Б. Ук. соч., с. 177; КОНОВАЛОВ П.Б. Ук. соч., с. 6.
6. МЕЛИОРАНСКИЙ П. Памятник в честь Кюль-Тегина. — Записки Восточного отделения императорского Русского географического общества. Т. XII. Вып. II—XII. СПб. 1899, с. 72.

7. КОЗИН С. А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. Введение в изучение памятника, перевод, тексты, глоссарии. М.-Л. 1941, с. 222, 280.
8. КЮНЕР Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М. 1961, с. 35.
9. НИМАЕВ Д. Д. Ук. соч., с. 74; Буряты. Серия: народы и культуры. М. 2004, с. 22—24; КОНОВАЛОВ П. Б., МИЯГАСHEVA С. Б. Ук. соч., с. 177.
10. ХАФИЗОВА К. Ш. Кочевой мир в танской поэзии. — Иран-наме. Научный востоковедческий журнал. 2014. № 1—2 (29—30), с. 311.
11. МАЛЯВКИН А. Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии: тексты и исследования. Новосибирск. 1989, с. 141—142.
12. Там же, с. 87, 282.
13. Там же.
14. РУМЯНЦЕВ Г. Н. Происхождение хоринских бурят, с. 135.
15. ХАФИЗОВА К. Ш. Ук. соч., с. 311.
16. БУРАЕВ А. И. Древние тюрки Монголии (реконструкция антропологического состава по данным скульптурных изображений). Улан-Удэ. 2016, с. 19, 52, 201—202.
17. МАЛОВ С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.-Л. 1959, с. 23, 91.
18. ВЭЙ ЧЖЭН. Суй шу (История [династии] Суй). Пекин. 1973, с. 1879—1880; ЛИ ЯНЬШОУ. Бэй ши (История северных [династий]). Пекин. 1973, с. 3303.
19. ОУЯН СЮ. Синь Тан шу (Новая история [династии] Тан). Пекин. 1975, с. 6139—6140.
20. БИЧУРИН Н. Я. (ИАКИНФ). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. М.-Л. 1950, с. 228, 301.
21. ЛЮ СЮЙ. Цзю Тан шу (Старая история [династии] Тан). Пекин. 1959, с. 5356.
22. ХОДЖАЕВ А. Х. Из истории древних тюрков (сведения древнекитайских источников). Алматы. 2011, с. 65, 75—76, 81, 245.
23. ЦЫДЕНДАМБАЕВ Ц. Б. Ук. соч., с. 279.
24. КОНОВАЛОВ П. Б., МИЯГАСHEVA С. Б. Ук. соч., с. 177—178; КОНОВАЛОВ П. Б. Ук. соч., с. 8.
25. Свод этнографических понятий и терминов. Этнические и этносоциальные категории. Вып. 6. М. 1995. с. 114, 151.
26. ЮДАХИН К. К. Киргизско-русский словарь. Кн. 1. М. 1965, с. 99.
27. РАШИД-АД-ДИН. Ук. соч., с. 123—124, 157.
28. МАЛОВ С. Е. Памятники древнетюркской письменности: тексты и исследования. М. — Л. 1951, с. 34.
29. ВАСИЛЕВИЧ Г. М. Самоназвание *орочон*, его происхождение и распространение. — Известия Сибирского отделения Академии наук СССР. Серия общественных наук. 1963, № 9, вып. 3, с. 71—73.
30. ВЭЙ ЧЖЭН. Ук. соч., с. 1880; ЛИ ЯНЬШОУ. Ук. соч., с. 3303.
31. РАШИД-АД-ДИН. Ук. соч., с. 77.
32. КОВАЛЕВСКИЙ О. М. Монгольско-русско-французский словарь, составленный профессором О. Ковалевским. Т. 2. Казань. 1846, с. 1108.
33. КОНОВАЛОВ П. Б., МИЯГАСHEVA С. Б. Ук. соч., с. 174—181; КОНОВАЛОВ П. Б. Ук. соч., с. 7.
34. ХАНГАЛОВ М. Н. Барга-Батур. В кн.: Сказания бурят, записанные разными собирателями. Т. 1. Вып. 2. Иркутск. 1890, с. 112—113; Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, инв. № 269 (690), л. 1—3; Национальный архив Республики Бурятия, ф. 362, л. 75—79.
35. КОНОВАЛОВ П. Б., МИЯГАСHEVA С. Б. Ук. соч., с. 180.
36. Баргузинские и хулун-буирские информаторы едины в том, что уход баргутов из Баргуджин-Токума состоялся до прибытия русских к Байкалу. Это сообщение подтверждает русский архивный материал. Первые отряды русских казаков проникли в «братские» земли в 1629 г. на Ангаре. Продвигаясь на восток, они фиксировали все встречавшиеся на их пути местные родоплеменные наименования. Но в казачьих донесениях, в том числе и из Забайкалья, совершенно не упоминается этноним баргут, что бесспорно говорит о том, что в начале XVII в. группы с таким названием около Байкала уже не было.

37. История Северо-Восточного Китая. XVII—XX вв. Владивосток. 1987, с. 57—58, 188.
38. МОЛДОБАЕВ И. Б. Устные рассказы о кыргызах у народов Сибири (к вопросу об этногенезе киргизов). В кн.: Этническая история народов Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск. 1993, с. 293—294.
39. НИМАЕВ Д. Д. Ук. соч., с. 79; SUNDUI. Op. cit., с. 32; КОНОВАЛОВ П. Б. Ук. соч., с. 7.
40. РУМЯНЦЕВ Г. Н. Происхождение хоринских бурят, с. 167, 170—173, 200—201.
41. КОЗИН С. А. Ук. соч., с. 79.
42. РАШИД-АД-ДИН. Ук. соч., с. 103.

МЕЖДУНАРОДНОЕ НАУЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

ББК Т63/УДК 93/94

Из истории румынской Сигуранцы в Бессарабии (1918—1940)

П. Морару

Аннотация. В публикации рассматривается организация и деятельность бессарабской Сигуранцы в межвоенный период, когда Бессарабия была составной частью королевской Румынии. Анализ советской и постсоветской историографии показал, что данная тема мало исследована и известна, а тезисы, взятые из советских пропагандистских работ, попали в научные статьи и исказили историческую действительность. Целью данной работы является исследование и анализ, на основе архивных документов, деятельности Сигуранцы в Бессарабии с выявлением угроз в адрес государственной безопасности и мер по их пресечению.

Ключевые слова: Сигуранца, Бессарабия, угроза государственной безопасности, коммунистическая деятельность.

Abstract. In this publication is presented the organization and activity of the Bessarabian Siguranta during the interwar period, when it was part of Kingdom of Romania. The Soviet and Post-Soviet historiography has shown that there is little research concerning this theme and the Soviet propaganda from the existing scientific researches has changed the historical reality. Concerning this situation, the aim of the article was to study and analyze, using the documents from archives, the activity of the Bessarabian Siguranta, in order to identify, prevent and control the threatening towards State Security.

Key words: Siguranta, Bessarabia, threatening state security, communist activity.

Создание и реорганизация Сигуранцы. Сигуранца была создана сразу же после крестьянского восстания 1907 г., которое застало врасплох румынские власти. До этого, по «Закону общей полиции государства» от 1 апреля 1903 г., органы полиции существовали только в городах, и сельские власти не имели информации о настроениях населения и социальных недовольствах, нужной для предотвращения массовых беспорядков.

В связи с этим, с одобрения министра внутренних дел Ион (Янку) Панаитеску, директор Генерального Управления полиции МВД, создал

Морару Павел — доктор исторических наук, доцент Университета «Лучиан Блага». Сибиу. Румыния. E-mail: morarup@yahoo.do.

Morararu Pavel — doctor of historical sciences, associate professor (conferentiar) at the “Lucian Blaga” University of Sibiu. Romania. E-mail: morarup@yahoo.do.

небольшую службу информации при Управлении Администрации МВД, которая уже к концу 1907 г. имела хорошую разведывательную сеть по всей стране. Несмотря на то, что полиция безопасности (Сигуранца) начала свою деятельность в 1907 г., «Закон о создании Управления Полиции и Общей Безопасности» МВД (УПОБ) был принят и опубликован только 25 марта 1908 года. В соответствии с ним были созданы центральные бригады безопасности (10) и внешние (территориальные) службы полиции государственной безопасности, названные «бригады безопасности/сигуранцы» и «специальные службы безопасности/сигуранцы», которые начали действовать во всех городах, уездах и важных центрах страны. В их задачи входило отслеживание подрывной деятельности, настроений населения, обеспечение безопасности стратегических объектов и т.д. ¹ Деятельностью УПОБ руководили Янку Панаитеску (директор) и Стан Н. Еманоил (заместитель директора).

Румынские власти считали новую организацию «нервом полиции». Она была призвана находиться в курсе всех происходивших событий и вовремя оповещать о необходимых мерах по обеспечению общественного порядка и государственной безопасности; улавливать все социально-политические движения в стране и в соседних государствах для предотвращения действий подрывного характера против Румынского государства. Создание Сигуранцы стало большим успехом в обеспечении правопорядка, благодаря чему Я. Панаитеску был приглашен в Турцию для реорганизации турецкой полиции ².

В годы первой мировой войны ³ органы Сигуранцы являлись составной частью румынской военной разведки. До 1916 г. разведывательная работа велась агентами Сигуранцы, прикрепленными к командованиям войск ⁴. Затем, при каждой большой воинской части, была создана разведывательная ячейка, в которую входили: офицеры военной разведки, работники контрразведки (они были приглашены из Сигуранцы, имея в виду их больший профессиональный опыт в области контршпионажа) и поддержания правопорядка (жандармский отряд) ⁵.

Осенью 1916 г. была создана «Румыно-русская специальная служба безопасности» при Генеральном Штабе Румынской армии, с контрразведывательными задачами в операционной зоне фронта и в собственном тылу. Во главе службы находился Ромулус П. Войнеску, один из ведущих работников Сигуранцы. Ему помогали И. Вамешу, Т. Кулица, И.И. Джорджеску, Ф. Кристеску, В. Захиу, Г. Штефу, З. Хусэреску и др. Российское командование на Румынском фронте направило на работу в эту службу полковника жандармерии Евгения Леонтовича, подполковника Бондаренко, а также примерно 100 офицеров, гражданских работников и агентов. В результате российских работников оказалось намного больше румынских ⁶. Деятельность службы осуществлялась в соответствии с «Регламентом Службы румыно-русской контрразведки» ⁷, в котором были предусмотрены задачи и полномочия сотрудников, включая русских агентов, на территории Румынии.

После присоединения Бессарабии к Королевской Румынии (27 марта 1918 г.) румынские органы МВД, вместе с другими государственными учреждениями, расширили свою деятельность и на бессарабской территории. Были созданы два жандармских полка, квестуры полиции и По-

динспекторат общей безопасности/Сигуранцы государства (ПОБГ) ⁸ для обеспечения, в тесном сотрудничестве с частями Румынской армии, общественного порядка, предотвращения террористических актов, пресечения шпионажа, коммунистической пропаганды и разного рода подрывной деятельности ⁹.

Для содействия выполнению этих задач 1 августа 1918 г. был установлен режим осадного положения ¹⁰ на полосе, имевшей ширину 30—50 км, которая проходила вдоль реки Днестр. Это предполагало ограничение передвижения граждан, ущемление некоторых гражданских свобод и т. д. ¹¹ Установление режима осадного положения было вынужденной мерой, вызванной сложной внутривосточной и социальной обстановкой в Бессарабии и за Днестром. Введение комендантского часа в Бессарабии стало предметом спекуляций. Утверждалось, что это свидетельствовало о том, что Румыния установила в Бессарабии тяжелый оккупационный режим.

К концу 1918 г. ПОБГ были созданы в Кишинёве, Черновцах, Клуж и Констанце. Префектуры полиции работали в Бухаресте, Кишинёве, Брэиле, Четатя Албэ/Аккермане, Констанце, Крайове, Галацах, Яссах, Измаиле и Плоештах. Всего в Румынии насчитывалось 81 отделение городской полиции, 21 специальная служба сигуранцы (безопасности), 47 бригад сигуранцы, 6 специальных подбригад сигуранцы, 26 отделов полиции портов и 22 вокзалов ¹².

ПОБГ Бессарабии имел во всех уездах специальные службы и бригады сигуранцы ¹³, а он сам подчинялся Управлению полиции и общей безопасности/Сигуранцы (УПОБ) МВД. И специальные службы сигуранцы, и ее бригады располагали большой агентурной и осведомительной сетью агентов, завербованных в разных политических, социальных, экономических и культурных кругах, без которых выполнение разведывательных и контрразведывательных задач было бы невозможно.

Ромулус П. Войнеску, организовавший и руководивший Сигуранцей Бессарабии в первые послевоенные годы, был образованным человеком, имевшим докторскую степень, защитившим диссертацию в Париже, а до 1908 г. возглавлявшим бухарестскую Сигуранцу ¹⁴. В годы первой мировой войны способствовал созданию «Румыно-русской специальной службы безопасности», которую сам и возглавил. Он изучил организацию и функционирование французской, немецкой и бельгийской полиций, чтобы реформировать румынские органы внутренних дел на современных принципах ¹⁵.

С 1919 г. бессарабскую Сигуранцу возглавил Думитру Захиу — специалист с большим профессиональным опытом, работавший в годы войны в той же «Румыно-русской специальной службе безопасности». В 1920 г. его сменил Захария (Зиновий) Хусэреску, а с 1930 и до июня 1940 г. начальником Сигуранцы Бессарабии был Константин Маймука. Они написали интересные работы, основанные на документальных материалах периода их руководства бессарабской Сигуранцей ¹⁶.

Первая реформа МВД после присоединения Бессарабии, Буковины и Трансильвании к Королевской Румынии была проведена 22 июня 1919 г. (последняя прошла в 1913 г. на основе закона от 20 июня). Ее необходимость была продиктована недавними политическими и территори-

альными преобразованиями — присоединением к Румынии провинций, которые до этого находились в составе распавшихся государств — Австро-Венгрии и Российской империи. Реформа имела целью ввести четкую и единую организацию органов МВД на всей территории страны¹⁷.

Подразделения (бригады и специальные службы) Инспектората полиции и безопасности/Сигуранцы (ИПБ) Бессарабии находились во всех уездах и важных с точки зрения государственной безопасности центрах (Хотин, Бельцы, Сорока, Оргеев, Тигина, Лэпушна, Четатя Албэ/Аккерман, Измаил, Кагул, Рени, Болград, Килия Ноуэ, Вылков, Леова и Кишинёв). Личный состав бригад состоял из 8—52 работников, в зависимости от площади и численности населения уезда, угроз для безопасности государства и пр.

Каждая бригада и специальная служба Сигуранцы имела свою обширную осведомительную сеть. ИПБ также занимался вербовкой агентов. Среди них были Маеринич, А. Иременко, Погребной, Антон Давыдович, Георге Иоанид, Георге П. Мойссет, З. Тененбаум, Иванчу Штефэнеску, Владимир Унгуреану, Георге Морару, Николае Гроссу, Григоре Степанов, Леон Савицкий и др.¹⁸ Этнический и социальный состав агентуры был неоднородным. Агенты подписывали свои докладные записки псевдонимами или настоящими именами. Многие записки были на русском языке. Также многие из них были составлены неграмотно, с большим количеством орфографических ошибок. Месячный необлагаемый оклад агента был в пределах 2000—5000 лей¹⁹. Это был скромный заработок, если иметь в виду, что в начале 1930-х гг. потребительская корзина составляла около 6500 лей²⁰.

Внешние агенты бессарабской Сигуранцы засылались через Днестр на советскую территорию для добычи разведанных политического и военного характера. Засылка проводилась только с предварительным уведомлением пограничных и воинских частей, находившихся в данном секторе границы²¹. Иногда случалось, что бригады Сигуранцы не уведомляли пограничников, и последние арестовывали агентов. Из-за этих случаев периодически бригадам говорилось о необходимости соблюдения правил засылки своих агентов²².

К концу 1928 г. в румынских политических и общественных кругах обсуждалась необходимость реформирования органов внутренних дел. Сторонники реформы, находившиеся у власти, считали, что структуры МВД должны соответствовать новым современным стандартам с набором исключительно высокопрофессиональных кадров, с отказом от битва подозреваемых и политического шпионажа в пользу партий, находившиеся у власти. Сигуранца признавалась устаревшим учреждением, которому требуются радикальные преобразования.

Несмотря на критику в адрес реформы (предполагалось, что она может ослабить эффективность работы органов Сигуранцы), 21 июля 1929 г. был опубликован новый закон о полиции. Он объединил Сигуранцу, административную и судебную полиции²³. Высшая полицейская власть принадлежала Генеральному Управлению полиции (ГУП) МВД, состоявшему из «Административной полиции» (в задачи которой входило обеспечение безопасности граждан и имущества, защита свобод, конституционных прав, предупреждение и пресечение преступности, под-

держание общественного порядка), «Судебной полиции» (занимавшейся преследованием лиц, совершивших преступления и правонарушения, выполнением мер, установленных судебными органами) и «Полиция безопасности/сигуранцы» (занимавшейся сбором информации и информированием высших органов власти о проблемах, касающихся охраны общественного порядка и безопасности государства)²⁴.

Во главе ГУП находились генеральный директор и его заместитель. Главной внутренней службой было Управление Полиции безопасности/Сигуранцы (УПБ), которое, в соответствии с новым законом, занималось координированием и руководством разведывательной работой органов, находившихся в его подчинении; централизацией, анализом и обобщением добытой информации, которая направлялась, в виде рапортов, начальнику МВД и высшему военно-политическому руководству страны. УПБ было директивным органом, а разведывательная работа на центральном уровне проводилась Корпусом детективов²⁵. На местах разведывательной деятельностью занимались службы и отделы безопасности Префектуры полиции столицы и квестур полиции²⁶.

В прямом подчинении ГУП находились региональные инспектораты полиции (Кишинёв, Черновцы, Яссы, Констанца, Плоешти, Клуж, Тимишоара и Крайова), возглавляемые региональными инспекторами, Префектура полиции столицы, квестуры полиции (в муниципиях), городские отделения полиции, полицейские комиссариаты и полицейские отряды²⁷.

Высшей полицейской властью в Бессарабии был Бессарабский региональный инспекторат полиции (БРИП), имевший в подчинении следующие территориальные органы:

— квестуры полиции Кишинёва, Тигины, Четатя Албэ, Измаила и Бельц;

— отделения полиции городов Хотин, Сороки, Оргеев и Кагул;

— отряды полиции Каларашь Тырг, Ноуа Сулицэ, Липник, Резина, Ярова, Пригородок, Бугаз, Олэнешть, Паланка, Комрат, Чобурчиу, Устия, Тузла и Василе Лупу;

— комиссариаты полиции Басарабьяска, Атаки, Болград, Килия Ноуэ, Рени, Вылков и Леова²⁸.

Реформа МВД 1929 г. преследовала несколько важных целей: повышение качества работы органов внутренних дел в соответствии с самыми высокими требованиями того времени; сокращение расходов за счет оптимизации персонала и набора высокопрофессиональных кадров. Проведенные меры способствовали улучшению деятельности органов внутренних дел, а закон о полиции 1929 г. считался одним из самых лучших законов о румынской полиции²⁹.

После завершения реформ генеральным директором ГУП стал Стан Н. Еманойл, а его заместителем — Еуджен Биану³⁰. Главой УПБ был назначен Еуджен Кристеску, который в годы режима Антонеску (1940—1944) возглавит главную спецслужбу страны — Специальную Службу информации (ССИ)³¹. В Кишинёве начальником БРИП был Константин Маймука, его заместителем Артур Кристя, а квестором полиции города Сисое Москалу³².

Все проблемы, связанные с государственной безопасностью, входили в компетенцию отделов безопасности (Сигуранцы) территориальных

органов³³. Отряды и комиссариаты полиции отправляли свои отчеты квестурам или городским полициям, а все рапорты централизовались Региональными инспекторатами полиции и после обобщения информации отправлялись ГУП в Бухарест³⁴.

Имея в виду, что закон от 1929 г. делал акцент на профессионализме, в органы внутренних дел начали набирать только людей с высшим образованием и увольнять тех, у кого его не было. Так, личный состав органов внутренних дел сократился³⁵. В 1933 г., Е. Кристеску подчеркивал: «Борясь с трудностями, свойственными времени, с персоналом, сведенным к минимуму, но который делает свою работу ценой крови, — много случаев свидетельствуют об этом — Безопасность Государства (Сигуранца. — *П.М.*) выполняет сполна свою миссию». Хорошие результаты имела работа отдела, занимавшегося пресечением коммунистической деятельности³⁶. Тот же Кристеску (который создал этот отдел) отмечал: «Безопасность Государства создала специальный отдел по борьбе с коммунистическим движением, что позволило отдать в руки правосудия многочисленных агентов и агитаторов. Это одна из самых хорошо организованных служб, и центр ГПУ — из Москвы — считает ее самым опасным соперником в Центральной Европе»³⁷.

Конечно состав работников бессарабской Сигуранцы был неоднородным с точки зрения подготовки, моральных качеств и пр. Многие были хорошими специалистами и профессионалами своего дела, которые добросовестно выполняли свои обязанности, другие оказались авантюристами или приезжали на работу в Бессарабию только ради быстрого обогащения незаконными путями; некоторые имели хорошие профессиональные качества, но пригоднее были для работы в других полицейских службах, а не в Сигуранце; имелись и слабо подготовленные или безнравственные; некоторые, недовольные своим назначением на должность в Бессарабии, делали все возможное, чтобы уехать оттуда, другие постоянно были в конфликтах со своими коллегами или клеветали на своих начальников; некоторые из них подозревались в получение взяток, злоупотреблении должностными полномочиями, контрабанде и т.д. Тут надо подчеркнуть, что руководство МВД принимало меры по пресечению незаконных действий работников органов полиции и наказывало (иногда только на основании подозрений) за нарушения и беззаконие. Главной профилактической мерой в этом отношении была периодическая перестановка кадров — от агентов до руководящего состава. Иногда МВД излишне усердствовало, меняя слишком часто место работы служащих, что вызывало обоснованное недовольство, имея в виду причиненные неудобства и трудности. Некоторые бывшие служащие жаловались, что все эти перестановки (дорогостоящие) разорили их, и, выйдя на пенсию, они имели огромные долги³⁸.

Из-за коррумпированных служащих Сигуранцу нередко постигали неудачи в дуэли с советскими спецслужбами. 9 марта 1930 г. Михаил Морозов, руководитель Секретной Службы информации Румынской армии (ССИРА), представил доклад об обстановке в Бессарабии, в котором обвинял бессарабскую Сигуранцу в содействии деятельности советских спецслужб. Он писал, что те, кто хотели приобрести документы, устроить незаконный переход границы (с СССР) и трафик мигрантов или вы-

полнить какую-то задачу в интересах другого государства, обращались в бессарабскую Сигуранцу, которая обслуживала их. Также он утверждал, что на самом деле деятельностью бессарабской Сигуранцы руководило одесское ГПУ. Рапорты Сигуранцы печатались в Кишинёве в трех экземплярах: первый отправлялся в Бухарест, второй оставался в Кишинёве, для архива, а третий отправлялся в Одессу, ГПУ. Морозов писал что, «почти все сотрудники Сигуранцы Бессарабии, хотя оплачиваемые нашим государством, на самом деле были не что иное, как отдел ГПУ, хорошо организованный на нашей территории»³⁹.

Конечно же, то о чем сообщал Морозов, было преувеличением, вызванным соперничеством между Сигуранцей и службой, руководимой Морозовым. К примеру, сам он обвинялся К. Маймукой (начальник бессарабской Сигуранцы в 1930—1940 гг.), что в прошлом был агентом России, а потом — агентом, работающим на Советский Союз⁴⁰.

В то же время, надо признать, что в бессарабской Сигуранце были и служащие, которые подрывали ее деятельность, соглашаясь за деньги (или другие материальные блага) работать на советские спецслужбы.

Деятельность органов бессарабской Сигуранцы. После присоединения Бессарабии к Румынии начался сложный процесс преобразований — административных, территориальных, юридических и др. — для интеграции Бессарабии в состав нового государства. Все эти усилия сопровождались тяжелыми социально-экономическими последствиями первой мировой войны, проявлением некоторого недовольства присоединением Бессарабии к Румынии, как внутри страны (национальные меньшинства не хотели приспособиваться к новым реальностям), так и за ее пределами (в Советской России и Украине).

В этой сложной обстановке главными задачами бессарабской Сигуранцы были обеспечение государственной безопасности, пресечение подрывной деятельности (шпионажа, пропаганды, терроризма), направленной против суверенитета, независимости, территориальной целостности страны, конституционного порядка; отслеживание внутренней социально-политической обстановки и военно-политических намерений соседних стран. Выполнение этих задач должно было обеспечить нормальное экономическое, социальное, политическое, культурное развитие Бессарабии в составе Румынии.

Среди внешних врагов территориальной целостности Румынии большевики оказались самыми опасными и сильными. На протяжении всего межвоенного периода советские агенты предпринимали различные действия, целью которых была дестабилизация обстановки в Бессарабии, которая способствовала бы присоединению Бессарабии к СССР. Французский географ Эммануэль де Мартонн, путешествующий в 1919 г. по Румынии, писал в своем дневнике: «Страна все еще находится под режимом военной оккупации; Днестр это военный фронт, в тылу которого батальоны эшелонируются в глубь... В каждую субботу Днестр переходят большевики, все время арестовываются [агенты], приносящие листовки или даже бомбы; были совершены многочисленные атаки на железной дороге, во время моего визита на улицах Кишинёва были убиты полицейские»⁴¹. Румынским властям удалось стабилизировать обстановку, которая временами осложнялась и требовала решительных действий Сигуранцы.

Уже в мае 1918 г. из России в Бессарабию прибыли несколько агентов для организации коммунистического движения. В том же месяце в Кишинёве удалось создать первый временный большевистский комитет, после чего были созданы аналогичные комитеты в Тигине (Бендерах), Оргееве, Рени, Четатя Албэ (Аккермане). Надо отметить, что на территории Бессарабии не была создана местная коммунистическая партия, все вышеупомянутые организации состояли из членов Российской коммунистической партии (большевиков), а бессарабские комитеты были ее составной частью⁴².

Летом 1919 г. органы бессарабской Сигуранцы арестовали примерно 200 коммунистов, что сильно ударило по коммунистической нелегальной деятельности в Бессарабии. На время действия коммунистов были нейтрализованы. Те, кто избежали ареста, перешли на другую сторону Днестра.

В мае и июне 1920 г. прошла вторая большая волна арестов. Только в мае было арестовано 40 членов коммунистических и шпионских организаций, действовавших на территории Бессарабии. Среди арестованных был и лидер бессарабских коммунистов Шмиль Бубновский, а также председатели комитетов из Четатя Албэ, Оргеева, Тигины и Хотина. Были обнаружены подпольная типография, архив бессарабского центрального комитета, листовки, брошюры, письма и приказы, полученные из России, информация о проведенной работе с мая 1919 по июнь 1920 г., несколько сотен газет «Бессарабский Коммунист», печати (в том числе Префектуры полиции Кишинёва) для изготовления фальшивых документов агентам, прибывавшим в Румынию, револьверы и взрывчатка.

Это оказалось большим успехом Сигуранцы и «сильным ударом по тем, кто сеяли беспорядок в Бессарабии, выведя из боя самых уполномоченных и смелых борцов за большевистскую анархию»⁴³. Должно было пройти много времени, чтобы коммунистическая деятельность возобновилась⁴⁴.

Деятельностью на территории Бессарабии руководили центры в Могилёве, Тирасполе и особенно в Одессе. Их инструкции строго выполнялись. Периодически имели место проникновения вооруженных банд из-за Днестра в Бессарабию с целью создания атмосферы страха и недоверия к румынским властям (которые якобы не в состоянии их защитить) и привлечения бессарабцев на сторону большевиков.

Из-за Днестра доставлялось оружие, взрывчатка, в Бессарабии создавались склады (тайники), имелись конспиративные квартиры и прочее. 21 ноября 1921 г. агенты Сигуранцы предотвратили подготовку советскими агентами взрыва в здании кишинёвского национального театра. Было раскрыто большое количество случаев подготовки взрывов на железной дороге. К примеру, 4 октября 1921 г. на участке железной дороги Тигина — Каушаны была пресечена попытка взрыва пассажирского поезда. 24 октября, на том же участке железной дороги, была раскрыта еще одна попытка взрыва военного поезда. Арестованные заявили, что действия по подрыву железных дорог продолжатся⁴⁵.

14 декабря 1921 г. в Четатя Албэ (Аккермане) была обезврежена террористическая организация, возглавляемая Александром Томовым, которая месяцем раньше, 14 ноября 1921 г., атаковала здание бригады Си-

гуранцы Четатя Албэ, в результате чего были зарегистрированы жертвы среди служащих Сигуранцы. Во время обысков, произведенных у членов организации, были найдены документы, свидетельствующие о прямых связях с Одессой, откуда получались деньги и инструкции по ведению террористической деятельности. Органы Сигуранцы раскрыли места нахождения взрывчатки, располагавшиеся в разных местах города ⁴⁶.

Помимо самых известных акций — хотинской, бендерской, татар-бунарской, представленных советской пропагандой как «восстания», — были и многие другие, но меньшей силы. В сентябре 1921 г. бригада Сигуранцы Хотина докладывала, что только на протяжении августа 1921 г. в Хотинском уезде имели место «четыре больших нападения бандформирований» против румынских властей. До 3 сентября были арестованы 48 бандитов и укрывавших их лиц. Часть бандитов была убита в вооруженных столкновениях с органами правопорядка ⁴⁷. Эти данные были представлены 9 декабря 1925 г. в румынском Парламенте ⁴⁸.

Как писал в своих воспоминаниях генерал Василе Рудяну, командующий 3-м армейским корпусом (1923—1926), «Из-за этих банд злоумышленников, некоторые местные жители, живущие на Днестре, оставили свои дома и переместились во внутрь страны. В Тигине, важном городе на Днестре, несколько коммерческих предприятий прекратили свою работу, а другие переехали в другое место» ⁴⁹.

Если в начале румынские власти только отбивали атаки и выдворяли формирования из страны, то позже начали захватывать бандитов и предавать их суду. После ареста участников татар-бунарского бунта, которых приговорили к тюремным срокам, засылка отрядов почти прекратилась ⁵⁰.

В период с 1919 по 1925 г. органами Сигуранцы было арестовано 3002 чел., обвиняемых в подрывной коммунистической деятельности ⁵¹, в этом же промежутке времени было организовано более 120 террористических актов, многочисленные переходы границы курьерами, шпионами и террористами. В 1919—1939 гг. было арестовано более 10 тыс. советских агентов, прибывших нелегально для поддержания местных коммунистов (в 1939 г. их было 375) и создания обстановки анархии, страха, неуверенности и ненависти к румынским властям.

Согласно докладу одного советского агента своему начальству на Украине, «задачи поставленные коммунистам (Бессарабии. — П.М.), не могут быть выполнены, из-за нехватки людей, арестов произведенных Сигуранцей и неблагоприятной политической обстановки в этой провинции» ⁵².

9 ноября 1926 г. Кристеску представил руководству МВД реферат, озаглавленный «Революционное коммунистическое движение в Румынии на протяжении 1918—1926 годов и его связи с Третьим Интернационалом». В документе подчеркивалось, что «(коммунистические. — П.М.) организации из той провинции (Бессарабии. — П.М.) имеют революционный характер и более отчетливую советскую окраску», чем в остальной Румынии. Советские власти приложили усилия, «чтобы произвести революцию в этом крае», и стремились, «чтобы оттуда бросить пламя революции на всю страну». Кристеску подчеркнул, что после восьми лет больших жертв со стороны Советов, им не удалось произвести коммунистическую революцию в Румынии. В этом плане,

значение Румынии для Европы было очень велико, так как советско-румынская граница составляла «демаркационную линию между двумя мирами, с двумя разными социальными концепциями», которую надо «защищать и усилить перед стремлением проникновения идеи советизации к Западным странам»⁵³.

Расследования Сигуранцы показали, что коммунистические организации, находившиеся на территории Бессарабии, зачастую принадлежали к военной разведке. Они располагали большими денежными средствами, с помощью которых добывали нужную информацию. Агенты Сигуранцы прикладывали большие усилия для выявления шпионов, включая лиц, находившихся в государственных органах (в администрации, полиции, армии и даже в Сигуранце), завербованных советской разведкой.

В 1935 г. Сигуранца провела блестящую контрразведывательную операцию. В «течение нескольких недель на территории Румынии была обезглавлена почти вся резидентура одесского иностранного отдела (ИНО) облуправления ОГПУ»⁵⁴. Были раскрыты и арестованы ценнейшие агенты, такие как Тамарин, внедренный в Генеральный штаб Румынской армии, агент Турист, возглавлявший службу разведки в штабе 3-го корпуса Румынской армии, дислоцированном в Кишинёве. Так, вся резидентура одесского ОГПУ в Румынии была нейтрализована. Это был сильный удар по ОГПУ, «который оно еще не получало ни от одной из контрразведок мира»⁵⁵.

Румынская контрразведка раскрыла, что «все разведывательные связи Центров „А” (из Черновцов. — П.М.), „Б” (из Кишинёва. — П.М.)⁵⁶ и Секретной Службы (руководимой М. Морозовым. — П.М.), были в руках ГПУ».

В заключение следует отметить: исследования архивных документов показали, что после присоединения к Румынии в Бессарабии не был установлен «колониальный режим» или «режим угнетения» местного населения. Органы Сигуранцы действовали не против населения, а в целях поддержания конституционного порядка, обеспечения государственной безопасности и спокойствия, необходимых для социально-экономического развития Бессарабии. Главная угроза для Королевской Румынии исходила от Советской Украины и России, а впоследствии от СССР, которые стремились как к территориальной, так и к идеологической экспансии.

На протяжении всего межвоенного периода бессарабская Сигуранца раскрыла большинство планируемых подрывных действий, воспрепятствовав «экспорту мировой революции» в Бессарабию и на остальной территории Румынии. Несмотря на некоторые провалы и просчеты Сигуранцы, в целом главные задачи безопасности были выполнены, и Бессарабия осталась в составе Румынии до 1940 года

Примечания

1. BOBOCESCU V. Momente din istoria Ministerului de Interne. Vol. I. 1921—1944. Editura Ministerului de Interne, p. 84—87.
2. Ibidem.
3. После двух лет нейтралитета Румыния вступила в первую мировую войну на стороне Антанты, объявив 27 августа 1916 г. войну Австро-Венгрии.

4. CULITZA TH.N. Poliția de informațiuni și Contra-Informațiuni. Memoriile unui Ofițer de Poliție din războiul pentru Întregirea Neamului 1916—1918. Atheneu-București. 1938, p. 13.
5. SPÂNU A. Serviciul de Informații al României în Războiul de Întregire Națională (1916—1920). București. 2012, p. 97.
6. CULITZA TH.N. Op. cit., p. 13—15, 30—31.
7. Regulamentul Serviciului de contrainformații româno-rus. Iași. 1917.
8. BOBOCESCU V. Op. cit., p. 133.
9. Ibid., p. 151.
10. ȘEVČENCO R. Statutul internațional al Moldovei (1812—1918). [Http://statulmoldovenesc.blogspot.ro/2011/04/statutul-international-al-moldovei-1812.html](http://statulmoldovenesc.blogspot.ro/2011/04/statutul-international-al-moldovei-1812.html).
11. SUVEICĂ S. Basarabia în primul deceniu interbelic (1918—1928): modernizare prin reforme. Pontos. Chișinău. 2010, p. 89—90.
12. SPÂNU A. Op. cit., p. 129.
13. Специальные службы сигуранцы отличались от бригад сигуранцы большим числом работников, их создавали в уездах более уязвимыми, с точки зрения безопасности.
14. PELIN M. Un veac de spionaj, contraspionaj și poliție politică. Dicționar alfabetic. Elion. București. 2003, p. 301—302.
15. GHEORGHE C. Ministerul de Interne și modelul european (II). — Pentru Patrie. Martie 2006, Nr. 3 (695), p. 36—37.
16. HUSĂRESCU Z.I. Mișcarea subversivă în Basarabia (Подрывное движение в Бессарабии). Atelierele Imprimeriei Statului. Chișinău. 1925; MAIMUCA C. Tehnica și tactica comunistă (Коммунистическая техника и тактика). Monitorul Oficial și Imprimeriile Statului. Chișinău. 1936.
17. BOBOCESCU V. Op. cit., p. 149.
18. Национальный Архив Республики Молдова. Кишинёв (Н.А.Р.М. Кшн.), ф. 680, инв. 1, д. 6, с. 11; д. 8, л. 29—145.
19. Там же, д. 35, л. 3—4, 6.
20. ENCIU N. Tradiționalism și modernitate în Basarabia anilor 1918—1940. T.I. Populația Basarabiei interbelice. Aspecte demografice. Lexon-Prim. Chișinău. 2013, p. 309.
21. Н.А.Р.М. Кшн., ф. 680, инв. 1, д. 6, л. 54.
22. Там же, д. 20, л. 67—68.
23. Там же, д. 51, л. 86.
24. BOBOCESCU V. Op. cit., p. 175—179.
25. Корпус детективов был создан в 1931 году. Его руководителями были Винтилэ Ионеску (1931—1939) и Николае (Ники) Штефэнеску (1939—1940). В его состав входили четыре группы (которые отслеживали деятельность политических, культурных, общественных и др. организаций), одна мобильная бригада (которая занималась сбором информации общего характера, касательно безопасности государства) и секретариат; BOBOCESCU V. Op. cit., p. 188—190.
26. BOBOCESCU V. Op. cit., p. 177—178.
27. Ibid., p. 177.
28. Н.А.Р.М. Кшн., ф. 680, инв. 1, д. 69, л. 8—16.
29. BOBOCESCU V. Op. cit., p. 177.
30. Н.А.Р.М. Кшн., ф. 680, инв. 1, д. 64, л. 265.
31. BOBOCESCU V. Op. cit., p. 180.
32. Н.А.Р.М. Кшн., ф. 680, инв. 1, д. 69, л. 69.
33. В каждом территориальном органе, помимо отдела безопасности, были отделы административной полиции и судебной полиции.
34. Н.А.Р.М. Кшн. ф. 680, инв. 1, д. 69, л. 69.
35. Там же, д. 51, с. 99.
36. TRONCOTĂ CR. Eugen Cristescu. Asul serviciilor secrete românești. Memorii (1916—1944), mărturii, documente. R.A.I. București. [1994], p. 30.
37. Ibidem.
38. Н.А.Р.М. Кшн., ф. 680, инв. 1, д. 69, с. 69.
39. TRONCOTĂ CR. Mihail Moruzov și frontul secret. București. 2004, p. 208.
40. Ibidem.

41. Minoritățile naționale din România. Documente, vol. I: 1918—1925; vol. II: 1925—1931, vol. III: 1931—1938. Coordonatori: I. Scurtu, L. Boar, I. Dordea. București. 1995—1999. Том I, p. 382.
42. ROTARI L. Mișcarea subversivă din Basarabia în anii 1918—1924. București. 2004, p. 114—117.
43. Ibid., p. 184—186.
44. Ibidem.
45. Ibid., p. 121.
46. Ibid., p. 122. В советской историографии оправдываются эти террористические действия против правоохранительных органов Бессарабии. Например, С. К. Мельник пишет о «героической борьбе» подполья «придунайских районов Украины», отмечая, что «к таким методам борьбы вынуждала борцов за свободу сложившаяся обстановка». То, что «решительные действия боевых отрядов... встретили сочувствие и поддержку подавляющего большинства населения», никак не соответствует действительности. Автор кроме того подчеркивает, что после этого «В крае началась новая волна повстанческих выступлений», но умалчивает, что эти действия шли извне. См.: МЕЛЬНИК С. К. Борьба за власть Советов в Придунайском крае и воссоединение с Украинской ССР (1917—1940). Киев-Одесса. 1978, с. 107.
47. Н. А. Р. М. Кшн., ф. 680, инв. 1, д. 20, л. 147.
48. TĂTĂRESCU GH. Internaționala a III-a și Basarabia. Discurs rostit în Adunarea Deputaților. București. 1925, p. 6—13.
49. RUDEANU V. Memorii din timpuri de pace și de război. 1884—1929. București. 2005, p. 288.
50. Ibid., p. 288—290, 306—309.
51. TĂTĂRESCU GH. Internaționala a III-a și Basarabia. Discurs rostit în Adunarea Deputaților, p. 29—34.
52. HUSĂRESCU Z. I. Mișcarea subversivă în Basarabia, p. 314.
53. TRONCOTĂ Cr. Eugen Cristescu. Asul serviciilor secrete românești. Memorii (1916—1944), mărturii, documente, p. 29—30.
54. ВОРОНКОВ В. П. Свинцовая примочка главному «скрипачу», <http://www.makhno.ru/other/21.php>.
55. Там же.
56. Это были приграничные центры военной разведки (Генерального Штаба Румынской армии).

Историк А.И. Яковлев и царские генералы (А.А. Брусилов, Л.Г. Корнилов, А.И. Деникин)

Ю.В. Кривошеев

Аннотация. В публикации рассматривается участие в политических событиях лета 1917 г. известного историка А.И. Яковлева, предложившего проект аграрной реформы. Выводы основаны на архивных источниках, а также материалах «Корниловского дела» и написанных в эмиграции воспоминаниях очевидцев.

Ключевые слова: А.И. Яковлев, А.А. Брусилов, Временное правительство, Л.Г. Корнилов, проект аграрной реформы, «Академическое дело» 1929—1931 гг.

Abstract. The paper examines A.I. Yakovlevs engagement on the political events of the summer of 1917 with the focus on his project of the land reform. The study is based on the archival sources and the papers of the “Kornilovs case” as well as on the reminiscents evidences written in emigration.

Key words: A.I. Yakovlev, A.A. Brusilov, L.G. Kornilov, Provisional Government, project of the land reform, Academic Case of 1929—1931.

Алексей Иванович Яковлев (1878—1951) — известный русский советский историк ¹, профессор, автор фундаментальных трудов по истории России, посвященных в основном проблемам социальной и социально-экономической истории ². В 1917 г. он стал известен и как общественный деятель — создатель обширной программы обеспечения наделами крестьян ³. Пропагандируя ее, он познакомился с членами Временного правительства, российским генералитетом ⁴, а после Октября и с большевистской элитой ⁵ (в том числе, с В.И. Ульяновым-Лениным ⁶). С 1925 г. вплоть до своего ареста он занимал должность главного библиотекаря ВСНХ, проводя огромную работу по совершенствованию производственных библиотек в разных регионах страны ⁷.

12 августа 1930 г. член-корреспондент АН СССР А.И. Яковлев был арестован. Историк проходил по так называемому «Академическому делу». В архиве УФСБ по городу Санкт-Петербургу и Ленинградской области представлены протоколы допросов, а также многочисленные

Кривошеев Юрий Владимирович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: kriwosheew@mail.ru.

Krivoshcheev Iurii V. — doctor of historical sciences, professor, head of the department at the St. Petersburg State University. E-mail: kriwosheew@mail.ru.

дополнительные показания, написанные рукой самого Яковлева ⁸. В них упоминается довольно широкий круг лиц, с которыми он был знаком или общался. Многие собственноручные показания представляют собой ответы на вопросы, заданные следователем. Ближе к окончанию следствия встречаются материалы, относящиеся к знакомству Яковлева с царским генералитетом и, в частности, «с бывшим генералом Брусиловым».

С популярным русским генералом начала XX в. А. А. Брусиловым (1853—1926) Яковлев встретился впервые в библиотеке Румянцевского музея ⁹. Генерал, как известно, сотрудничал с Советской властью. В это же время он работал над своими воспоминаниями, вокруг которых до сих пор витает некая неопределенность и загадочность. Писались они в 1920—1923 годах. Выдержали до нашего времени восемь изданий. Первое вышло в 1929 г. в трех городах: Москве, Риге и Париже. Оно охватывало период до лета 1917 г. включительно, когда Брусилов ушел из русской армии. В печатном тексте существуют купюры, а глава с размышлениями о причинах и виновниках войны вовсе исключена из повествования ¹⁰.

Долгое время идет дискуссия о подлинности последней части воспоминаний Брусилова. Написана она была в 1925 г. в чрезвычайно короткий период его пребывания на чешском курорте Карловы Вары. Спор затрагивает не только академические круги, но и военно-политические ¹¹. В ней содержатся размышления автора о Советской власти и его отношении к ней. Считается, что эта часть наиболее «антисоветская».

В записях Брусилова нет какого-либо подробного рассказа о его общении с Яковлевым, что понятно. Генерал был занят своими воспоминаниями о героической для него войне, а потом — осмыслением последовавших за ней событий, а также о своем месте в них. Тем не менее, в одной из ссылок третьей части он мимоходом упоминает Яковлевых ¹². Это происходит в следующем контексте. К одному из приводимых в тексте писем (от 17 апреля 1919 г.) Брусилов дает примечание, сообщая об аресте своего знакомого Бабикова. Рассказывая далее о печальной участи его жены, он отмечает: «мы иногда встречали его жену Нину Викторовну у Яковлевых и других общих знакомых». Физическое и психическое ее здоровье постепенно становилось все «хуже и хуже». А «потом она исчезла. За отъездом Яковлевых в Петроград не у кого было спросить о ней ...» ¹³

Больше в книге никаких упоминаний о Яковлеве нет. Тем интереснее воспоминания историка, написанные в условиях заключения и ведения следствия по «Академическому делу». Вряд ли Яковлев скрывал какие-то обстоятельства, учитывая специфику «воспоминаний» ¹⁴. Скорее всего, это понимал и следователь, оставшийся вполне удовлетворенным показаниями. Дело Яковлева, как и других историков, проходивших по «Академическому делу», вел следователь ПП ОГПУ в ЛВО А. Р. Стромин ¹⁵. Судя по отложившейся документации, «диалог» между ним и следователем проходил в разных формах. Это могли быть протоколы, написанные следователем и подписанные Яковлевым, показания, данные собственноручно историком на небольших листках, иногда в клетку. Видимо нередко следователь предлагал своеобразные «домашние задания»: подумать и написать. Судя по всему, именно такое задание и было дано Яковлеву

в отношении Брусилова. Текст написан на обеих сторонах листа фиолетовыми чернилами, ровным, характерным для Яковлева почерком с начертанием некоторых букв латиницей, вполне разборчивым. Любопытно отметить, что копия, обязательная для всех документов (протоколов и записок), в данном случае, по неизвестным причинам, отсутствует.

«В дополнение к моим предыдущим показаниям и в ответ на заданные мне Вами 18/10 дополнительные вопросы сообщаю по пунктам вопросов:

1) В каких отношениях я был с б[ывшим] ген[ералом] Брусилковым и кого из военных я знал в Москве в период 1918—1930 гг.?» — пишет А.И. Яковлев.

Как и в других подобных случаях, историк довольно подробно, в деталях, рассказывает о своем знакомстве с генералом: «С б[ывшим] ген[ералом] Брусилковым я был в хороших отношениях, сложившихся следующим образом. Летом 1919 г. Брусиллов, показывавший Румянцовский музей своему внуку, зашел в комнату Герцена, которой заведывал я. Я показал ему коллекции этой комнаты, а затем и соседних с ней комнат Старой Москвы и Чехова ¹⁶. На этом и завязалось наше знакомство. Оно продолжалось обменом личных посещений, продолжавшихся несколько лет. Отношения эти меня очень интересовали, т.к. от Брусилова я, как историк, почерпнул много сведений, относящихся к истории Германской войны. Брусиллов давал в то же время неизменно безошибочные характеристики положения на фронтах гражданской войны 1919 и 1920 г., еще в начале лета 1919 г., например, точно предсказав развал армии Деникина. Брусиллов сообщал много ценных личных воспоминаний из своей богатой опытом жизни. В виду его определенно советской ориентации и поступления на советскую службу инспектором кавалерии я не видел в близком знакомстве с ним ничего политически неудобного. Предметом общих разговоров с ним и др[угими] общими знакомыми, бывавшими у меня, были самые разные вопросы житейские, социальные и политические, между пр[очим] и крестьянско-земельный, относительно которого у Брусилова были какие-то свои взгляды. Говорили мы с ним и о моем понимании задачи индивидуализации крестьянского землевладения ¹⁷, но теперь уже хорошо не помню, какие возражения он выдвигал против нее. В напечатанных теперь его «Воспоминаниях» я перечитал многое из его тогдашних устных рассказов. Знакомство с Брусилковым имело семейный характер и отношения у моей семьи были и с его женой и домочадцами (Яхонтовы, Желиховская, Добровольские и др.)» ¹⁸.

Говоря о воспоминаниях Брусилова, Яковлев, конечно, имел в виду их первое (московско-ленинградское) издание (1929 г.) и рассказы генерала об участии в первой мировой войне, которой посвящено подавляющее большинство страниц. О гражданской войне в «Воспоминаниях» почти ничего нет, но есть большие фрагменты о переходном периоде 1917—1918 годов. Не исключено, что Яковлеву удалось услышать от Брусилова и о тех временах, рассказ о которых потом войдет в третью часть воспоминаний, вышедших в свет много лет спустя после смерти полководца. Если и было так, то услышанное Яковлевым не дошло до следователя, хотя именно такого рода информация интересовала его в наибольшей степени.

Яковлев ответил и на вторую часть вопроса: кого из военных он знал в Москве в период 1918—1930 гг. (кстати, тоже упоминая Брусилова¹⁹).

«В 1920 г. я был приглашен б[ывшим] ген[ералом] Свечиным, профессором Академии РККА, прочесть доклад в Военно-историческом обществе при Военной Академии на тему “История отношений Польши и Московского государства в XVII в.”. На заседаниях, на которых читался мой доклад и другие доклады бывало много народа, и я встречал там некоторых б[ывших] крупных военных: б[ывших] генералов Поливанова, Нарского и др[угих], но никаких личных знакомств для меня отсюда не последовало: встречи наши ограничивались этими публичными заседаниями, на которые собирались сотрудники Академии РККА. На этих же заседаниях бывал и ген[ерал] Брусилев, выступавший иногда в прениях»²⁰.

Чем был вызван такой интерес следователя к вопросам, казалось бы не относящимся напрямую к делу? Видимо, вопрос о «военных» задавался по линии военных приготовлений²¹, а также связей с «военной эмиграцией», в чем следствие подозревало «руководителей» «контрреволюционной организации» во главе с С. Ф. Платоновым²². В этом убеждают материалы следующего допроса, на котором Яковлев также подробно рассказывал о встречах с генералом Л. Г. Корниловым, называя при этом П. Н. Милюкова и А. И. Деникина.

Что касается материалов «Академического дела», то на этот раз вместо «собственноручных» записей подследственного присутствуют протокольные записи следователя «секретного отдела» А. Р. Стромина. Трудно сказать почему это было сделано: по причине недоверия к арестованному, какой-то служебной неудовлетворенности следствия или вследствие важности показаний. Допрос проводился 23 октября 1930 г. и начинался с трафаретной фразы: «Будучи предупрежден об ответственности за дачу ложных показаний, по сути дела показываю».

Вначале Яковлев сообщил: «После февральской революции залогом предупреждения нарастающей анархии и восстановления русского фронта, я считал введение решительной аграрной реформы, путем раздробления помещичьих земель на мелкие участки и разверстание их между защищавшими родину солдатами, отличившимися на войне, и их семьями.

Я полагал, что необходимая реформа, способная привести страну к порядку должна содержать мою программу, основа которой была изложена в моих предыдущих показаниях»²³. Действительно, ничего нового сказано не было. Но далее следует текст, заслуживающий пристального внимания.

«С этой целью, — продолжает Яковлев, — после июльского выступления большевиков и получения сведений о поражении на фронте, во время заседания в Москве Всероссийского демократического совещания, я повел соответствующую кампанию в пользу моей программы и вступил в переговоры со следующими крупными военными и общественно-политическими деятелями: генералами — Корниловым, Алексеевым и очень близкими к генер[алу] Корнилову — генер[алом] Голицыным и б[ывшим] крупным земским деятелем Завойко Василием Степановичем, а также с Милюковым Павлом Николаевичем, Маклаковым, Мануйловым, Шиповым Дмит[рием] Никол[аевичем] (крупный земский деятель) и другими»²⁴.

Комментируя это сообщение, заметим, во-первых, что Яковлев был среди встречающих в Москве прибывшего из ставки Корнилова. «13 августа 1917 г. Москва. Верховный главнокомандующий прибыл на своем поезде в Москву, где на вокзале ему устроили пышную встречу. С ним общались генерал А. М. Каледин и Ф. И. Родичев, позднее он имел встречи с генералом М. В. Алексеевым, лидером кадетов П. Н. Милюковым, А. Ф. Аладыным, В. С. Завойко, проф. Яковлевым»²⁵. Во-вторых, в работе Государственного совещания Яковлев участвовал от Исполнительного комитета Всероссийского Совета крестьянских депутатов²⁶.

На следствии по «Академическому делу» Яковлев признавал, что «переговоры с ними не привели к сколько-нибудь положительному результату, т. к. они находили, что ликвидация крупного землевладения и изъятие земли у помещиков — не возможна в этой форме. Весьма заинтересованным моей программой оказался генерал Корнилов, он пожелал серьезно продолжить наши переговоры и предложил приехать для этого к нему в ставку в гор[од] Могилев»²⁷.

Принимая это предложение, Яковлев выехал «в ставку через несколько дней, в начале августа м[еся]ца. Я, — продолжает он, — сформулировал там свою программу в специальной записке и обсуждал ее с Корниловым лично, который устроил для этого со мной три специальных встречи. Предполагалось, что в Могилев приедут также и Милюков и Маклаков и что моя программа будет подвергнута обсуждению общему; но они почему-то не приехали. Между прочим, при мне Корниловым была получена телеграмма от Маклакова, подписанная условно “капитаном Маковым”, сообщившая, что он не может приехать.

Помимо того, что я говорил о моем проекте с Корниловым, я вел подобные разговоры там (в ставке) еще с генералом Голицыным, полковниками Прошиным и Гагариным и с Аладыным Алексеем Федоровичем (быв[ший] член Госдумы, трудовик)²⁸ и главным образом с Завойко Вас[илием] Степ[ановичем], считавшимся идеологом корниловского движения²⁹.

Лично Корнилов высказывал известное сочувствие моей программе и мне казалось даже, что он способен провести ее в жизнь, но тогда он уже разрабатывал план наступления на Петроград и мой проект занимал его меньше. Во время нашей четвертой встречи, он, Корнилов сообщил мне, что я должен вернуться в Москву, добавив при этом, что когда я понадобится ему — я буду вызван. Последняя наша встреча состоялась буквально накануне попытки Корнилова захватить власть, т. к. уже через два дня об этом походе было написано в газетах»³⁰.

Показания Яковлева по «Академическому делу» о встречах с генералом Корниловым соответствуют воспоминаниям ряда политических деятелей, написанным ими в эмиграции. Однако еще раньше имя Яковлева прозвучало в свидетельствах привлеченных Чрезвычайной комиссией «по делу Корнилова» членов Временного правительства.

Из «стенограммы допроса министра-председателя А. Ф. Керенского» (от 8 октября 1917 г.): «*Керенский*... Я не знаю, известно ли Вам посещение Завойко и Аладыным князя Львова в Москве... Я в Москве не был, никакого участия в разговоре не принимал, и затем вот по поводу аграрной реформы, подготовка, аграрный манифест, не помню этого профессо-

ра из Москвы... *Председатель. Яковлев. Керенский.* Все это подтверждает, что велась подготовка»³¹.

По свидетельству (от 25 сентября 1917 г.) верховного комиссара Временного правительства при Ставке главковерха М.М. Филоненко «18 и 19 июля (ошибочно, надо — августа. — Ю.К.) на один день приезжал А.Ф. Аладьин, который, не имея пристанища, воспользовался моим гостеприимством. Цели приезда г-на Аладьина мне известны не были. Вечером ко мне приехали г-н Завойко и профессор Московского университета Яковлев, был также г. Аладьин. Г[осподин] Завойко несколько раз настойчиво пытался завязать разговор на политические темы, но я решительно, хотя и не без труда, такого рода беседу отклонял. Все означенные лица затем из Ставки выехали»³².

Наиболее пространно свидетелями давались показания о совещаниях в Ставке 23—25 августа 1917 года. Имя профессора Яковлева приводилось неоднократно³³. Особенно много о нем говорил В.С. Завойко. «23 августа утром вместе с проф[ессором] Яковлевым я отбыл в одно из имений вблизи Могилева к одному из моих знакомых помещиков³⁴, где и оставался до 25 августа раннего утра, причем двадцать четвертого вечером был вызван на некоторое время в Ставку к ген[ералу] Корнилову и имел с ним собеседование по поводу посещения Савинковым Ставки. Все время совместного пребывания с проф[ессором] Яковлевым было нами использовано на детальную разработку проекта земельных реформ»³⁵. «Реформы земельные, — сообщает он далее, — задумывались под непосредственным влиянием доклада, сделанного в Ставке профессором Московского университета Яковлевым, который после революции "бросил все и ушел в народ, дабы путем личных восприятий выяснить истинное отношение широких масс к этому наболевшему вопросу"»³⁶.

Завойко привел основные положения проекта, как это сделал Яковлев в беседах с Корниловым и представителями Ставки и Временного правительства. «В основу реформ была положена мысль о том, что "национализация" земли в стране, где не хватает учителей и около 75% безграмотного населения, невозможна, хотя стремление к черному переделу, который разумеется под понятием "национализации" и "социализации" в одной части крестьянских масс, несомненно, существует, равно как и убеждение в том, что за этими новыми и непонятными словами скрывается действительное средство к его осуществлению»³⁷.

Яковлевым «ввиду этого и при наличии целого ряда иных соображений предполагалось осуществить земельную реформу на основах "платного отчуждения земель в целях создания на началах собственности мелкого крестьянского земледелия". В грубых чертах проект таков: все земли частновладельческие, монастырские, удельные и казенные обращаются на основании разумной и справедливой оценки в особый государственный земельный фонд. Отчуждению не подлежат земли частных землевладельцев, площадь владений которых не превышает ста десятин, и те частные владения общей площадью 5 миллионов десятин, которые местными особо созданными учреждениями будут признаны имеющими промышленное значение, обслуживающими заводы и высококультурные хозяйства и т.п. Отчуждению не подлежат все лесные земельные угодья и дачи. Необходимый для выкупа капитал образуется путем установле-

ния особого налога на все виды собственности, не подлежащие отчуждению, то есть городские имущества, лесные угодья, промышленные предприятия и капиталы. Государственный земельный фонд предназначается для прирезки на отрубные участки площадью от 15 десятин в зависимости от места нахождения земли и распределяется безвозмездно между всеми солдатами, беспорочно и доблестно прошедшими военную службу на позициях, и семьями убитых воинов; матросы пользуются теми же правилами. Для заведывания этим земельным фондом и распределения его между доблестными защитниками отечества создаются особые учреждения. Проект предполагалось предложить при организации нового Временного правительства, причем последнее должно было взять на себя обязательство разработать его детально к моменту созыва Учредительного собрания и употребить все усилия для проведения его в жизнь. Генерал Корнилов знал этот проект во всем его объеме и всецело его одобрял»³⁸.

25 августа в Ставке произошло совещание с «особоуполномоченным министра-председателя Керенского» В.Н. Львовым³⁹. В докладе Чрезвычайной комиссии сообщается, что после разговора с Корниловым Львов «вышел в комнату, занимаемую полковником Голицыным и свидетелем (Завойко. — Ю. К.)... В комнате свидетеля разговор продолжался на те же темы в присутствии Добрынского... и профессора Яковлева... После обсуждения состава Совета Министров беседа перешла на рассмотрение разработанного проекта земельного устройства, насколько помнит В.С. Завойко, и этот проект особенного сочувствия Львова не встретил»⁴⁰. В другом месте Завойко говорит более определенно: «В.Н. Львов отнесся к проекту отрицательно». Более того, «и в самой Ставке находились лица, относившиеся к изложенной реформе чрезвычайно враждебно»⁴¹.

Еще более негативное отношение к проекту земельной реформы и его автору Львов продемонстрировал на допросе Чрезвычайной комиссии (27 августа 1917 г.). Вот что записано в протоколе: «От генерала Корнилова мы с Добрынским пошли завтракать с Завойко, у которого был еще какой-то неизвестный мне агроном, и тогда Завойко писал на клочке бумаги список тех министров, которые должны войти в новый кабинет»⁴². Позже, на допросе 14 сентября он дополнил показание: «Затем разговор наш зашел об аграрной реформе. Тут же сидевший какой-то господин приводил какие-то цифры в доказательство осуществимости своего плана; я видел, что все эти проекты сочинялись для задабривания масс и привлечения их на свою сторону. Затем я уехал на вокзал, причем Завойко меня провожал»⁴³.

Вместе с тем, по словам Завойко, к проекту благосклонно отнеслись представители Временного правительства: «Филоненко был не только в курсе всего вышеизложенного, но в разработке проекта принимал деятельное участие и неоднократно совещался и беседовал с профессором Яковлевым. Кроме того, Филоненко передавал свидетелю, что этот проект им целиком сообщен Б.В. Савинкову, который со своей стороны горячо его приветствовал. Проект в Ставке обсуждался совершенно открыто, и многие им интересовались...»⁴⁴

Встречи-консультации в Ставке Верховного главнокомандующего нашли свое отражение в воспоминаниях участников и очевидцев. Так, по

воспоминаниям «спецпредставителя» Керенского Львова, Завойко в числе других разработанных документов продемонстрировал ему «прокламации к солдатам», где «солдатам обещалось по 8 десятин земли; автор этого предложения, профессор Яковлев, сидел тут же и был представлен Львову». Милюков вспоминал, что «познакомился с профессором Яковлевым на Московском Совещании. “Профессор” развивал такие фантастические планы об аграрной реформе, что невозможно было отнестись к нему серьезно. Львов тоже усомнился. “Откуда вы возьмете столько десятин на каждого солдата?” “У меня все это точно вычислено”, отвечал этот, видимо, не вполне уравновешенный господин. Каким-то путем, именно, люди такого типа попадали в советники Корнилова»⁴⁵.

Ссылки на воспоминания Львова содержатся и у Керенского. После разговора, отмечает Львов, «я откланялся Корнилову и вышел из кабинета. Завойко пригласил меня к себе завтракать; он помещался тут же в доме. Я прошел к нему и застал в его кабинете Добрынского и еще незнакомого мне господина. Завойко познакомил нас: “Профессор Яковлев”. Затем Завойко, сев у письменного стола, достал лист бумаги, на котором было что-то написано, и стал читать вслух. То был манифест Корнилова к армии, в котором Корнилов, называя себя сыном казака, брал на себя верховную власть во имя спасения Родины. Прочтя манифест, Завойко вытащил из письменного стола еще бумагу и стал читать. То была прокламация Корнилова уже к солдатам. В ней солдатам обещалось по возвращении домой нарезать по 8 десятин на каждого. Оказывается, что это была аграрная программа, выработанная сидевшим передо мной профессором Яковлевым. Завойко сунул мне по экземпляру каждого. Я машинально положил их в карман, не зная, для чего он мне их дал». Позднее, уже в Петрограде, Львов при встрече с Милюковым «достал манифест и прокламацию Корнилова и показал их Милюкову. “А мне это совсем не интересно”, — ответил Милюков»⁴⁶.

Возвращаясь к «Академическому делу», отметим, что на вопрос следствия о знакомстве с Деникиным Яковлев ответил отрицательно: «С ген[ералом] Деникиным я не говорил ни разу. Узнал он о моей программе по-видимому от генерала Лукомского, быв[шего] нач[альни]ка штаба у Корнилова у которого осталась моя записка с изложением сущности моей программы»⁴⁷. Вместе с тем, сам Деникин, не без сарказма вспоминая ситуацию в «Ставке Корнилова», среди прочих действующих лиц отметил «профессора Яковлева, разрешающего каким-то неслыханным способом аграрную проблему...», что в конечном итоге вылилось в «проект воззвания к солдатам по поводу дарования им земельных наделов», имевшего в своей основе «аграрную программу Яковлева, если верить Львову, сильно напоминавшую демагогический проект большевистского генерала Сытина»⁴⁸.

Таким образом, Яковлев участвовал в важнейших политических событиях лета 1917 года. И он не просто присутствовал, но предлагал решение важнейшего в условиях политического и социального кризиса вопроса — земельной реформы. Однако его активное участие не привело не только к принятию его предложений, но даже к какому-либо вообще положительному результату. Миссия Яковлева у Корнилова, равно как и у других политических и военных деятелей, закончилась безрезультат-

но ⁴⁹. И это произошло по абсолютно независившим от него причинам. Совершенно очевидно, что ни в обсуждении, ни в реализации земельной программы не были заинтересованы те фигуры, для которых борьба за вершину политической власть стояла на первом плане: Керенский, Миллюков, Львов ⁵⁰. Сочувствовавший же земельной программе Корнилов, как известно, потерпел сокрушительное поражение.

Любопытную дневниковую запись об отношении Яковлева к «корниловскому делу» оставил 1 сентября 1917 г. его коллега профессор Московского университета Ю.В. Готье: «Интересный разговор с Яковлевым. Он был в Могилеве и готовил аграрную программу для Корнилова, состоящую в наделении землей солдат в собственность. Он указывает на Завойко и, быть может, Аладьина как на главных авторов дела. Корнилов, по его впечатлению, привлекательный солдат, но не политик, а младенец в политике. В военную и политическую часть замысла он не был посвящен и уехал за день до выступления. По его мнению, В.Н. Львов сыграл здесь темную и глупую роль» ⁵¹.

Следствие к «военному» вопросу в «Академическом деле» Яковлева больше не обращалось ⁵². Однако в ряде случаев сам Яковлев упоминал о своем знакомстве с генералами. Так, в один из протоколов внесена еще одна запись, повторяющая ранее сказанное: «На темы связанные с моей программой приходилось мне еще говорить с быв[шим] генералом Брусилковым и многими другими лицами, фамилии коих теперь назвать затрудняюсь» ⁵³. И в другом месте: «Зная из напечатанных воспоминаний ген[ерала] Деникина, Керенского и Миллюкова о том, что я являюсь автором проэкта аграрной реформы 1917 г., мы (с экономистом Букшпаном. — Ю.К.) вели беседы также по этому всегда меня интересовавшему вопросу, применительно к русским условиям» ⁵⁴.

По «Академическому делу» Яковлев, как и его коллеги-академики и профессора, был осужден. Пятилетнюю ссылку он должен был отбывать в далеком Минусинске, «считая срок с 8/8—30 г.» ⁵⁵. Согласно «ходатайству о помиловании», 7 апреля 1933 г. ему было разрешено «свободное проживание по Союзу ССР» ⁵⁶. С 1938 г. он стал работать в Институте истории АН СССР. Публиковал источники. Писал актуальные книги и статьи, подвергавшиеся беспощадной критике политических и научных оппонентов ⁵⁷. Участвовал в острых научно-исторических дискуссиях ⁵⁸. Умер в Москве в 1951 году.

Примечания

1. См.: ТИХОНОВ В.В. Московская историческая школа в первой половине XX века: Научное творчество Ю.В. Готье, С.Б. Веселовского, А.И. Яковлева и С.В. Бахрушина. М.—СПб. 2012.
2. Имя в ученом мире он приобрел еще в досоветское время изданием таких трудов, как «Засечная черта Московского государства в XVII веке. Очерк из истории обороны южной окраины Московского государства» (1916), «Приказ сбора ратных людей» (1917).
3. ТИХОНОВ В.В. Ук. соч., с. 194—195.
4. Там же, с. 194—195; Доклад Чрезвычайной комиссии об итогах следствия по делу о бывшем Верховном главнокомандующем генерале Л.Г. Корнилове и его соучастниках. В кн.: Дело генерала Л.Г. Корнилова. Материалы Чрезвычайной комиссии по расследованию

- дела о бывшем Верховном главнокомандующем генерале Л.Г. Корнилове и его соучастниках. Август 1917 — июнь 1918: Документы. Т. 1. М. 2003, с. 144—342; МИЛЮКОВ П.Н. История второй русской революции. М. 2001, с. 357; ДЕНИКИН А.И. Очерки русской смуты. Т. 1. СПб. 2010, с. 519—520; КЕРЕНСКИЙ А.Ф. Россия в поворотный момент истории. М. 2006, с. 367.
5. Архив УФСБ по городу Санкт-Петербургу и Ленинградской области, д. П-65245, т. 9, л. 43—43об.
 6. С В.И. Лениным и семьей Ульяновых Яковлев был знаком с 1886 г. и поддерживал отношения на протяжении всей жизни. См.: ЯКОВЛЕВ А.И. Четыре встречи с В.И. Лениным. — Исторический журнал. 1942, № 1—2; Архив УФСБ по городу Санкт-Петербургу и Ленинградской области, д. П-65245, т. 9, л. 106—106об.
 7. Архив УФСБ по городу Санкт-Петербургу и Ленинградской области, д. П-65245, т. 9, л. 7—7об., 74—74об.
 8. Там же, л. 1—108.
 9. В Румянцевском музее (в будущем — Государственная библиотека СССР им. В.И. Ленина) Яковлев работал с 1906 г. (Архив УФСБ по городу Санкт-Петербургу и Ленинградской области, д. П-65245, т. 9, л. 7—7об.) Работа в музее в первые послереволюционные годы «в основном заключалась в сохранении уже накопленных коллекций и принятии новых, оказавшихся под угрозой уничтожения из-за царившей в стране разрухи... В 1918 г. в музее произошел скандал. Сначала Готье, а затем Яковлев были обвинены в хищении музейных ценностей (на самом деле они пытались спасти их от конфискации). Если в случае с Готье все обошлось, то Яковлев был уволен 7 декабря 1923 г., хотя состава преступления в его действиях не обнаружили. В дальнейшем эти события всплыли, сыграв свою негативную роль во время следствия по так называемому “Академическому делу” в 1930 г.». См.: ТИХОНОВ В.В. Ук. соч., с. 203—204, 253; КУГЛЯКОВСКАЯ Л.И. Судьбы сотрудников Румянцевского музея и Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина в период чисток и репрессий (1918—1939). В кн.: Книга в пространстве культуры. Вып. 1 (4). М. 2008, с. 32—33.
 10. АВДЕЕВ В.А., НЕЛИПОВИЧ С.Г. Предисловие. В кн.: БРУСИЛОВ А.А. Мои воспоминания. М. 2004, с. 13.
 11. Там же, с. 13—16.
 12. В анкете, написанной Яковлевым, перечислены: «Жена Ольга Петровна. 50 л. дом. хоз. Отец — Иван Яковл[евич] 83 л. Мать Екатерина Алексеевна 70 л. Дочь Наталия 24 л. студентка Ун-та, Ольга 22 л. работает научно, археолог, сын Иван 17 л. студ[ент] 1 МГУ». Архив УФСБ по городу Санкт-Петербургу и Ленинградской области, д. П-65245, т. 9, л. 13.
 - 13 БРУСИЛОВ А.А. Ук. соч., с. 265, прим.; о Бабикове см.: Там же, с. 330, 376.
 14. О проблеме использования следственных материалов как источника см., напр.: ТИХОНОВ В.В. Ук. соч., с. 256—257. Кроме того, достоверность показаний Яковлева доказывает их идентичность сведениям, приводимым другими источниками.
 15. О следователях «Академического дела» см.: Академическое дело 1929—1931 гг., вып. 1. СПб. 1993, с. XLII—XLIII.
 16. Имя А.П. Чехова, видимо, упомянуто не случайно. Известно, что историк еще в студенческие годы (апрель 1897 г.) посещал писателя, о чем впоследствии опубликовал воспоминания, напечатанные в газете «Русские ведомости». См.: А. У А.П. Чехова в Мелихове (Из письма студента). — Русские ведомости. 1909, № 150, 2 июля. (То, что под псевдонимом “А.” скрывается именно Яковлев, выяснил Н.И. Гитович много лет спустя. См.: Литературная Россия. 1980, 25 янв., с. 16.)
 17. Большая часть допросов Яковлева посвящалась изложению им взглядов на судьбу российского крестьянства. Он оставался глубоким приверженцем индивидуального крестьянского землевладения и принципиальным противником коллективизации. См.: Архив УФСБ по городу Санкт-Петербургу и Ленинградской области, д. П-65245, т. 9, л. 19—26об., 41, 54—56об. и др.
 18. Архив УФСБ при Совете Министров СССР по городу Санкт-Петербургу и Ленинградской области, д. П-65245, т. 9, л. 65.
 19. Имя Брусилова встречается и в показаниях М.К. Любавского. Там же, т. 11, л. 296.

20. Там же, т. 9, л. 65. Сам Брусилов писал, что читал лекции в Военной академии в Москве. БРУСИЛОВ А. А. Ук. соч., с. 287.
21. В показаниях по «Академическому делу» Е. В. Тарле читаем, что военные «кадры не то готовятся, не то просто учитываются из сочувствующих элементов старого офицерства, интеллигенции, призванных в Красн[ую] армию соответственно настроенных красноармейцев... Все они становятся под власть диктатора Брусилова, который назначает правительство и вообще отправляет функции верховной власти». Академическое дело 1929—1931 гг., вып. 2, ч. 1. СПб. 1998, с. 123.
22. Академическое дело 1929—1931 гг., вып. 1. СПб. 1993, с. 92—93, 117—119, 166—167, 206—207, 215—216, 249; вып. 2, ч. 1, с. 89, 122—124, 134—136, 138—139, 144—145, 152—153, 166, 171—175, 193—195, 204—205, 218, 240—244, 267—268; вып. 2, ч. 2. СПб. 1998, с. 322—325, 362, 390—409, 419—420, 498, 506—516, 577—579; Академическое дело 1929—1931 гг., вып. 9. Обвинение. Приговор. Реабилитация, ч. 1. СПб. 2015, с. 274—295; ч. 3. СПб. 2015, с. 1294—1298, 1304—1305, 1310—1311, 1460—1461, 1483—1494, 1512—1515.
23. См.: Архив УФСБ по городу Санкт-Петербургу и Ленинградской области, д. П-65245, т. 9, л. 66. О работе Яковлева над проектом аграрной реформы см.: Там же, л. 54—54об.
24. Там же, л. 66—67об.
25. Хроника событий. В кн.: Дело генерала Л. Г. Корнилова, т. 1, с. 533; т. 2, с. 16. Несколько разнообразя ситуацию, те же сведения Чрезвычайной комиссии сообщает Завойко: «В течение того же вечера (13 августа) помимо многочисленных родственников и корреспондентов, к генералу Корнилову заходили: генерал Алексеев, П. Н. Милюков, А. Ф. Аладьин и профессор Яковлев». Там же, т. 1, с. 221; т. 2, с. 93. К курьезам можно отнести то, что в современной биографической литературе Яковлев отнесен к встречавшим Корнилова представителям российского генералитета. См.: РУНОВ В. А. Легендарный Корнилов. «Не человек, стихия». М. 2014, с. 160.
26. Государственное Совецание. М.-Л. 1930, с. 311. Отметим, что на совещании присутствовали и другие известные историки: М. К. Любавский (от Общества истории и древностей Российских при Московском университете), А. С. Лаппо-Данилевский и М. И. Ростовцев (оба от Российской Академии наук). Там же, с. 325. От Совета крестьянских депутатов с речью выступил Н. Д. Кондратьев. Там же, с. 90—94. О Государственном совещании см.: ШУБИН А. В. Революционный 1917 год. От Февраля к Октябрю. М. 2018, с. 200—213.
27. Архив УФСБ по городу Санкт-Петербургу и Ленинградской области, д. П-65245, т. 9, л. 67.
28. Аладьин А. Ф. (1873—1927) — один из лидеров Трудовой группы I Государственной думы. До лета 1917 г. находился за границей. В 1918—1920 гг. — в Добровольческой армии. Эмигрировал. Имелись данные о его связях с английской разведкой. По словам Милокова, Аладьин «непризнанный политический гений... умевший сочетать крайнее самомнение с большой практической покладистостью». МИЛЮКОВ П. Н. Ук. соч., с. 338.
29. Завойко В. С. (1875—1947) — помещик, уездный предводитель дворянства, предприниматель. Политический советник Корнилова («ординарец»), автор большинства важнейших приказов и обращений Корнилова. Подробно о нем см.: СЕЛЕЗНЁВ Ф. А. Революция 1917 года и борьба элит вокруг вопроса о сепаратном мире с Германией (1914—1918 гг.). СПб. 2017, с. 115—133.
30. Архив УФСБ по городу Санкт-Петербургу и Ленинградской области, д. П-65245, т. 9, л. 67—68. В обвинительном заключении по «Академическому делу» (январь 1931 г.) роль Яковлева в событиях 1917 г. определяется так: «После февральской Революции, во время Всероссийского демократического совещания в Москве, вел переговоры с генералами Корниловым и Алексеевым о введении его (Яковлева) проекта аграрной реформы, которая должна была привести к реставрации старого режима. Аналогичные переговоры вел с быв[шим] патриархом Тихоном и различными политическими деятелями Белого движения, в ставке ген[ерала] Корнилова. Монархист». Академическое дело 1929—1931 гг. Вып. 9. Обвинение. Приговор. Реабилитация, ч. 1, с. 125.
31. Дело генерала Л. Г. Корнилова, т. 2, с. 169. У Милокова текст об этом выглядит так: «Керенский, в доказательство заблаговременной подготовки заговора, показал в след-

- ственной комиссии...: “я знал, что идет подготовка аграрного манифеста или закона; не помню фамилии этого профессора из Москвы”. Председатель комиссии тогда назвал эту фамилию: Яковлев». МИЛЮКОВ П.Н. Ук. соч., с. 357, прим.
32. Дело генерала Л.Г. Корнилова, т. 2, с. 348.
 33. Нами не ставится цель разобраться в хитросплетениях и интригах, сопровождавших отношения со Ставкой представителей Временного правительства, равно как и в ситуации в самой Ставке. Наша задача состоит в том, чтобы уяснить в этих событиях место Яковлева.
 34. Временный отъезд Завойко был обусловлен визитом в Ставку «с важным поручением» управляющего Военным министерством Временного правительства Савинкова. См.: ШУБИН А.В. Ук. соч., с. 213—228. У него было нелестное мнение о Завойко. Дело генерала Л.Г. Корнилова, т. 2, с. 98. См. также: Там же, т. 1, с. 227.
 35. Дело генерала Л.Г. Корнилова, т. 2, с. 98.
 36. Там же, т. 1, с. 224.
 37. Там же.
 38. Там же, с. 224—225. См. также: СЕЛЕЗНЁВ Ф.А. «В государственном управлении вся сила и залог успеха именно в плане и системе его осуществления»: Из показаний ординарца генерала Л.Г. Корнилова прапорщика В.С. Завойко. 1917 г. — Исторический архив. 2011, № 4, с. 128—129; ЕГО ЖЕ. Революция 1917 года и борьба элит вокруг вопроса о сепаратном мире с Германией (1914—1918 гг.), с. 132.
 39. См. также: КЕРЕНСКИЙ А.Ф. Ук. соч., с. 364; ШУБИН А.В. Ук. соч., с. 228—236. В.Н. Львов (1872—1934) — депутат III и IV Государственных дум. Во Временном правительстве (март-июль) занимал пост обер-прокурора Святейшего Синода. В 1920 г. эмигрировал.
 40. Дело генерала Л.Г. Корнилова, т. 1, с. 227.
 41. Там же, с. 225.
 42. Там же, т. 2, с. 210.
 43. Там же, с. 218.
 44. Там же, т. 1, с. 225. В Ставке пытались поставить дело более широко. «К участию в обсуждении вопроса о состоянии страны и мер, необходимых для спасения от окончательного развала как армии, так и всей страны, генерал Корнилов хотел привлечь М.В. Родзянко, кн. Г.Е. Львова и П.Н. Милокова, которым были посланы телеграммы с просьбой прибыть не позже 29 августа в Ставку». Несколько раньше подобное приглашение было сделано Керенскому, «чтобы объяснить с ним здесь и прийти к окончательному соглашению, обсудив указанную уже схему организации власти и состава правительства». Там же, с. 241, 536. См. также: КЕРЕНСКИЙ А.Ф. Ук. соч., с. 334; МИЛЮКОВ П.Н. Ук. соч., с. 361.
 45. МИЛЮКОВ П.Н. Ук. соч., с. 357. Мемуары Львова печатались в ноябре-декабре 1920 г. в парижских «Последних Новостях».
 46. КЕРЕНСКИЙ А.Ф. Ук. соч., с. 367, 368. Об этом упомянул на одном из допросов Любавский: «С своим проектом Яковлев обращался к члену Временного правительства П.Н. Милокову, настаивая на том, чтобы временное правительство выступило с заявлением в смысле его проекта. Но Милоков резко отклонил все это и сказал, что ему некогда обсуждать подобные “фантазии”». Архив УФСБ по городу Санкт-Петербургу и Ленинградской области, д. П-65245, т. 11, л. 300.
 47. Архив УФСБ по городу Санкт-Петербургу и Ленинградской области, д. П-65245, т. 9, л. 68—68об.
 48. ДЕНИКИН А.И. Ук. соч., с. 519—520. О Сытине и его проекте см.: Там же, с. 105.
 49. Но с идеей претворения в жизнь своей аграрной программы Яковлев не расстался. На одном из допросов он сообщил, что как-то говорил об этом с патриархом Тихоном. Архив УФСБ по городу Санкт-Петербургу и Ленинградской области, д. П-65245, т. 9, л. 77—77об., 81—82.
 50. Согласно Ф.А. Селезнёву, «аграрный проект Завойко-Яковлева оставлял широкую возможность для сохранения помещичьего землевладения и лежал в стороне от основного русла аграрной политики Временного правительства». СЕЛЕЗНЁВ Ф.А. Революция 1917 года и борьба элит вокруг вопроса о сепаратном мире с Германией (1914—1918 гг.), с. 132.

51. ГОТЪЕ Ю.В. Мои заметки. М. 1997, с. 33.
52. Обширные показания в связи с «военными приготовлениями» давали на следствии, в частности, Платонов и, особенно, Тарле. Поднималась эта тема и на допросах Любавского. Архив УФСБ по городу Санкт-Петербургу и Ленинградской области, д. П-65245, т. 11, л. 277об. —278, 282—282об., 288—289об., 294—294об., 296—297об., 314об.).
53. Архив УФСБ по городу Санкт-Петербургу и Ленинградской области, д. П-65245, т. 9, л. 68.
54. Там же, л. 86.
55. Академическое дело 1929—1931 гг. Вып. 9. Обвинение. Приговор. Реабилитация, ч. 1, с. 366.
56. Там же, с. 388. Возможно, здесь сыграла роль его многолетняя дружба с братом Ленина Дмитрием Ильичём Ульяновым. В одном из писем (22 апреля 1940 г.) Яковлев писал Ульянову «о тех бесчисленных и неоценимых формах внимания, поддержки и защиты, которыми я и мои пользовались от тебя и Вашей семьи в последний период жизни!..» УЛЬЯНОВ Д.И. Очерки разных лет: Воспоминания, переписка, статьи. М. 1984, с. 285.
57. Фундаментальный труд Яковлева «Холопы и холопство в Московском государстве XVII в. По архивным документам Холопьего и Посольского приказов, Оружейной палаты и Разряда. Том I». (М. 1943) получил Сталинскую премию, но был раскритикован специалистами. См.: ДУБРОВСКИЙ А.М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930—1950-е гг.) Брянск. 2005, с. 452, 531—532, 658; ЮРГАНОВ А.Л. Русское национальное государство: Жизненный мир историков эпохи сталинизма. М. 2011; ТИХОНОВ В.В. Ук. соч., с. 284—296.
58. Подробно см.: ТИХОНОВ В.В. Ук. соч., с. 264—265, 284—298, 310—312; ЮРГАНОВ А.Л. Ук. соч.

В ПОМОЩЬ УЧИТЕЛЮ ИСТОРИИ

УДК 93/94

Офицер Генштаба Ф.Ф. Торнау в плену у горцев

Д.С. Дударев, С.Л. Дударев

Аннотация. Данная работа посвящена рассмотрению раздела мемуаров офицера российского Генштаба барона Ф.Ф. Торнау, выполнявшего разведывательные поручения командования на Северо-Западном Кавказе (1830-е гг.), касающихся его нахождения в плену у горцев. Авторы анализируют оставленные одним из наиболее компетентных «кавказских пленников» сведения, позволяющие больше узнать о специфике пребывания россиян в неволе. Они обращают внимание на необычный статус пленного офицера — гость поневоле (пленник-гость), акцентируя внимание на особенностях поведения Торнау, которые учитывали горскую ментальность, и позволяли ему, несмотря на свое подневольное положение, сохранять уважение со стороны своих «хозяев».

Ключевые слова: «кавказские пленники», гость поневоле (пленник-гость) гяур, кафир, хахим, кунацкая-тюрьма.

Abstract. This work considers the section of memoirs written by Russian General Staff officer Baron F.F. Thornau's, (he carried out reconnaissance missions in the North-Western Caucasus in 1830s), which concerns his time being held captive by the mountaineers. The authors analyze information from one of the most competent "Caucasian captives", which allows them to learn more about the specifics of Russians' stay in captivity. They pay attention to the unusual status of the captive officer, the involuntary guest (prisoner-guest), with a particular focus on Thornau's behavior, who took into account the mountain mentality, thus being able to maintain respect from his "masters" despite his servitude.

Key words: "Caucasian captives", involuntary guest (prisoner-guest) gyaour, kafir, kunatsky prison (Guest-room prison).

Мемуары барона Ф.Ф. Торнау¹ относятся к тому пласту отечественной литературы XIX в., который является отражением впечатлений россиян, побывавших в плену у горцев². Тема «кавказских пленников» первой половины указанного столетия берет истоки в творчестве классиков отечественной литературы А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Л.Н. Толстой. С конца XX и особенно в начале XXI в. интерес к теме нарастает, что находит свое отражение в целом ряде работ отечественных историков-кавказоведов³.

Дударев Дмитрий Сергеевич — аспирант Армавирского государственного педагогического университета. E-mail: dudarev324@gmail.com; *Дударев Сергей Леонидович* — доктор исторических наук, профессор Армавирского государственного педагогического университета. E-mail: dudarev51@mail.ru;

Dudarev Dmitry S. — postgraduate student of the Armavir State Pedagogical University. E-mail: dudarev324@gmail.com; *Dudarev Sergey L.* — doctor of historical sciences, professor of the Armavir State Pedagogical University. E-mail: dudarev51@mail.ru.

Воспоминания Торнау являются наиболее квалифицированными во всем собрании «пленнической» литературы. Торнау — необычный пленник. Это российский разведчик, офицер Генштаба, весьма компетентный человек. Он обладал, говоря современным языком, экспертными знаниями о горской этносоциокультурной среде, был способен предугадать, что ожидало пленного исходя из его статуса, и выстраивать соответствующую модель поведения. Помимо этого он обладал недюжинной выдержкой и навыками управления своим психоэмоциональным состоянием.

Уже в самом начале описания своего пребывания в плену Торнау делает одно очень важное пояснение: «меня схватили не в открытом бою, а заманив к себе обманом; поэтому я считался у них не обыкновенным пленным, а гостем поневоле»⁴ (с. 206). Иными словами, Торнау сам дал определение своему статусу в плену, чего нет в мемуарах ни у одного из россиян, оказавшихся в подобном положении. Он четко понимал, что его пленили в лесу, а не в кунацкой (комнате для гостей), что было бы нарушением закона гостеприимства. Пленник отдавал себе отчет и в том, что на первых порах бегство было невозможно, его следовало долго готовить.

При захвате Торнау предавшие его кабардинцы, из которых один (Аслан-Гирей) был князем, а другой (Джансеид) имел почетное прозвище «хаджи», кричали российскому офицеру как простые грабители: «Давай деньги и часы!». Ничего удивительного в этом не было, если вспомнить описание случаев взятия в плен других россиян: с ними происходило примерно то же самое. Но случай с Торнау был особым. На другой день плена ему «подавали кушанье как бы гостю», хотя Асланбек Тамбиев, который и был инициатором захвата офицера, отказывался садиться с пленником за один стол и при этом постоянно интересовался, какой за него будет выкуп. Подобным же образом вел себя и другой похититель, Аслан-Гирей, относясь к Торнау не как к пленному, а как к гостю. Когда того ввели в кунацкую Тамбиева для переговоров о выкупе, присутствовавшие там его похитители поднялись и сели не раньше, чем Торнау занял место на приготовленной для него подушке. На отношение захвативших Торнау кабардинцев к своим пленникам сильно влияла общественная среда их родины. Население Кабарды было социально более стратифицированным, нежели, например, жители Чечни или так называемых вольных обществ Дагестана, а также «демократических» обществ Западного Кавказа. Немаловажное значение имела и статусность пленника.

Тамбиев, узнав у Торнау, что тот принадлежал к старинному дворянскому роду, не стал принуждать его к работе, так как сам был черкесским дворянином, гордившимся своим древним происхождением. Этим обстоятельством пленник впоследствии научился пользоваться и не позволял обращаться с собой неучтиво. Когда Тамбиев начинал грубить, российский офицер спрашивал его: «Ты дворянин или холоп?», после чего тон обращения менялся.

Тем не менее на четвертый день Торнау был закован в цепи, что, как он сам пишет, было неизбежно для пленника у черкесов. Тамбиев в обоснование этого шага заявил: «... ты мужчина, у тебя есть усы и борода, мы тебя обманули, и ты сам будешь стараться обмануть нас». А далее последовали ключевые слова, обозначающие главную причину подобного шага: «мужчину, который родился не рабом, можно удержать в неволе

одним железом» (с. 208). Подобных пояснений не делал больше никто из горцев.

История пленения барона Торнау показательна и еще с одной важной стороны. Он тщательно скрывал свои физические страдания, зная, что только полным пренебрежением к физической боли и опасности можно заслужить уважение черкесов. Кроме того, он «поставил себе за правило не переносить от них (черкесов. — *Д.Д., С.Д.*) ни малейшего нравственного оскорбления и в этом отношении достиг своей цели» (с. 212). Охранники Торнау начали было развлекаться по ночам тем, что устраивали пленному ложную тревогу (ввиду действительно происходивших в то время рейдов российских войск), когда нужно было выскакать из сакли прямо на снег. Пленник отказался исполнять их требование. Этим он настолько озадачил охранявших его горцев, что они больше не осмеливались настаивать на своем требовании, и на следующий день он в оковах сидел на почетном месте в кунацкой. В то же время охранники пожаловались на Торнау Тамбиеву, который пригрозил российскому офицеру, что караульные в наказание за непослушание будут его бить. Тогда Торнау с дымящейся головней в руках пригрозил Тамбиеву поджечь ночью дом, чтобы все в нем сгорело заживо. Тамбиев воспринял угрозу всерьез и пообещал, что пленника никто не тронет, со словами: «... у черкесов дворянина можно убить, но не позволено бить. Очень рад, что и у русских тот же закон» (с. 213). С тех пор Торнау долго не слышал от Тамбиева или его домашних ни одного оскорбительного слова. Хозяин запретил своим рабам и караульным всякие шутки с пленным офицером. Абадзехи стали смотреть на Торнау совсем другими глазами, хотя им трудно было удержаться называть его гяуром. Но Торнау объяснил им, что гяуром можно именовать только того, кто не верит в единого Бога ⁵. Кроме того, он сказал горцам, что не ест свинины, что очень их обрадовало. Тамбиев даже справлялся об этом у князя Карамурзина, хорошо знавшего Торнау на воле, и получил подтверждение. Впрочем, те или иные права в подобных случаях невозможно завоевать навсегда. Кроме того, отношение к пленному зависело и от отсутствия попыток бежать, что в случае с Торнау проявилось впоследствии очень наглядно.

Наиболее важным вопросом для многих пленных был вопрос о выкупе. Правда у целого ряда пленников соответствующих средств не было. Среди них были крестьяне, солдаты, казаки. Им оставалось надеяться только на обмен или побег (или же прибегнуть к «натурализации» в горской среде). Казалось бы, положение Торнау было счастливым исключением. Выкупить из плена ценного специалиста, каким, несомненно, он являлся, был согласен сам император Николай I (с. 217). В то же время, имелось весьма принципиальное обстоятельство: для освобождения Торнау (по его же словам) власти были готовы сделать многое, «но без ущерба для значения русской силы и прав в глазах горцев». Те из них, которые похитили офицера, должны были, в конечном счете, проявить покорность правительству и присягнуть ему.

Уступки российской стороны привели бы к новым требованиям со стороны горцев, которые могли расценить податливость командования как проявление слабости. Российская сторона не была готова пойти на это. Торнау хорошо это понимал и не роптал на свое руководство, ведя

с ним одну линию в отношении вопроса о выкупе. Аслан-Гирей и Тамбиев были раздосадованы неуступчивостью Торнау, но хаджи Джансеид, хотя и заявил: «... не буду перед тобой извиняться и оправдываться», проявил сочувствие и уважение к пленнику, убедившись в его выдержке и стойкости. «Я вижу, ты стоишь лучшей доли», — признался он (с. 215).

Тем не менее, Аслан-Гирей и Тамбиев, стремясь добиться выкупа, предпринимали новые попытки давления на Торнау. Барон отмечал, что без брани и оскорблений, соблюдая все формы черкесской вежливости, Тамбиев умел сделать положение пленника совершенно нетерпимым, «цель его... была переломить мой характер, заставить умолять русское начальство о скорейшем выкупе...» Питание российского офицера было скудным, от голода пленник испытывал головокружение. Посылаемые ему передачи (табак, чай, сахар, новая шуба и т. п.) от генерала Засса или других лиц, часто перехватывались Тамбиевым, который постепенно присвоил всю верхнюю одежду пленника. Ни днем, ни ночью Торнау не оставался без оков и был притянут цепью так близко к стене сырого помещения, что не мог повернуться в постели (с. 215). Даже односельчане Тамбиева заметили ему, что гяура убить благое дело, но истязать человека, невзирая на веру, Коран запрещает. Горский дворянин отвечал, что русские его тоже истязают, отняв крестьян, табуны и пр., заставляя жить в бедности; пусть возвратят ему собственность, тогда он отдаст им их брата, «по воле Аллаха попавшего в наши руки».

Торнау прекрасно видел, какие лишения испытывало мирное население, особенно женщины и дети, прячась во временных постройках в зимнее время в лесу от российских войск. Постепенное лишение его Тамбиевым одежды пленник объяснял крайней бедностью похитителя, которую констатировал неоднократно. Богатство Тамбиева состояло из двадцати полуимпериалов (100 р.), из числа отобранных у его пленника. Дети Тамбиева являлись в кунацкую к пленнику-гостю греться у огня или прибежали за подачкой из его рациона. Российский офицер отчетливо понимал, что пленивший его горец в выкупе видел последнюю возможность поправить свое бедственное положение. Это был один из крайне немногочисленных случаев, когда невольник, претерпевая серьезные муки, неоднократно «входил в положение» своего хозяина.

Переговоры о выкупе Торнау возобновлялись снова и снова, причем уже с участием представителей генерала А. А. Вельяминова из числа мирных черкесов — офицеров Шан-Гирея Абата (известная фамилия сторонников России) и Тлекеса Тамбиева (племянника Асланбека Тамбиева), при которых был и хаджи Джансеид (как проводник и заинтересованное лицо, проникшееся сочувствием к Торнау). Состав переговорщиков был наглядным с точки зрения того, что в одной горской семье были сторонники и противники России (причем история таких семей показывает, что те их члены, которые придерживались, казалось бы, пророссийской ориентации, при определенных условиях также могли уйти к немирным горцам)⁶. Вельяминов потребовал выдать Торнау добровольно, в противном случае похитителям угрожала смерть.

Тамбиев отказался, пообещав отрезать Торнау голову и отослать русским. Пленник даже в такой ситуации позволял себе шутить над своими похитителями. Он предложил горцам посолить его отрезанную голову,

чтобы она не пропала в жаркое время, чем страшно разозлил кабардинцев. Дело в том, что в ответ на захват в плен Торнау военные власти запретили поставку соли адыгам, и большинство абадзехов, кроме богачей, осталось без соли и мяса на зиму.

Оказавшись с глазу на глаз с пленником, офицеры-горцы передали ему записку от Вельяминова с разрешением самому назначить за себя выкуп. Торнау в ответной записке отверг всякую возможность выкупа, попросив наказать обманщиков «в пример другим» (с. 239). Содержание записки неизвестными путями попало в «Times». Можно предположить, что это было, одновременно, и указание на необычный уровень пленника и акция российских властей, знавших о связях адыгов с английской агентурой (Белл, Спенсер, Лонгворт)⁷, находившейся в это время среди них. Впрочем, власти не только грозили горцам и одновременно стремились прорекламировать принципиальность позиций своих лучших офицеров. Император через своего флигель-адъютанта Хан-Гирея (показательный шаг, который должен был еще раз напомнить горцам, как высоко они могут подняться, если покорятся российским властям и будут преданно служить престолу) передал кабардинцам, что он готов выкупить пленного, если те умят требования по части размеров выкупа. Горцы, видимо, решили показать характер и вместо пяти четвериков серебра запросили столько золота, сколько в пленнике было весу. На этом переговоры и завершились: власти не могли позволить выставлять себе подобные условия (с. 239). Торнау отмечал, что чем больше о нем хлопотали, тем сильнее кабардинцы настаивали на своих требованиях и даже увеличивали их, видя заинтересованность российской стороны.

Незаурядный пленник притягивал к себе внимание горцев. Во время очередного рамазана у зажиточных кабардинцев почти каждый вечер собирался народ, чтобы послушать чтение муллой Корана⁸. Когда Торнау появлялся вместе с Тамбиевым, пленнику уступали место возле самого почетного человека, князя Магомета Атажукина, гостившего в ауле. Этот князь был абреком, чисто говорившим по-русски, и переводил речи муллы российскому офицеру.

Торнау вызвал большой интерес у священнослужителя из Дагестана, именуемого автором Дагестан-эфенди. Тот убеждал Тамбиева постараться обратить важного пленника в ислам и использовать его в войне с русскими (с. 227). Был в ауле и другой мулла, который разъяснял Торнау Коран с теми же целями, общаясь с ним на смеси черкесских, татарских и русских слов подобном тому, как было принято разговаривать на Северо-Восточном Кавказе в условиях еще слабого распространения русского языка⁹.

Пленник был открыт для общения не только со взрослыми мужчинами-горцами. Российский офицер подружился с черкесскими детьми, особенно, с девочками. «Одна из девочек решила влезть в мою башню (т.е. специально построенный сруб-тюрьму. — Д.Д., С.Д.), и кончилось тем, что мы очень подружились» — писал Торнау (с. 232). Он время от времени вел разговоры с женщинами, проходившими мимо. «В их словах и приемах я всегда замечал много скромности и доброты» — отмечал пленник. Такое гендерное предпочтение россиянина объясняется, скорее всего, разными моделями поведения горских детей — мальчиков и девочек. У мальчиков воспитывалась и поддерживалась необходимая

в боях агрессивность, объектом для тренировки которой в мирных условиях идеально подходили российские пленники, о чем свидетельствуют мемуары некоторых из них. В случае с Торнау к нему был приставлен мальчик Накыж из абадзехов, который должен был прислуживать пленнику. Офицер отмечал: «... служил он мне плохо... а караулил хорошо». Иное дело — более открытые для общения, мягкие по характеру и любопытные девочки и девушки. Иногда офицера освобождали от оков, и он мог свободно гулять по лужайке между домами. Особенно подружился Торнау со старшей дочерью Алим-Гирея Аслан-Коз и ее служанкой Хан. Привлекало к пленнику местных жителей и то, что он учил их, как лечиться от простуды, заваривать чай из ромашки и т.п., и даже сделал прививку от оспы детям Алим-Гирея. Эти знания и умения у молодого человека, строевого офицера, не достигшего еще и 30 лет, говорят о его специальной и разносторонней (хотя и не лишенной существенных недочетов) подготовке. О пленном офицере пошла слава хакима, что всегда высоко ценилось горцами (с. 249) ¹⁰.

Тем временем положение пленника становилось все хуже: оковы, недостаток одежды, катастрофическое положение с гигиеной (офицер все время опасался получить кожное заболевание ¹¹), голод, безнадежность. Тамбиев делался злее, уже позволяя себе ругать пленника известным словосочетанием «злой гяур» (гяур бзаге), чего раньше не было. С другой стороны, более раздражительным стал и сам пленник.

Критический момент в жизни Торнау возник в связи с тем, что ген. Г.Х. Засс совершил рейд в леса на р. Сагуаше (Белой), где располагался аул, в котором находился пленник. Действия российского отряда привели к многочисленным потерям у абадзехов. Возвращавшиеся с поля боя грозили пленнику кулаками и шашками, на что тот, уже не сдерживаясь, грозил своим посохом. И в этот момент произошла стычка пленника с абадзехом Хуцы, несколько раз словесно оскорбившим Торнау по-адыгски, а потом и по-русски («Ты чушка, и все русские чушка!» и т.п.). После стычки, в которой Торнау угрожал обидчику пистолетом, случайно оказавшимся у него под рукой, пленник оказался прикованным на два месяца, находясь в самых неблагоприятных, условиях. И снова он остался верен себе. Но жизнь в застенках, грязи, голоде и холоде — еще не самое худшее. Некий фанатик-мулла предложил казнить Торнау. Только вмешательство Аслан-Коз, обратившейся к своему влиятельному отцу, спасло офицера от смерти. Расчет умной девушки был точным. Алим-Гирей прибег к помощи Дагестан-эфенди и тот с Кораном в руках, с одной стороны, показал абадзехам обоснованность их притязаний на наказание гяура, но одновременно продемонстрировал, что «собственность мусульманина дело святое», и если они хотят голову пленника, то пусть выложат шесть тысяч рублей серебром. Разумеется, никто не захотел платить таких больших денег только ради «морального удовлетворения» увидеть казненного «гяура» (с. 242—244).

Самое поразительное, однако, было в другом. Если женская смекалка Аслан-Коз, испытывавшей к пленнику симпатию, и ловкие манипуляции опытного богослова, каким был Дагестан-эфенди, не были таким уж сюрпризом, то совсем неожиданным оказалось желание абадзеха Хуцы помириться с пленником и принести ему свои извинения. Впрочем, если

вдуматься, то в этом была и своя логика. Российский офицер, несмотря на свое тяжелое положение невольника, никому не давал уронить свое достоинство. Горцы, крайне чуткие к такого рода проявлениям человеческой натуры, вновь оценили самоуважение Торнау. Для того, чтобы загладить вину, Хуцы бросил к ногам пленника барана. «Хуцы доказал мне, — пишет Торнау — в этом случае, что в его полудикой груди, под лохмотьями, скрывались чувства, которыми может похвалиться не каждый образованный и даже высокорожденный человек» (с. 248).

Впрочем, постоянная нелегкая борьба с самим собой и тяжелыми обстоятельствами, не имевшая видимой перспективы (выкупа быть не могло, вариант «натурализации» Торнау решительно отвергал, даже несмотря на уговоры Аслан-Коз, а «спецоперации» по освобождению пленника никто не предпринимал) привели к двукратным попыткам бегства, предпринятым россиянином с ведома и с помощью адыгской девушки. Но они закончились неудачно.

После вторичного побега для Торнау были созданы самые тяжелые условия содержания. Он находился в крепком деревянном срубе с потолком, не существующим, по верному замечанию пленника, в обыкновенных черкесских постройках. Внутри этой «избы», которую Тамбиев использовал еще и как кунацкую, был сделан небольшой сруб из толстых бревен вроде ящика, в котором можно было только лежать или сидеть и где царил кромешная тьма. Он запирался на два запора и замок. Таким образом пленник находился в кунацкой-тюрьме (парадоксальное, но очень знаковое в случае с Торнау сочетание).

Вся одежда, кроме рубашки и шаровар у него была отобрана. Питание оставалось (с учетом трудностей у хозяев) минимальным: миска с молоком и кашей и кувшин воды. Пленник был прикован за шею, у него были скованы также и ноги. На руки кандалов, как с горькой иронией отмечал Торнау, уже не нашлось. В таком положении пленник провел три с лишним месяца. Этот этап его неволи оказался кульминационным. Ситуация стала настолько безвыходной, что молодой офицер, отличавшийся большой силой воли, подумывал о суициде голодом или ударом головой об стену. Неизвестно, как долго Торнау, которому с помощью Аслан-Коз и неизвестного татарского эфенди удалось обзавестись ножом и куском английского напильника (друзья на воле думали о нем), смог бы еще продержаться в своем заточении. Наступили холода, пленник стал страдать от стужи, у него началась лихорадка (с. 279—283). Но здесь неожиданный поворот событий изменил положение дел.

Погиб один из похитителей Торнау, князь Аслан-Гирей, павший жертвой мести черкесов. Тамбиев испугался в одиночку нести ответственность за пленение важного российского военного и согласился, ввиду ухудшения состояния своего «гостя», на выкуп в 12 тыс. руб. серебром и на перевод его на лечение к хадже Джансеиду. Отсюда Торнау и выкрал лояльный властям князь Карамурзин, причем не без ведома самого хаджи...

История пребывания в плену у горцев Торнау была бы намного менее интересной и поучительной, если бы мы оставили вне поля зрения те выразительные эпизоды, которые очень существенно дополняют картину взаимоотношений российского офицера с горцами.

Торнау, несмотря не постигшие его тяжелые испытания и нештучные лишения, как правило, воздерживался от употребления оскорбительных эпитетов вроде «варвар», «дикарь», «хищник», и т. п., встречавшихся у ряда российских авторов первой половины XIX века. В то же самое время, бывший пленник не идеализировал в своих мемуарах горскую сторону, порой используя по отношению к отдельным ее представителям нелюбезные выражения.

С неприязнью Торнау пишет о сторожившем его мальчике и поведении пленного ногойца, общество которого было ему, особенно вначале, крайне неприятно. Однако негативные оценки не превалируют в мемуарах россиянина. Его характеристика черкесского дворянина весьма достоверна с исторической точки зрения. Она совпадает с теми аттестациями, которые давали горцам и другие офицеры, воевавшие на Кавказе, в том числе декабристы (например, А. А. Бестужев-Марлинский): «ездят на грабеж или, куря трубку, целый день стругают кинжалом палочку»¹² и т. п.

Не безупречен и образ «мирного» горца. «У редкого мирного черкеса, ногойца или иного горца не лежало на совести против русского закона какого-нибудь тайного грешка...»¹³ (с. 220). Что же касается «воровства» немирных горцев, о котором упоминает Торнау, то, как уже отмечалось специалистами¹⁴, мучительно страдая в плену, он без слепой враждебности и неприятия воспринимал и оценивал наблюдаемый им мир черкесской «особости», стремясь понять его.

Торнау в целом весьма высоко оценивает своих горских противников, особенно джигитов: «черкесы, храбрые по природе, с детства привыкшие бороться с опасностью, в высшей степени пренебрегают самохвальством. Самые смелые джигиты (молодцы) отличаются у них необыкновенной скромностью, говорят тихо, никогда не хвастаются своими подвигами, готовы каждому уступить место и замолчать в споре; зато в деле они совершенно перерождаются и на действительное оскорбление отвечают оружием с быстротою мысли, без угрозы, без крику и брани» (с. 252).

Тем или иным черкесам он дает индивидуальную характеристику, достойную, как надо полагать, их человеческих качеств. Еще перед пленом он характеризует, например, Аслан-Гирея, как отталкивающую личность, у которой «сквозь тихий и медленный разговор, сквозь полузакрытые глаза и сдержанные движения проглядывала кошачья натура тигра» (с. 194). Тамбиев у него — это «человек исполинского роста, с незлобным, но глупым лицом». А вот Алим-Гирей — «не трус, но человек добродушный и рассудительный в сравнении с другими горцами, избегавший, сколько можно, раздражать русских против себя и своего народа», но не понимавший причин военных действий российских войск против черкесов (с. 249).

Хаджи Джансеид уже в самом начале знакомства получил от Торнау аттестацию, как человек «действительно замечательный по своему уму и по храбрости», имевший «в себе нечто располагающее в его пользу». Внешний вид этого фигуранта был, судя по описанию россиянина, характерен для представителей элитной части черкесского общества. Джансеид первоначально предстал перед своим российским собеседником в кольчуге, т. е. принадлежал к «панцирникам» — наиболее видной

части вооруженных формирований у адыгов — и, как и многие из них, пользовался луком и стрелами. И это при том, что хаджи было 70 лет. Тем не менее Джансеид не был знатного рода, но личные качества этого человека нередко ставили его выше самых именитых князей, и горцы именно ему поручали военное руководство в наиболее затруднительных случаях. Причина такого положения дел была только одна — хаджи был харизматической личностью. С самого начала Торнау характеризует Джансеида, как человека замечательного по уму и храбрости и располагающего к себе некими скрытыми качествами. Однако весь его мужественный вид и умение держать себя не вязались с манерой не смотреть в глаза собеседнику. При всей своей выдержке Джансеид, как человек честный, видимо, не мог побороть в себе чувство неловкости, связанного с необходимостью ввести русского офицера в заблуждение для его дальнейшего похищения.

Бежав из Кабарды, не желая подчиниться российским властям, он сумел на новом месте достичь зримого благополучия, причем, как иронично пишет Торнау, «разумеется, не плугом и топором, а с шашкою в руках». Хаджи имел красивый и вместительный дом, собрание богатого оружия, значительные стада и несколько десятков семейств зависимых людей. Это был типичный путь военного предводителя в условиях постоянных войн и столкновений, причем не только с русскими. Он был характерен для обществ, в которых господствовали традиции «военной демократии», либо близких к ней ступеней общественного развития.

Хаджи вполне адекватно оценивал положение вещей. Например, он нисколько не сомневался, что русские завладеют горами, хотя и считал (ошибаясь), что это вопрос весьма отдаленного времени. Джансеид неоднократно общался с некоторыми известными лидерами мусульманского мира Ближнего Востока (правителем Египта Мухаммедом Али и его сыном), и не питал никаких иллюзий относительно их помощи горцам в борьбе за свою независимость (с. 196). То, что хаджи Джансеид сказал Торнау, заслуживает пристального внимания. «Если бы черкесы были умнее, не ссорились бы между собою и не резали друг друга, — века прошли бы до вашего утверждения в горах. Я сам не располагаю покориться. В мои годы неприлично покинуть дело, за которое я дрался шестьдесят лет и пролил столько крови. Не могу более подчиняться чужой воле, новому закону и изучать новые порядки. Умру чем родился. Сын мой молоде, ему легче будет привыкать к новому порядку вещей, когда Аллаху будет угодно отдать горы во владение русским, если только не предпочтет он в этом случае лечь в могилу возле своего отца» (с. 289).

При прощании хаджи сказал Торнау: «Вспомни обо мне с меньшей горечью, когда позже, между своими, ты встретишь на пути столько же расчета, хитрости и обмана, как у черкесов». Более того, он прямо указал российскому офицеру на то, что тот сам в немалой степени виновник своих бедствий и приключений: «Ты молод и честолюбив, иначе ты не решился бы сунуть свою голову в пасть волку, заехав один в горы, к черкесам». «Вся разница в том, что у нас чаще всего бьют пулею и кинжалом, а у вас убивают человека коварными словами да грязным пером» (с. 290). Эти слова, безусловно, не лишены оснований¹⁵. Впрочем, жизнь Торнау у Тамбиева, желавшего получить за пленника хорошие деньги, показывает, что архаические доблести вполне уживались у горских воинов

со стремлением к материальным благам и торговлей людьми¹⁶. Таковы были понятия и нравы в данной среде на стадии перехода от позднегородового общества к феодальному.

Весьма красноречив финал воспоминаний Торнау, который связан с судьбой хаджи Джансеида. Торнау встретился с ним несколько лет спустя в бою. Заметив друг друга, они обменялись поклонами (с. 295). Такое было возможно, пожалуй, только на «Кавказской войне», специфические особенности которой подчеркивают известные российские ученые-кавказоведы¹⁷. После поклонов хаджи Джансеид в первых рядах черкесов поскакал на казаков, лежавших в засаде, и принялся вместе с остальными воинами рубить их. В ответ Торнау послал навстречу черкесам казачье оружие и после залпа хаджи был сражен картечью...

Особая тема — это отношение Торнау к черкесским девушкам и женщинам. Пленник отмечал умение черкешенок высших классов читать и писать по-турецки (что одновременно указывает на цивилизационную ориентированность адыгов), знание ими Корана и умение вести переписку, трудолюбие, немалую свободу девушек и одновременно их целомудренность, коснулся он и статуса замужних женщин и вдов (с. 219).

Отношение Торнау к прекрасной девушке вполне убедительно говорит о том, что между российскими пленниками и черкешенками, в самом деле, могли быть отношения приязненности и взаимного интереса, которые иногда перерастали в нечто большее. Перспектива лирических отношений между представителями двух сторон была положительной только в том случае, если пленник принимал ислам. Принятие же горянкой христианства, как такое же обязательное условие, но уже в случае выхода замуж за россиянина на территории, контролируемой российскими властями, могло иметь место только в том случае, если у нее не было родственного этнического окружения.

Укажем на еще одну важную черту положения Торнау, связанную с его статусом пленника: нигде в своих «Воспоминаниях» он не говорил о том, как же обращалась к нему Аслан-Коз (как, впрочем, и мужчины-горцы), каким именем называла россиянина. Судя по известной нам литературе, горянки и горцы именовали пленников «Иванами» («Ивасями») или индивидуальными прозвищами. Пленник — это субъект, не имеющий личности (в этом смысле он, скорее, объект), и адекватного имени у него быть не может. Свойства личности и, соответственно, имя обретаются тогда, когда пленник становится для хозяев одним из них через «натурализацию», смену идентичности, то есть принятие ислама. Тогда он может стать, например, Идрисом, как один из переводчиков имама Шамиля. При всем внимании к Торнау со стороны его горских «партнеров», в том числе и Аслан-Коз, судя по мемуарам этого российского офицера, адыги к нему обращались только на «ты»¹⁸.

Подводя итоги, необходимо сказать, что история плена Торнау — одна из самых показательных из всего сериала литературы о «кавказских пленниках». В центре ее — человек, оказавшийся, как и ряд других его товарищей по несчастью, в экстремальной ситуации горской неволи. Однако ситуация с Торнау, при всей ее внешней типичности, имеет свою специфику, относясь к тем редким случаям, которые можно аттестовать как парадоксальное положение «пленника-гостя». Этот тип пленников

характерен статусом, который обусловлен их происхождением, в том числе, этническим (ногайский князь Таганов)¹⁹, или служебным положением (Торнау), редко — тем и другим вместе (княгини Чавчавадзе и Орбелиани, фрейлины императорского двора)²⁰. Но у статуса Торнау есть и еще одна редкая краска — это, одновременно, «пленник-идейный». Такой фигурант отрицает любой выкуп, тем более несоизмеренный, чтобы противнику было неповадно выдвигать подобные требования впредь.

Стойкость и мужество Торнау принесли ему уважение тех, кто стал свидетелем мытарств пленника. Но черкесы оценили не только моральные качества российского офицера, но и его незаурядный ум, проницательность, знание и понимание местных обычаев, умение вести разговор, не нарушая местные этические нормы. Торнау вызывал неподдельный интерес той части горцев, которая была открыта к внешним контактам и желала больше узнать через гостя поневоле о том, что собой представляла Россия.

«Воспоминания кавказского офицера» в целом и та их часть, которая посвящена плену Торнау, занимают достойное место в литературе. Они чужды пренебрежительного, шовинистического отношения к горцам, которые воспринимаются не как однородная серая масса кровожадных «варваров», «дикарей» и т. п., а люди, порой с яркими индивидуальными чертами, у которых есть свои высокие человеческие качества, достойные искреннего и глубокого уважения. В то же время не все фигуранты повествования Торнау отмечены чертами благородства. Автор стремится воздать должное героям своего повествования, как он его понимает, не демонизируя противостоящих ему горцев, но и не допуская их романтизации. Мемуары офицера являются важным и заметным кирпичиком в создании образа Кавказа и кавказцев в отечественной исторической литературе, который и по сей день не является вполне завершенным.

Примечания

1. ТОРНАУ Ф. Ф. Воспоминания кавказского офицера. М. 2000.
2. Подборку произведений бывших пленников россиян см.: Кавказ: В плену у горцев. Нальчик. Т. 1—2. 2013.
3. Основную библиографию о «кавказских пленниках» см.: ВЕЛИКАЯ Н. Н. Пленные славяне в горах Северо-Западного Кавказа. В кн.: Мир славян Северного Кавказа. Краснодар. 2013, с. 84—91; ЕЕ ЖЕ. Причины нахождения россиян в среде горцев Северо-Восточного Кавказа (первая половина XIX века). — Кавказский сборник. Т. 9 (41). М. 2015, с. 90—101.
4. Номера страниц даются по указанной работе Ф. Ф. Торнау.
5. Торнау показывает хорошее знание предмета разговора. «Гяур» (неверный) имеет этимологически близкую параллель в арабском языке в виде термина «кафир» или «кяфир» — презрительное название всех иноверцев у исповедующих ислам (главным образом, в средние века). Во времена Османской империи, слово «кафир» или «кяфир» и этимологически близкое к нему «гяур» приобрели отрицательный и даже бранный оттенок, поскольку ими турки называли представителей всех религиозных традиций, не исповедующих ислам. Очевидно, что адыги, среди которых находился Торнау, и вообще северокавказские горцы испытывали тогда воздействие именно этой турецкой трактовки, так как находились под большим влиянием Османской империи. Но одновременно в исламе для иудеев и христиан существует специальный термин — «люди Писания». Принадлежность к этой группе давала человеку предпочтительный статус в исламском

- праве в качестве т.н. зиммиев («людей, находящиеся под покровительством»). НЬЮБИ Г. Краткая энциклопедия ислама. М. 2007, с. 51.
6. МАТВЕЕВ О.В. Кавказская война: от фронта к фронтиру. Историко-антропологические очерки. Краснодар. 2015, с. 92—93.
 7. АМБАРЦУМЯН К.Р. Северо-Западный Кавказ в описаниях англичан Джона Лонгворта и Джеймса Белла: сравнительный анализ. В кн.: Историческая наука и образование в начале XXI века: проблемы и перспективы развития (к 70-летию факультета истории, философии и искусств): сб. научных статей. Ставрополь. 2015, с. 100—103.
 8. URL: <http://islam-book.info/koran-tafsir/tafsir-tolkovanie-korana>.
 9. ГРИЦЕНКО Н.П. Быт и нравы кавказских горцев и терских казаков. Их взаимное влияние друг на друга. В кн.: Археолого-этнографический сборник. Т. III. Грозный. 1969, с. 157.
 10. Английский разведчик Э. Спенсер, побывавший в Черкесии в 1836 г., отмечал, что характеристика умелого хакима (врача) возвеличит человека «в глазах народа и будет вернейшим пропуском чтобы их расположить». СПЕНСЕР Э. Путешествия в Черкесию. Майкоп. 1994, с. 9.
 11. Среди горцев, по словам Торнау, встречалась и проказа. Пленник обмывал тело и руки отваром едкого табака. Он приводит сведения о гигиене у черкесов: знатные гораздо опрятнее и постоянно пользуются большими плоскими медными тазами. ТАРНАУ Ф.Ф. Ук. соч., с. 245—246.
 12. БЕСТУЖЕВ-МАРЛИНСКИЙ А.А. Путь до города Кубы. Сочинения в 2-х томах. Т. 1. 1958, с. 301.
 13. Это заключение Торнау делает в связи с рассказом истории о мирном бесленеевском уздене, который, вступив в конфликт с ногайским князем на бытовой почве, затем устремился в Прочный Окоп, искать поддержки у Г.Х. Зассе, с которым был в приятельских отношениях. Здесь приходится констатировать, что поддержка русских властей нередко была нужна тем или иным горцам, когда у них случались распри, основанные на личных мотивах, со своими соплеменниками. ХЛУДОВА Л.Н. Эпизод пребывания М.С. Воронцова на Кубани. В кн.: Российский Северный Кавказ: проблемы социально-политического развития и исторического выбора. Материалы 18 семинара Кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова. Армавир-Ставрополь. 2013, с. 49.
 14. ВИНОГРАДОВ В.Б., ГУСЕВА Н.А. Горский плен: люди и судьбы. Армавир. 2002.
 15. Джансеид произнес эти слова тогда, когда на всю Россию уже прогремело: «Погиб поэт, невольник чести, пал, оклеветанный молвой...». Вывод хаджи показывает хорошее знание наиболее осведомленными горцами отрицательных черт российской действительности. Впрочем, яркий феномен северокавказского просветительства явно свидетельствует в пользу того, что самые выдающиеся представители горских социумов видели не только пороки и язвы российского общества, в чем преуспел известный М.А. Кундухов, (КУНДУХОВ М.А. Мемуары. Владикавказ. 2013), но и те широкие перспективы, которые сулило горцам приобщение к России.
 16. КЛЫЧНИКОВ Ю.Ю., ЦЫБУЛЬНИКОВА А.А. «Так буйную вольность законы теснят...»: борьба российской государственности с хищничеством на Северном Кавказе (исторические очерки). Пятигорск. 2011, с. 10—177.
 17. ДЕГОЕВ В.В. Предпосылки Кавказской войны: была ли альтернатива? — Кавказский сборник. Т. 9 (41). М. 2015, с. 14.
 18. Ранее, во время разведывательных миссий, сопровождавшие разведчика мирные горцы называли Торнау вымышленным именем Гассан, выдавая за чеченского абрека (с. 170).
 19. ТЮТЮНИНА Е.С. Моя Пушкиниана: Статьи, эссе. Нальчик. 2011, с. 42—44.
 20. ВЕРДЕРЕВСКИЙ Е. Плен у Шамиля. Правдивая повесть о восьмимесячном и шестидневном (1854—1855) пребывании в плену у Шамиля семейств покойного генерал-майора князя Орбелиани и подполковника князя Чавчавадзе, основанная на показании лиц, участвовавших в событии. В трех частях. В кн.: Кавказ: В плену у горцев. Т. 2. Нальчик. 2013, с. 155—348.

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

ББК 63.3 (2)/УДК 94 (571.12) 338.2

Протоколы заседаний органов городского самоуправления как исторический источник (по материалам Западной Сибири 1870—1890 гг.)

В. Д. Камынин, А. Б. Храмцов

Аннотация. В публикации рассматриваются протоколы заседаний органов городского самоуправления в Западной Сибири (1870—1890-е гг.), отражающие направления их работы. Большая часть протоколов исследована фрагментарно, источниковедческому анализу не подвергалась и впервые вводится в научный оборот. Информационную базу работы составляют документы архивных фондов Российского государственного исторического архива и государственных архивов Тюменской и Томской областей. Протокольная документация — ценный, уникальный и информационно-емкий источник, позволяющий реконструировать деятельность городских властей, выявить проблемы в их работе, понять, чем они руководствовались, принимая то или иное решение.

Ключевые слова: источники, протоколы, журналы, журнальные определения, городские думы, городские управы, местное хозяйство.

Abstract. In article protocols of meetings of organs of city self-government in Western Siberia (the 1870—1890th years) reflecting the directions of their operation are considered. The most part of protocols is probed fragmentary, was not exposed to the source study analysis and is for the first time introduced for scientific use. Information basis of operation is made by documents of archive funds of the Russian state historical archive and the state archives of the Tyumen and Tomsk regions. Legal documentation the valuable, unique and information and capacious source allowing to reconstruct activities of the city authorities, to reveal problems in their operation, to understand, than they were guided, making this or that decision.

Keywords: sources, protocols, logs, journal determination, city councils, town councils, local economy.

Камынин Владимир Дмитриевич — доктор исторических наук, профессор Уральского федерального университета им. первого Президента РФ Б.Н. Ельцина. E-mail: kamyninv@yandex.ru;
Храмцов Александр Борисович — кандидат исторических наук, доцент Тюменского промышленного университета. E-mail: khramtsov_ab@bk.ru.

Kamynin Vladimir D. — doctor of historical sciences, professor at the Ural Federal University named after the first Russian President B.N. Yeltsin. E-mail: kamyninv@yandex.ru; *Khramtsov Alexander B.* — candidate of historical sciences, associate professor at the Tyumen Industrial University. E-mail: khramtsov_ab@bk.ru.

Управленческая деятельность органов городского самоуправления конца XIX в. подлежала обязательному протоколированию. Согласно законодательству, все заседания городских представительных собраний (дум) и исполнительно-распорядительных органов (управ), исполнительных комиссий, присутствий и комитетов фиксировались в протокольной (журнальной) документации. Ее ведение обуславливалось коллегиальной формой обсуждения и принятия решений. Городовые положения 1870 г. (ст. 66) и 1892 г. (ст. 99) определяли, что в институтах местного самоуправления решения принимались простым большинством голосов, а в случае равенства перевес давал голос председателя ¹.

Как правило, использовался стандартный формуляр протокола. И на протяжении всего периода деятельности городских управлений его форма не претерпела значительных изменений. В верхнем поле документа указывался его вид — протокол, его номер (по хронологии заседаний), наименование органа, например: собрание Томской городской думы и дата проведения. В заголовочной части формуляра указывалось лицо, председательствующее в собрании (как правило, городской голова или его заместитель), законность (кворум) заседания и повестка ². Помимо этого, указывалось, что о созыве собрания доведено до сведения губернатора ³.

В случае не извещения последнего о проведенном заседании, его решения считались несостоявшимися. Подобные случаи в истории развития городского самоуправления в Тобольской губернии имели место. Например, постановление Тарской городской думы от 27 декабря 1884 г. по выборам главы города не было утверждено начальником губернии, поскольку была нарушена ст. 57 закона 1870 г., которая предписывала ставить его в известность о созыве собрания гласных. Опираясь на это формальное правило, губернатор распорядился провести перевыборы городского головы ⁴.

Текст протокола делился на абзацы с красными строками, пункты повестки заседания проставлялись арабскими цифрами. Каждый пункт повестки заканчивался решением («Дума постановила»), если по вопросу не было принято заключение, то его рассмотрение переносилось на следующее собрание («вопрос остался открытым»). На протоколах можно заметить ряд помет секретаря и главы города; в конце документа гласные (городские депутаты), участвовавшие в собрании, ставили свои подписи ⁵. Забавный случай был отмечен в г. Тобольске, когда один из гласных оставил «неуместные надписи на подписях других гласных». Дума признала их оскорбляющими и непочтительными к представителям городского общества и вынесла ему порицание ⁶.

По протоколам можно подсчитать общее число собраний и рассмотренных на них вопросов за год, а также средние показатели посещаемости заседаний гласными. Например, за 1877 г. Тюменская городская дума собиралась 24 раза, было рассмотрено дел — 163; за 1883 г. — 28 и 142; за 1889—32 и 184; за 1895—18 и 184 и за 1901 г. — 19 и 226 соответственно ⁷. Следовательно, с 1895 г. при сокращении численности гласных (с 72 до 23) и думских заседаний в год, количество рассматриваемых вопросов отнюдь не уменьшилось, а стабильно возрастало. Стало быть, нагрузка на депутатский корпус только увеличилась. Очевидно, что роль городской власти в жизни местного общества была достаточно высокой.

Протокол как организационно-процедурный документ обеспечивал легитимный (законный) характер принятому городской думой решению — обязательно указывалось число гласных на заседании (кворум). Обычно решения дум фиксировались непосредственно в протоколах собраний, а также по важным вопросам жизнедеятельности выносились отдельные постановления к протоколу⁸. Журнальная форма ведения дел и принятия решений использовалась в таких городах как Тюмень, Тюкалинск, Туринск, Ишим, Курган, Томск, Колывань, Барнаул и Бийск⁹. Местные власти Тобольска, Берёзова, Ялуторовска, Тары, Каинска и Мариинска наряду с общим протоколом заседания принимали отдельные постановления, копии которых, по закону, направляли на утверждение губернатору¹⁰.

Коллегия городской управы также в специальных журналах фиксировала ведение текущих дел¹¹. По форме журнал управы был сходен с протоколом думы. В «шапке» документа указывалось: наименование органа (Бийская городская управа), дата заседания, председатель и члены.

Журнальные постановления составлялись по всем решениям городской управы, что в исследовательском контексте затрудняет поиск информации. Управы крайне редко составляли алфавитные указатели своих решений. В то же время, о важности того или иного вопроса позволяют судить специальные отметки на полях — «в Думу» или «на благоусмотрение Думы». После рассмотрения такого вопроса гласными думы в соответствующий журнал управы переписывалось их решение¹².

Согласно журналам управ, решения принимались большинством голосов их членов. При равенстве голосов голос председателя давал перевес. Член управы, несогласный с ее постановлением, имел право заявить о своем несогласии в течение трех дней со дня состоявшегося заседания. Стоит заметить, что на утверждение думы передавалась лишь малая часть дел управы. Так, книга Тобольской городской управы на записку журнальных определений за 1893 г., составленная в табличной форме с указанием порядкового номера заседания, месяца, числа, краткого содержания вопроса и отметки о направлении в думу, гласит, что за этот год управа приняла 832 постановления, из них 55 (7%) было направлено на заключение местной думы¹³. Тюменская городская управа в 1887 г. приняла 820 журнальных определений, из которых в думу направилось 206 (25%). В 33-х собраниях думы гласные разрешили 170 дел (83%)¹⁴.

В большинстве протоколов прения по вопросу чаще всего заменялись изложением его или двух мнений в поддержку того или иного проекта или против него, или вовсе «опускались». Это было вызвано тем, что к концу XIX в. заметно возросло число вопросов, выносимых на обсуждение городского собрания, вследствие чего протоколы стали составляться в краткой форме: вопрос — справка (при необходимости) — решение (с мотивировкой). Заключительная часть протокола (журнала) — официально принятое (легитимное) решение по вопросу, поэтому установить, что происходило на заседании, кто и что на самом деле говорил, практически невозможно. Стенограммы в работе городских управлений не использовались. По свидетельству протоколов, городские думы и управы нередко выходили за рамки предметов своего ведения, в результате их решения отменялись губернским начальством. На этой почве в системе

управления и взаимоотношениях городов и губернской администрации возникали различные конфликты.

Протокольно-журнальная документация скреплялась секретарем и формировалась в дела по видовому принципу в хронологическом порядке заседаний. В такие дела также подшивались различные сопроводительные материалы по решаемым вопросам: акты, доклады, сметы, заявления и прошения частных лиц¹⁵. Если дело включало много документов, то оно делилось на полугодия, хотя иногда и по месяцам¹⁶.

Кроме того, допускалось формирование протоколов по функциональному принципу: бухгалтерия, материально-хозяйственная часть, выборное производство и пр. Копии постановлений, выписки из протоколов также подшивались в дела, заведенные по конкретным вопросам (будь то открытие училища, учреждение биржи, ломбарда, устройство водопровода), что позволяет проследить историю развития вопроса, этапы его рассмотрения, мнения участников и принятые решения¹⁷. На уровне губернской администрации копии протокольных актов институтов местного самоуправления формировались в дела, как правило, за год, зачастую в нескольких томах, а также с копиями журналов Губернского по городским делам присутствия об их утверждении¹⁸.

Протоколы отражают весь процесс функционирования городских дум и управ — это неоспоримое свидетельство их работы. С их помощью можно исследовать деятельность и других заведений (учреждений), действовавших на территории поселения, от которых не осталось архивных фондов (школы, приюты, больницы, богадельни, ломбарды, банки и др.).

В протокольно-распорядительных актах городские власти решали разные функциональные задачи по управлению местным хозяйством, среди них: регламентация, определение, назначение, разрешение (запрещение) и утверждение. Так, посредством протоколов дума:

— регламентировала основы жизнедеятельности на своей территории: время открытия и закрытия торговых заведений, обеденный перерыв, запрет на торговлю в воскресные и праздничные дни, порядок ведения извозного и трактирного промыслов, противопожарные и санитарные меры, безопасность и правопорядок. Например, Ялutorовская городская дума в журнальном постановлении от 25 ноября 1893 г. ограничила вино-торговлю в городе: открывать заведения для продажи вина дозволялось только на четырех улицах (Береговой, Телеграфной, Еврейской и Больничной), в других местах не допускалось¹⁹. Мариинская городская дума 31 июля 1894 г. для улучшения санитарного состояния на линии строящейся железной дороги запретила убой скота. Мясо для железнодорожных рабочих должно было доставляться с городской скотобойни в готовом виде²⁰. По заявлению 19 гласных 11 июня 1876 г. был принят журнал Томской городской думы об усилении ночного надзора для охраны безопасности жителей и отправлено ходатайство губернатору об избавлении города от привоза ссыльных²¹;

— определяла предметы налогообложения, размеры сборов, порядок и сроки их внесения в городскую кассу и пр. Например, из журнала Колыванской городской думы от 5 сентября 1893 г. следует, что дума определила суммы городских сборов с трактиров — 350 руб., с буфетов — 25 руб. и прочих заведений — по 25 руб. в год²²;

— назначала пособия, пенсии и жалования служащим. В частности, Каинская городская дума в протоколе собрания 8 января 1876 г. назначила содержание должностным лицам: городскому голове — 1000 руб., членам управы — по 300 и секретарю — 600 руб. в год²³;

— разрешала (запрещала) частным лицам постройки, открытие трактиров, постоянных дворов, базаров, ярмарок и пр. Например, из постановления Тобольской городской думы от 10 января 1895 г. следует, что было рассмотрено прошение местных торговцев об открытии в городе ярмарки с 1 ноября по 1 декабря. На имеющуюся с 20 мая по 20 июня ярмарку никто из иногородних купцов не приезжал, торговля была слабая. Дума решила в интересах рыбопромышленников и в целом поднятия городской торговли возбудить ходатайство перед Правительством о закрытии существовавшей и учреждении новой ярмарки²⁴;

— утверждала лиц на выборные городские должности, отчеты об итогах работы и исполнении смет, результаты торгов, доходные и расходные статьи местного бюджета, сложение недоимок и т.п. Ялуторовская дума журнальным постановлением от 19 октября 1893 г. утвердила торги управы на отдачу в арендное содержание городских оброчных статей (мясных лавок, скотобойни, рыбных ловель, сбора с весов и мер и др.) и поручила управе заключить с подрядчиками контракты²⁵. Интересно, что Нарымская городская дума на своем первом заседании 23 октября 1877 г. «по недостаточности городских средств и малочисленности населения» решила не учреждать местную управу, возложив ее обязанности на главу города²⁶.

В сфере финансово-хозяйственной деятельности городской управы журнальными определениями думы устанавливались порядок ведения отчетности, правила и сроки внесения сборов в кассу управы, назначались пособия малоимущим и пенсии служащим; регулировались торговые операции и цены на продажу городской недвижимости; гасились недоимки и пр. Например, из протокола заседания Курганской городской думы от 9 сентября 1892 г. следует, что дума рассмотрела заявление мещанина О.К. Васильева «о сложении с него по бедности» долга банку в сумме 71 руб. 20 коп. и решила долг сложить, дело прекратить, освободить от описи его имение²⁷.

Кроме этих функциональных задач, комплексный анализ протокольной документации позволяет получить целостное представление об обществе, воссоздать картину жизни горожан, их повседневные нужды и интересы. Городские думы защищали экономические интересы своих городов и жителей. Например, Курганская городская дума в протоколе от 9 сентября 1892 г. на отношение уездного исправника об открытии в селе Михайловском еженедельного торжка по понедельникам постановила «согласия дать не может», так как это приведет «к подрыву городских базаров и ярмарок»²⁸.

Исследование внешних признаков данных источников с использованием методов формулярного анализа позволяет утверждать, что протокольные документы — это «продукт» работы гласных как представителей общества и служащих управы и той среды, тех конкретно-исторических условий, в которых они жили и работали. Документ — фрагмент действительности, в которой можно различить несколько составных частей:

во-первых, взаимоотношения должностных лиц общественной службы, их профессионализм, образованность; во-вторых, социокультурное пространство города, уровень развития экономики, социальных отношений и культуры жителей ²⁹. Таким образом, чем выше включенность города и горожан в систему взаимосвязей, тем интенсивнее документооборот органов самоуправления, тем выше грамотность, делопроизводственная и правовая культура служащих и степень вовлечения городских властей в систему управления городом, губернией, страной.

В протоколах зафиксированы многочисленные проблемы, связанные с выборами в городские думы, и принятые по ним решения. Процесс формирования городских собраний широко представлен в постановлениях дум и журналах управ, которые представляли итоги выборов в губернскую администрацию. Из журнального постановления Ялуторовской городской думы от 3 июня 1894 г. видно, что действовавшая с 1876 г. дума, согласно новой упрощенной форме управления, подлежала закрытию ³⁰. Протокол № 549 Тюменской городской думы от 3 февраля 1894 г. указывает на то, что город по имущественному цензу распоряжением министра внутренних дел от 14 декабря 1893 г. был приравнен к губернскому ³¹. Комплексный анализ протоколов по выборам свидетельствует о том, что из-за малочисленности избирателей сибирские города не подразделялись на участки, составлялся общий список избирателей (одно собрание).

Помимо общих данных по выборам гласных городских дум, в протоколах содержится огромный блок информации о периодически проходивших на их заседаниях выборах в другие общественные должности, перечень которых был различен: городской голова, члены управы, секретарь, директор местного банка и его товарищи, председатели судов, аукционисты, оценщики, распорядители ломбардов, попечители и смотрители заведений и др. В частности, согласно протоколу Тюменской городской думы от 5 сентября 1885 г., на заседании с участием 56 гласных состоялись выборы городского головы (избран купец П.И. Матягин), о чем доведено до сведения губернатора ³². Журнал Томской городской думы от 6 февраля 1894 г. указывает на то, что гласные выбрали трех членов управы на новое четырехлетие — с 1894 года ³³.

Особая ценность исследуемых исторических источников заключается в том, что с их помощью можно наблюдать развитие тех ли иных фактов и событий, исследовать ответную реакцию на поступивший документ (к примеру, указ Сената, циркуляр МВД или предписание губернатора), отклики населения (в заявлениях, предложениях и жалобах) на происходящие перемены.

Протоколно-журнальная документация имеет целый ряд преимуществ в сравнении с другими источниками: она содержит изложение функций в системе управления местным хозяйством: «назначить пособие в 1000 руб.», «сделать заем в городском банке», «утвердить смету расходов», «командировать на съезд» и т.п. Это освобождает исследователей от необходимости погружаться в детали, что неизбежно при изучении других дел. Более того, протоколы, сохранившиеся в архивных фондах, компенсируют сведения отсутствующих дел. Посредством журналов вели свою работу городские исполнительные комиссии, присутствия, советы и комитеты из числа гласных и экспертов, реализовавшие задачи

управления в конкретных сферах (народное образование, медицинская часть, благоустройство, санитарное состояние и др.)³⁴.

Протоколы — основной массовый источник по истории городских дум и управ, который позволяет системно реконструировать их деятельность в различных сферах, в том числе дает представление о работе учреждений, от которых не сохранилось архивных фондов. В протоколах нашли отражение разные проблемы общественной жизни: потребности населения, развитие торговли и промышленности, просвещения, здравоохранения, создание объектов инфраструктуры и пр. Комплекс таких протоколов и журналов, безусловно, является перспективным источником для изучения местного хозяйства, общественной и повседневной жизни на микроуровне, его следует использовать для воссоздания исторической реальности и изучения социокультурных факторов развития городов.

Примечания

1. Полное собрание законов Российской империи. Собр. II. Т. XLV. Отд. 1-е. СПб. 1874, ст. 48498, с. 830.
2. Государственный архив Тюменской области (ГА ТюмО), ф. и-2, оп. 1, д. 489 а, л. 1—2.
3. Государственный архив в г. Тобольске (ГА в г. Тобольске), ф. и-152, оп. 35, д. 367, л. 249—249об.
4. Там же, д. 368, л. 3—3об., 110—110об.
5. Там же, ф. и-8, оп. 1, д. 300, л. 1об., 8об., 10; ГА ТюмО, ф. и-2, оп. 1, д. 494, л. 11—12; д. 503, л. 86, 88, 139.
6. ГА в г. Тобольске, ф. и-8, оп. 1, д. 301, л. 95.
7. ГА ТюмО, ф. и-2, оп. 1, д. 494, л. 1—210; д. 501, л. 1—155; д. 512, л. 1—399об.; д. 530, л. 1—270об.; д. 536, л. 1—144; д. 546, л. 1—314.
8. Там же, ф. и-2, оп. 1, д. 489а, л. 61—68, 69—77.
9. ГА в г. Тобольске, ф. и-152, оп. 35, д. 373, 393, 432, 485; Государственный архив Томской области (ГА ТомО), ф. 3, оп. 23, д. 27; ф. 127, оп. 2, д. 664—665, 687; ф. 233, оп. 1, д. 119—124, 138—143, 145—156.
10. ГА в г. Тобольске, ф. и-8, оп. 1, д. 300—301, 321—322; ф. и-152, оп. 35, д. 368, 401, 416, 495; ГА ТомО, ф. 2, оп. 1, д. 80; ф. 3, оп. 23, д. 96, 98, 103.
11. ГА ТюмО, ф. и-1, оп. 1, д. 7, л. 7—10.
12. Там же, д. 14, л. 4об., 25, 27, 44об., 49об., 55, 57а, 61, 69об., 77об., 79, 81об., 83об.
13. ГА в г. Тобольске, ф. и-8, оп. 1, д. 314, л. 1—39 об.
14. ГА ТюмО, ф. и-1, оп. 1, д. 149, л. 40в.
15. Там же, д. 14, л. 16; д. 50, л. 130, 132, 138, 166, 168, 176, 178, 197—198, 271, 308—309, 348, 366—367; ф. и-2, оп. 1, д. 500, л. 17—18, 65—74, 75, 111—113, 115—128, 144—144об., 152, 173—177.
16. Там же, ф. и-2, оп. 1, д. 497; ф. и-1, оп. 1, д. 7, 20а.
17. Например, Дело об учреждении в г. Тюмени товарной биржи. ГА ТюмО, ф. и-1, оп. 1, д. 307; Дело об открытии Тюменского реального училища. Там же, д. 514; Дело об устройстве в г. Тобольске городского водопровода. ГА в г. Тобольске, ф. и-152, оп. 35, д. 521; Дело об открытии в г. Ишиме мужской гимназии. Там же, д. 826; Дело об учреждении в г. Кургане городского ломбарда. Там же, д. 906; Дело о преобразовании Барнаульской мужской приходской школы в двухклассное городское училище. ГА ТомО, ф. 125, оп. 1, д. 539; Дело о строительстве в г. Томске университета. Там же, ф. 233, оп. 2, д. 80.
18. ГА в г. Тобольске, ф. и-152, оп. 35, д. 383, 445, 446, 498, 499.
19. Там же, д. 495, л. 122.
20. ГА ТомО, ф. 127, оп. 2, д. 666, л. 38—39.
21. Там же, оп. 1, д. 2848, л. 265.

22. Там же, ф. 48, оп. 1, д. 44, л. 13—13об.
23. Там же, ф. 2, оп. 1, д. 80, л. 4—4 об.
24. ГА в г. Тобольске, ф. и-152, оп. 35, д. 525, л. 29—30.
25. Там же, д. 495, л. 98—98об.
26. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 1287, оп. 38, д. 1436, л. 121—122.
27. ГА в г. Тобольске, ф. и-152, оп. 35, д. 474, л. 40об. —41.
28. Там же, л. 46.
29. Серeda Н.В. Реформа управления Екатерины Второй: источниковедческое исследование. М. 2004, с. 177.
30. ГА в г. Тобольске, ф. и-152, оп. 35, д. 493, л. 23—24 об.
31. ГА ТюмО, ф. и-2, оп. 1, д. 514, л. 40—42.
32. Там же, д. 504, л. 85—86.
33. РГИА, ф. 1287, оп. 38, д. 2662, л. 66—67.
34. ГА ТюмО, ф. и-1, оп. 1, д. 84, л. 6—7; д. 174, л. 36—38, 39—41.

Взгляды северокавказской интеллектуальной элиты XIX — начала XX в. на российско-горское взаимодействие

А. А. Журтова, А. А. Коновалов

Аннотация. В публикации проанализированы исследования представителей северокавказской интеллектуальной элиты проблемы российско-кавказских взаимоотношений в XVI—XIX веках. Авторы приходят к выводу, что северокавказской интеллигенции указанного периода была свойственна двойственность мировоззрения, основу которой составляли убеждения в исторической обусловленности интеграции народов Северного Кавказа в состав России и желание сохранить и развивать свою национальную культуру.

Ключевые слова: северокавказская интеллектуальная элита, историография, российско-кавказские отношения, завоевание, вхождение.

Abstract. The publication analyzes the research of representatives of the North Caucasian intellectual elite on the problem of Russian-Caucasian relations in the XVI—XIX centuries. The authors of this work come to the conclusion that for the North Caucasian intelligentsia of this period was characterized by a duality of worldview, which was based on beliefs in the historical conditionality of the integration of the peoples of the North Caucasus into Russia and the desire to preserve and develop their national culture.

Keywords: North Caucasian intellectual elite, historiography, Russian-Caucasian relations, conquest, entry, integration, modernization, enlightenment.

Проблема исследования интеллектуальной мысли на Северном Кавказе в XIX — начале XX в. занимает значительное место в отечественной историографии. В указанный период происходило формирование регио-

Журтова Анжела Ариковна — кандидат исторических наук, старший преподаватель Кабардино-Балкарского государственного университета. Нальчик. E-mail: anzhelka28@mail.ru; *Коновалов Андрей Анатольевич* — кандидат исторических наук, доцент Кабардино-Балкарского государственного университета. Нальчик. E-mail: homunculus2@yandex.ru

Zhurtova Anzhela A. — candidate of historical sciences, senior lecturer at the Kabardino-Balkarian State University. Nalchik. E-mail: anzhelka28@mail.ru; *Konovalev Andrei A.* — candidate of historical sciences, associate professor at the Kabardino-Balkarian State University. Nalchik. E-mail: homunculus2@yandex.ru.

нальной интеллектуальной элиты, в сознании которой синтезировались два типа культуры — традиционная и адаптированная в условиях российской действительности европейская система ценностей.

Местная интеллигенция выполняла важнейшую посредническую функцию между российскими властями и горскими обществами. В своих работах представители северокавказской интеллектуальной элиты стремились выработать наиболее приемлемые варианты интеграции Северного Кавказа в российское социокультурное пространство с сохранением национального самосознания горских народов. Они полагали, что только Россия способна стать той силой, которая приведет к ликвидации консервативных традиций и социально-культурному обновлению в регионе.

В данном контексте представляют интерес взгляды представителей северокавказской интеллектуальной элиты на процесс модернизации традиционных горских обществ, выработку способов и методов их адаптации к новым государственно-правовым, социально-экономическим и культурным условиям существования. Научное обращение к данному вопросу может способствовать разработке и осуществлению конструктивной государственной политики в регионе.

Методологическую основу исследования составляют принципы историзма, объективности, целостности и системности. Их комплексное применение позволило рассмотреть процесс формирования исторических концепций, посвященных проблеме российско-кавказского взаимодействия, в их конкретно-исторической обусловленности, не вырывая из контекста научного знания. Указанные принципы позволяют отобрать положения, наиболее значимые для осмысления сути российско-горских взаимоотношений, а также определить, какое место занимает конкретное исследование в ряду аналогичных работ, созданных представителями северокавказской интеллектуальной элиты XIX — начала XX века.

В историографии данного вопроса условно можно выделить два этапа. Первый — 1920-е — 1980-е гг. — характеризуется применением марксистской методологии в исследованиях, посвященных жизни и творческой деятельности представителей региональной интеллектуальной элиты, в том числе их концептуальному видению внутри- и внешнеполитической истории народов Северного Кавказа, российско-горских взаимоотношений.

Общественно-политическая мысль Северной Осетии была изучена М. С. Тотоевым, З. П. Цховребовыми др.¹ Т. Х. Кумыков и Р. Х. Хашхожева исследовали взгляды адыгской интеллектуальной элиты, ее отношение к политике Российской империи на Северном Кавказе². А. Д. Яндаров изучил творческое наследие вайнахских просветителей³. Интеллектуальная мысль Балкарии проанализирована К. Г. Азаматовым и Х. И. Хутуевым⁴.

В современном кавказоведении (1990-е — 2010-е гг.) применяются новые подходы к изучению творческой деятельности национальных интеллектуальных элит XIX — начала XX в. В частности, в работах Т. Ш. Биттировой, С. А. Айларовой, М. Б. Нагоева, З. Я. Емтыль и др.⁵ исследуются условия формирования, место и роль северокавказской интеллигенции в структуре имперской элиты и горских обществ, обусловивших ее особую позицию в отношении российской политики в регионе.

Несмотря на наличие большого количества работ, посвященных жизни и творчеству северокавказской интеллигенции, в науке отсутствует комплексное исследование взглядов горской интеллектуальной элиты на проблему российско-кавказского исторического взаимодействия.

Региональная общественно-политическая мысль начала формироваться в начале XIX в. под влиянием деятелей русской и европейской культуры, особым образом преломив их главные ценности и пропустив через призму национального самосознания. Как полагает З.Я. Емтыль, особый характер происхождения национальной горской интеллигенции был обусловлен тем, что первостепенное значение в ее формировании имели не социально-экономические и культурные процессы, а сложные социально-политические трансформации, связанные с утверждением российского господства в регионе. Потребность самосохранения в новых исторических условиях существования и необходимость адаптации к новым административно-политическим, социально-экономическим и культурным реалиям определили процесс формирования северокавказской интеллектуальной элиты как общественной группы, призванной переосмыслить ранее существовавшие общественно значимые идеи и представления, выработать новые идеалы и нормы, способные стать ценностно-ориентированной основой для дальнейшего развития горских обществ ⁶.

Деятели северокавказского просветительства находились в весьма противоречивой ситуации, оказавшей определяющее влияние на их социально-политическую позицию и ментальные установки. Они творили во время Кавказской войны, принадлежа к тем народам, существенная часть которых оказывала сопротивление процессу вхождения территории Северного Кавказа в состав Российской империи. Другой стороной противоречия являлось то, что сами они были интегрированы в российское культурное, а часто и политическое пространство. Большая часть их текстов создавалась на русском языке, их художественные произведения оказывались вписанными в тенденции развития русской литературы.

Существенным обстоятельством является сосуществование в их текстах двух типов мировоззренческих установок. Первый из них присущ традиционному обществу: это описания традиций и обычаев, внимание к социальному и политическому строю горского общества, героизация персонажей, действующих согласно традиционной морали или практикующих занятия, свойственные архаичным обществам. Другой мировоззренческий кластер — это убежденность в необходимости модернизации горских обществ и интеграции народов Северного Кавказа в политическое, социально-экономическое, культурное пространство Российского государства ⁷. Можно сказать, что адыгская интеллигенция возникла на «скрещении автохтонного и российского обществ, на том историческом “перекрестке”, на котором встретились, вошли в контакт элементы горского “социума”, уклада традиционной горской жизни... и русской культуры» ⁸.

Данное противоречие было определяющим для комплекса представлений северокавказской интеллектуальной элиты о характере

российско-горского политико-культурного и экономического взаимодействия. Их мировоззрение определял драматический параллелизм, обостренный ситуацией военных столкновений и, часто, необходимостью осуществить тяжелый выбор формы собственного участия в вооруженном конфликте. Пребывая в парадоксальной, двойственной ситуации, они должны были добиться мировоззренческого синтеза, который бы стал основой их дискурсивных практик. Им предстояло сохранить верность своему народу и традиционным основам его исторического бытования и преодолеть архаичные пласты его мировоззрения.

Пребывание на мировоззренческом рубеже вызвало необходимость «двойной оптики»: взгляда на прошлое своих народов и существующую в их время историческую ситуацию одновременно с двух противоположных сторон. Это обусловило главную особенность их нарратива: постоянный перевод с одного, своего, языка культуры на другой — язык русской культуры и обратно.

По утверждению С. А. Айларовой, доминирующей чертой мировоззрения как северокавказской интеллигенции, так и российской, являлось отстаивание европейских ценностей, права на свободное развитие личности и общества. Однако европеизация в понимании представителей местной интеллектуальной элиты должна была привести, «не к разрыву в культурно-исторической преемственности Северного Кавказа, а к гармонизации либеральных форм жизни и сознания» при условии сохранения национальной специфики горских обществ⁹.

Проблема российско-кавказских взаимоотношений рассматривалась горской интеллигенцией XIX в. сквозь призму просветительской теории общественного договора. Интеграция Северного Кавказа в состав Российской империи воспринималась как исторически выстраданная форма обретения северокавказскими народами безопасности и общественного порядка, гражданственности и европейски-развитых государственных норм¹⁰. Северокавказская интеллигенция выступала посредником между имперской властью и местными этническими группами в период масштабного реформирования российского общества во второй половине XIX века. Представители интеллектуальной элиты высказывались за осуществление активной просветительской деятельности в регионе, воспринимали образование как основной фактор перестройки горских обществ на новых гражданских началах.

Местная интеллигенция, по выражению М. А. Кошева, выполняла функцию своеобразного катализатора процесса национальной самоидентификации и самовыражения северокавказских народов и стремилась использовать любые возможности для создания комфортных условий национально-демократического развития региона¹¹.

Российско-кабардинские отношения в XVI—XIX вв. проанализированы в исследованиях И. Атажукина, Ш. Б. Ногмова, С. Хан-Гирея, В. Н. Кудашева, Б. Б. Шарданова и других представителей адыгской интеллектуальной элиты¹². Указанные авторы, сосредотачивая свое внимание на разных аспектах российско-адыгского исторического взаимодействия, единодушно подчеркивали судьбоносную важность внешнеполитической ориентации адыгов на Московское государство в 1550-х годах. Попытки установления союзнических отношений ады-

гов с Россией стали следствием постоянной военной угрозы со стороны Турции и Крыма, а также непрерывной междоусобной борьбы местных феодалов за власть над Кабардой.

Ш. Б. Ногмов проанализировал политическую деятельность князя Темрюка Идарова и пришел к выводу, что именно благодаря его усилиям в 1557 г. было достигнуто союзническое соглашение между Кабардой и Московским государством¹³.

Согласно Хан-Гирею, по условиям Кючук-Кайнарджийского договора 1774 г. Кабарда была наделена статусом подданной России¹⁴. Но окончательное ее завоевание, по мнению автора, произошло в результате экспедиции генерала А. П. Ермолова, отправленной в Кабарду в 1821 г. с целью «очищения подножья гор от скопища грабителей, производивших набеги на русские границы»¹⁵.

В личном письме и докладной записке подполковника Казы-Гирея наместнику Кавказа М. С. Воронцову 1846 г. были озвучены предложения, направленные на развитие региона, а также подчеркивалось, что только «из пользы России может истечь благо» для адыгских народов¹⁶. Офицер как человек, «любящий свой родной край», неоднократно призывал к поиску мирных способов завоевания региона, благодаря которым у горцев «ослабится ненависть к русским и родится доверие»¹⁷.

Как полагал В. Н. Кудашев, только помощь и поддержка Москвы в середине XVI в. позволили кабардинцам сохранить суверенитет и «самобытность от притязаний крымских ханов и других соседей»¹⁸. По выражению автора, без российского покровительства Кабарду ждала гибель, и она не достигла бы того «изобилия, в каком находится теперь»¹⁹. Украинский исследователь Н. П. Василенко писал о Кудашеве, как о человеке, горевшем каким-то «не признанным кабардинским патриотизмом», желавшем быть полезным своему народу и способствовать его социально-культурному развитию²⁰, под которым представитель адыгской интеллектуальной элиты подразумевал, с одной стороны, развитие Кабарды «на национальной основе», с другой — всестороннее «приобщение кабардинцев к русской культуре». Подобный двойственный характер мировоззрения был свойственен большинству представителей северокавказской интеллигенции XIX — начала XX века.

Местная интеллектуальная элита подчеркивала необходимость сотрудничества горцев и имперской администрации, призывала к поиску ненасильственных методов в разрешении российско-кавказского противостояния. Б. Б. Шарданов полагал, что при реализации российских планов на Кавказе необходимо учитывать менталитет горских народов, иметь представление об их ценностях и идеалах, и «нельзя ко всем иметь общую мерку»²¹: если «азиат» боится репрессивных мер, то с черкесом дело обстоит иначе. Успешное взаимодействие с черкесом возможно только при условии проявления «любви» и уважения²².

Представители осетинской интеллигенции также выступали против применения военных методов «покорения» региона. К. Л. Хетагуров подчеркивал, что методы и способы осуществления российской политики на Кавказе не способствуют успешной и гармоничной интеграции горских обществ в состав России, а лишь препятствуют данному процессу и «ведут к совершенно противоположным результатам»²³. Глав-

ную причину долгого «неповиновения» горских народов имперским властям Хетагуров видел в стремлении сохранить свою национальную самобытность²⁴. Начало XIX в., по мнению автора, стало периодом окончательного присоединения осетин к России²⁵, ставшего результатом их военных столкновений с правительственными войсками.

По мнению А. А. Гассиева, основной «долг» России на Кавказе заключается в том, чтобы направить «богатые нравственные и умственные силы горцев» на создание «мирной человеческой гражданственности»²⁶.

Совокупность боевых действий в 1801—1864 гг. А. Т. Цаликов²⁷ определял как Черкесскую войну²⁸, которая «изгнала и уничтожила горцев, в корень разрушила их культуру»²⁹. Демонстрируя смену тактических и стратегических мероприятий России по завоеванию Северного Кавказа, автор пишет, что поначалу «русские ограничивались продвижением вперед оборонительной линии, время от времени совершая экспедиции для “наказания” горцев»³⁰, а в 1830-х гг. «эта система “репрезалий” была остановлена и уступила место планомерному движению русских войск с проложением дорог, прорубкой просек и одновременным колонизованием закубанского края»³¹.

Одни из первых исследователей балкарской истории — М. К. Абаев и В. Н. Кудашев — датируют интеграцию Балкарии в состав России 1827 г., когда представители горских таубиев прибыли в Ставрополь к командующему российскими войсками генерал-лейтенанту Эммануэлю с просьбой о принятии их в российское подданство³². Важным фактором, повлиявшим на осуществление данного политического соглашения, авторы признают присоединение Грузии к России в начале XIX века³³.

Как утверждает Кудашев, отношения пяти балкарских обществ с соседями носили то мирный, то враждебный характер. С кабардинцами, по словам автора, приходилось вести долгую и упорную борьбу, и исключительно благодаря природным условиям и единству балкарцев им удалось сохранить свой суверенитет³⁴. Поэтому, подчеркивает Абаев, когда стало известно о присоединении Грузии к России, балкарцы отправили к главнокомандующему российской армией в регионе делегацию из представителей от каждой таубиевской фамилии³⁵. Главнокомандующий принял представителей горских племен «и донес на высочайшее имя, что “старшины” народов Малкар (Балкар), Безенги, Хулам, Чегем и Баксан (Урусбий)» готовы принять присягу и вступить в подданство России. При этом таубии выдвинули ряд условий, в числе которых — сохранение их сословного статуса, имущественных прав, а также религиозной и правовой системы Балкарии. Как сообщает автор, «государь повелел принять это подданство», что означало фактическое вхождение балкарцев в состав Российской империи³⁶.

Абаев также анализирует политико-правовой статус Балкарии после ее присоединения к России и подчеркивает, что «во внутреннем управлении» балкарских обществ долгое время никаких изменений не происходило, они по-прежнему управлялись своими князьями, и «народ жил мирно, исполняя требования русского правительства»³⁷. Исследование Абаева представляет собой первую попытку освещения истории

балкарского народа в отечественной историографии. В нем наиболее полно освещена проблема вхождения Балкарии в состав России.

Ингушский историк Ч.Э. Ахриев³⁸ полагал, что благодаря установлению российской системы управления в регионе ингуши оказались в «весьма благоприятных условиях относительно своего нравственно-прогрессивного развития», результатом чего стало их постепенное приобщение к «цивилизации и гражданственности»³⁹. Как проявление «дикости» и «невежества» характеризует Ахриев Назрановское восстание 1858 г. против осуществляемых правительством общественных преобразований и призывает своих соплеменников выйти «за пределы узкой, патриархальной жизни»⁴⁰.

Чеченский автор У.Л. Лаудаев «усиление» России на Северном Кавказе связывал с политикой Петра I, которому горские племена «изъявляли свою покорность»⁴¹. Российские власти, по словам автора, «позволили чеченцам занять плоскость» на определенных условиях, к главным из которых относится признание вайнахами своей «покорности русскому царю», или «падишаху», «ответственность за хищничество» и др.⁴²

Исследователь подчеркивает сложный характер российско-вайнахских отношений и заявляет, что чеченцы, завладев плоскостными землями, утверждают на ней, а затем «выходят из покорности», девальвируя тем самым любые соглашения. В результате разворачиваются «взаимные неприязненные действия»: российские войска в очередной раз «тревожат чеченцев», осуществляют набеги на Большую и Малую Чечню и требуют «покорности русскому царю за дарованную землю»⁴³. Чеченцы, в свою очередь, не признают имперской власти, что приводит к длительному российско-горскому военному противостоянию⁴⁴.

Таким образом, общественно-политическая и творческая деятельность представителей северокавказской интеллектуальной элиты XIX — начала XX в. осуществлялась в сложный период политической, социально-экономической и культурной интеграции региона в состав Российского государства, модернизации и ломки традиционного уклада жизни горских обществ. Их взгляды формировались и развивались под воздействием российской философской и общественно-политической мысли, что определило особый характер мировоззрения представителей горской интеллигенции, специфика которого заключалась в его двойственности: убежденность в исторической обусловленности вхождения народов Северного Кавказа в состав России сочеталась с желанием и стремлением сохранить культурную самобытность своего этноса и обеспечить его дальнейшее развитие.

Северокавказская интеллектуальная элита XIX — начала XX в. выполняла посредническую функцию во взаимодействии имперской власти с региональными этническими группами. Она призывала российское правительство в процессе реализации своей политики в регионе принимать во внимание менталитет горцев, их психологию и культуру, использовать мирные компромиссные способы решения российско-кавказского военного конфликта, обосновывала предпочтительность сотрудничества насильственной политике имперских властей.

Модернизация традиционных этнических обществ в ходе интеграции в состав России воспринималась авторами как процесс, необходи-

мый для дальнейшего успешного развития северокавказских народов, преобразования горского быта на прогрессивных европейских началах. Важным инструментом достижения указанной цели представители северокавказской интеллектуальной элиты признавали просветительскую деятельность в регионе и рассматривали образование как необходимый фактор трансформации горских обществ на новых прогрессивных началах.

Примечания

1. ТОТОВЕВ М.С. Очерки истории культуры и общественной мысли в Северной Осетии в пореформенный период. Орджоникидзе. 1957; ЦХОВРЕБОВ З.П. Развитие общественно-политической и философской мысли Осетии. М. 1977.
2. КУМЫКОВ Т.Х. Хан-Гирей. Нальчик 1968; ЕГО ЖЕ. Кази Атажукин. Нальчик. 1969; ХАШХОЖЕВА Р.Х. Адыгские просветители второй половины XIX — начала XX в. Нальчик. 1983.
3. ЯНДАРОВ А.Д. Ингушский просветитель Чах Ахриев (1850—1914 гг.). Грозный. 1968.
4. АЗАМАТОВ К.Г., ХУТУЕВ Х.И. Мисост Абаев. Общественно-политические взгляды. Нальчик. 1980.
5. Карачаево-балкарские деятели культуры конца XIX — начала XX в. Т. 1—2. Нальчик. 1996; АЙЛАРОВА С.А. Общественная мысль народов Северного Кавказа в XIX веке: культурно-исторические проблемы модернизации. Владикавказ. 2003; ЕМТЬЛЬ З.Я. Адыгская интеллигенция: история становления и общественная деятельность. Краснодар. 2004; НАГОЕВ М.Б. Общественно-политическая мысль адыгов в первой половине XIX в.: исследования и материалы. Нальчик. 2007.
6. ЕМТЬЛЬ З.Я. Ук. соч., с. 122.
7. КОНОВАЛОВ А.А. АХМЕТОВА М.Х., ШОРОВА М.Б. Адыгское просветительство первой половины XIX века: на перекрестке культур. — Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов. 2017, № 6, ч. 1, с. 80.
8. АЙЛАРОВА С.А. Ук. соч., с. 31.
9. ЕЕ ЖЕ. Проблема взаимодействия модернизирующих реформ и этнической культуры в творчестве Чаха Ахриева. — История и философия культуры: актуальные проблемы. Владикавказ. 2003, вып. 6. URL: <http://svarkhipov.narod.ru/vip/aila.htm>.
10. ЕЕ ЖЕ. Культурное пограничье как проблема северокавказской общественной мысли XIX века. В кн.: Культурная политика России на Кавказе как фактор утверждения российской государственности и общероссийской идентичности: Материалы научного семинара. Владикавказ. 2016, с. 8—9.
11. КОШЕВ М.А. Люди, события, факты истории народов Северного Кавказа в очерках, иллюстрациях и документах (конец XIX—XX век). Майкоп. 1999, с. 96.
12. АТАЖУКИН ИЗ. Краткое описание жителей горских Черкес; Записка о жителях Кавказа Большой и Малой Кабарды. В кн.: ДЗАМИХОВ К.Ф. Адыги: вехи истории. Нальчик. 1994, с. 72—102; НОГМОВ Ш.Б. История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев. Нальчик. 1994. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XVIII/1700—1720/Nogmov/text3.htm>; ХАН-ГИРЕЙ. Записки о Черкесии. Нальчик. 2008; КУДАШЕВ В.Н. Исторические сведения о кабардинском народе. Нальчик. 1991; ШАРДАНОВ Б. Забытый народ. — Кубань. Екатеринодар. 1906, № 76, с. 10.
13. НОГМОВ Ш.Б. История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев.
14. ХАН-ГИРЕЙ. Ук. соч., с. 191.
15. Там же, с. 192.
16. Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской Республики (ЦГА КБР), ф. Р-1209, оп. 14 доп., д. 8, л. 2.
17. Там же, л. 6.
18. КУДАШЕВ В.Н. Ук. соч., с. 46.
19. Там же, с. 62.

20. ЦГА КБР, ф. Р-1209, оп. 12, д. 12, л. 7.
21. ШАРДАНОВ Б. Ук. соч., с. 10.
22. Там же.
23. ХЕТАГУРОВ К.Л. Неурядицы Северного Кавказа. — Санкт-Петербургские ведомости, № 82, 112, 129 от 25 марта, 27 апреля, 11 мая 1899 г. URL: http://hetagurov.ru/tvorchestvo/proza/publicistika/Neuriadicy_Severnogo_Kavkaza.htm.
24. Там же.
25. ХЕТАГУРОВ К.Л. Собрание сочинений. Т. 3. Дзауджикау. 1951, с. 517.
26. ГАССИЕВ А.А. По части книжных древностей. — Кавказ. 1873, № 36.
27. ЦАЛИКОВ А.Т. Избранное. Владикавказ. 2002; ЕГО ЖЕ. Кавказ и Поволжье. Очерки инородческой политики и культурно-хозяйственного быта. Нальчик. 2014.
28. ЦАЛИКОВ А.Т. Избранное, с. 95.
29. Там же, с. 106.
30. Там же, с. 95—96.
31. Там же.
32. КУДАШЕВ В.Н. Ук. соч., с. 158.
33. АБАЕВ М.К. Балкария: Исторический очерк. Нальчик. 1992, с. 22; КУДАШЕВ В.Н. Ук. соч. с. 158.
34. КУДАШЕВ В.Н. Ук. соч., с. 157.
35. АБАЕВ М.К. Ук. соч., с. 22.
36. Там же.
37. Там же.
38. АХРИЕВ Ч.Э. О характере ингушей. — Терские ведомости. 1871, № 30; ЕГО ЖЕ. Этнографический очерк ингушевского народа с приложением его сказок и преданий. — Терские ведомости. 1872, № 32.
39. ЕГО ЖЕ. Этнографический очерк ингушевского народа...
40. ЕГО ЖЕ. О характере ингушей.
41. ЛАУДАЕВ У. Чеченское племя. В кн.: Сб. сведений о кавказских горцах. Тифлис. 1872, вып. VI. URL: <http://oldcancer.narod.ru/caucasus/Laudaev.htm>.
42. Там же.
43. Там же.
44. Там же.

Традиционный костюм ногайских женщин Северного Кавказа XIX — начала XX в.

3.3. Кузеева

Аннотация. Настоящая публикация посвящена изучению традиционной одежды и головных уборов ногайских женщин, семантика которых на сегодняшний день с ростом религиозного самосознания подвергается «перекодировке» под исламские догмы и представляется современному обществу в качестве примера для демонстрации шариатских предписаний в культуре женской одежды. Исследование привело к выводу, что, несмотря на происходившие в прошлом социальные и исторические процессы в обществе, традиционный костюм ногайских женщин сохранял в себе заложенную с языческих времен символическую основу.

Ключевые слова: ногайцы, Северный Кавказ, традиционный женский костюм, семантика.

Abstract. This publication is devoted to the semantic interpretation of the attributes of the costume of Nogai women, the semantics of which with the growth of religious identity was revised in accordance with the principles of Islamic traditions and presented to modern society as an example of demonstrating the rules of Shari'a in the culture of women's clothing. The study of semantics led to the conclusion that, despite the social and historical processes taking place in society, the traditional female costume of the Nogai people retained a symbolic basis, founded in pagan times.

Key words: Nogais, Northern Caucasus, traditional female costume, semantics.

Эстетическое и философское восприятие человеком своего тела и окружающего пространства является одним из наиболее ранних культурных концептов. Пройдя определенные эволюционные этапы развития в формировании целостной картины мира, через использование художественных символических форм путем украшения, укрывания тела, начиная от примитивных изделий до сложных вещей, человек достиг совершенства в передаче знаковых элементов в создаваемом образе, костюме.

Представляя собой первую материальную оболочку человека, костюм во все времена служил так называемым социокодом, содержащим в себе информацию о носителе (гендерная, возрастная, этническая и родовая принадлежность), среде проживания, социальном статусе, роде деятельности, духовных воззрениях. Изучение семантики традиционного

Кузеева Зухра Залимхановна — младший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН. Махачкала. E-mail: kuzeeva-zuhra@mail.ru.

Kuzeeva Zukhra Z. — junior researcher at the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Scientific Center RAS. Makhachkala. E-mail: kuzeeva-zuhra@mail.ru.

костюма дает большую возможность для понимания глубинных структур человеческого сознания, способствует определению этнокультурной и религиозной идентификации, позволяет максимально точно воспроизвести историко-культурные процессы развития общества.

В задачи данного исследования входит анализ определенных атрибутов женского костюма у ногайцев. Это основные виды одежды и головной убор. Чтобы доказать правомерность выдвигаемых требований для ношения хиджаба молодыми девушками и женщинами в условиях современности, некоторые ярые сторонники ислама приводят не совсем обоснованные доводы о том, что традиционная одежда ногайцев, как и других мусульманских народов Северного Кавказа, Средней Азии и Казахстана, является прямым свидетельством соблюдения нашими предшественникам шариатских норм в укрывании тела (аврат) ¹.

Несмотря на то, что с самого начала своего формирования как единой нации (XV в.) ногайцы вступили на историческую арену уже сложившимся мусульманским обществом ², становление ногайского костюмного комплекса происходило в контексте иных традиций, отличных от исламских предписаний. Ногайский женский костюм был совокупностью разнородных этнических компонентов, сформированных еще задолго до образования Ногайской Орды. Как известно, этнический пласт ногайцев состоит из древних кочевых тюркоязычных племен и родов, живших на обширной территории евразийских степей ³. Каждый из них имел свое представление картины мира, что непосредственным образом отражалось на костюмах.

Раннее проникновение ислама в евразийские степи (X—XII вв.) хоть и накладывало свой отпечаток на культуру кочевников, однако тотальных преобразований в их верованиях, этических и эстетических ценностях, сложенных под нормы распространяющейся монотеистической религии, не было. Коранический императив смешивался с канонами языческих представлений и, тем самым, возникал синкретизм в религии и культуре, где новое чаще подстраивалось под старое. Даже в эпоху окончательной исламизации степных народов (эпоха чингизидских государств) активно насаждаемые феодальной верхушкой религиозные догмы ислама находились в тесной гармоничной взаимосвязи с глубоко укоренившимися языческими устоями.

То же самое продолжалось и в Ногайской Орде. По словам А. А. Ярлыкапова, исламизация ногайцев проявила себя «не как единовременный акт перехода их от веры в прежних божеств к... пяти столпам новой религии, а как сложный процесс смены духовных ориентиров, который привел к глубоким изменениям в их культуре. Они не сводились к механическому вытеснению старого; многое из прежних представлений перерабатывалось под воздействием новых понятий и находило свое место в новой системе верований» ⁴.

Женский костюм ногайцев, пройдя определенные этапы исторического развития, к периоду XVIII — началу XIX в. приобрел практически все основные традиционные элементы, сохранившиеся вплоть до XX века. Как справедливо пишет З. У. Махмудова о традиционном костюме, применительно ко всем регионам нашей страны, «в XIX в. он был не столь подвержен внешним влияниям, как в последующее время. Поэтому

изменения в крое, системе украшений и пр. происходили медленно, но это не означает, что их не было вовсе»⁵. То же можно сказать и о ногайском женском костюме. В своей основе он был однотипным для всех районов, что, однако, не исключало присутствия локальных особенностей, вызванных «как местными условиями, так и чересполосным расселением ногайцев...», что вело к воздействию на культуру каждой отдельной этнографической группы ногайцев культур соседних с ними народов»⁶.

Нательная одежда. По крою женская нательная одежда ногайцев мало чем отличалась от мужской и была приспособлена к кочевой жизни: широкое туникообразное платье-рубаша (коыйлек) и не менее широкие штаны (ыстан), сужающиеся книзу⁷ или стягивающиеся шнуром у шиколоток⁸. Подобная одежда шилась из различных тканей — ситца, сукна, шелка, нанки. Качество ткани определялось социальным положением обладательницы, но выбор расцветки всегда зависел от возраста. Женщины среднего и старшего возраста носили платья и штаны светлых или темных тонов, тогда как девушки и молодые женщины отдавали предпочтение ярким цветам — красному, малиновому, желтому. «Красный цвет доминировал в свадебной обрядности и служил у разных народов символом любви, девственности, брака, брачной ночи»⁹.

Помимо цветовой символики, которая уже на расстоянии могла дать необходимую информацию о статусе носительницы, нательная одежда обладала и рядом других знаковых функций, скрытых от внешнего восприятия. В представлениях ногайцев нательная одежда, соприкасаясь с телом, впитывала в себя все хорошее и плохое, что происходило в жизни у владельца. По их мнению, она являлась главным проводником между человеком и «миром духов», могла легко передавать от прежнего носителя к новому здоровье и болезнь, богатство и бедность и т.д. Например, после сорока дней от рождения ребенка, его первую рубашку надевали на собаку и отпускали животное, сказав при этом: пусть выйдет все плохое из ребенка. Если женщина долго и тяжело болела, ее нательную одежду погребали в одной могиле вместе с умершим близким человеком со словами: пусть болезнь превратится в землю.

Если девочка рождалась похожей на свою мать, то платье матери перекраивалось, и из него шили одежду для дочери. Таким способом ногайцы, якобы искажая действительность, «вводили в заблуждение потусторонние силы», чтобы уберечь дочь от возможной беды. У ногайцев внешнее сходство матери и дочери, отца и сына считалось неблагоприятным знаком. По их представлениям один из них мог отнять здоровье и силы у другого.

Платье-рубашки как самостоятельный вид будничной одежды, без надетой сверху безрукавки и/или бешмета, могли носить исключительно женщины среднего и старшего возраста и только в домашней обстановке, обязательно подпоясывая «узким вязаным поясом или платком, сложенным по диагонали»¹⁰. Девушки и молодые женщины всегда были одеты во все свои одежды, обычай не допускал, чтобы они ходили в одной рубашке¹¹.

Верхняя распашная одежда. Основным видом верхней распашной одежды был бешмет (каптал). Для всех возрастных групп и слоев населения он имел единый фасон и был сходен по крою с мужским бешме-

том. Он шился в талию, на подкладке, с расширяющимися книзу шестью клиньями. Бешмет имел прямые вшивные длинные рукава с разрезом в нижней части и воротник-стойку. Шили его из шелка, сукна или атласа ¹². Цвет, как и для нательной одежды, подбирался в зависимости от возраста женщины: пожилые носили бешмет из темных тканей, тогда как молодым положены были яркие расцветки. Наиболее предпочтительными цветами считались фиолетовый, зеленый, красный.

Каптал девушки и молодой замужней женщины, еще не ставшей матерью, от самой шеи до пояса наглухо застегивался, плотно облекая грудь, что делало ее плоской. По мнению С.Ш. Гаджиевой, последнее, очевидно «так же как и у многих других народов Востока, считалось одним из главных признаков женской стройности и красоты» ¹³. Таким образом, с одной стороны, девушку наряжали в яркий, богато украшенный костюм, что привлекало к ней внимание окружающих, с другой, — наряд одновременно служил своего рода барьером, охранявшим от негатива, сглаза или порчи.

Для женщин среднего и старшего возраста, а также кормящих молодых матерей строгих правил не было, они продолжали носить нагрудные украшения вплоть до самой старости. На фотографиях конца XIX — начала XX в. практически у всех женщин бешмет на груди расстегнут и из-под него виднеется нательная рубаха ¹⁴.

Явный акцент на трансформации костюма ногайской женщины после рождения ребенка, дает основание полагать, что став матерью, она переходила в другую ипостась в социальной иерархии, освобождающей ее в той или иной степени от традиционных «запретов». Не исключено, что в прошлом у ногайцев или их предков мать могла представлять собой земное воплощение женского божества, образ которого транслировался через костюмные модификации.

В культуре кочевников евразийских степей, сыгравших большую роль в этногенезе ногайцев, на каменных изваяниях (середина XI — 40-е гг. XIII вв.) встречаются женские фигуры ¹⁵. Среди этих скульптур есть уникальная статуя женщины с ребенком. Вот как описала ее С.А. Плетнёва: «Женщина изображена с подчеркнутыми признаками пола. К груди у нее приник младенец, вероятно долженствующий означать “продолжателя рода”. Однако ребенок не мальчик, как следовало бы ожидать, исходя из данных о патриархальности половецкого общества, а девочка. Статуя, очевидно, символизирует образ женщины, дающей силы женщине же — непосредственной продолжательнице рода» ¹⁶. Как известно, подобные статуи изначально являлись объектом почитания мертвых предков, изображали конкретного человека, были его заместителем, двойником ¹⁷. Однако впоследствии, как отмечал Г.А. Фёдоров-Давыдов, каменные скульптуры становились культом всеобщего божественного поклонения: «Поздние каменные изваяния у половцев воспринимаются в какой-то мере как изображения божества, особенно женские. Их можно связывать с общетюркской богиней Умай» ¹⁸.

В обрядовой практике ногайцев «открытость» в костюме и обнажение частей тела имели абсолютно противоположные по ритуальным действиям значения. Если некая свобода в костюме, смена одних вещей на другие после рождения ребенка негласно подчеркивали переход женщи-

ны в статус материнства, то полное снятие убранства, распускание волос, оголение рук и ног вне зависимости от возраста и положения женщины характеризовали состояние скорби по умершему близкому человеку.

Исконно «открытость» в женском костюме, по всей вероятности, символизировала то, что мать уже сама могла оградить себя и свое потомство от внешних негативных факторов. Интересно отметить, что у некоторых тюркоязычных шаманистских народов Саяно-Алтая и мусульманских народов Средней Азии (киргизы, узбеки) существовало представление о том, что с рождением ребенка появляется Умай — богиня-мать, покровительница детей (по некоторым представлениям — душа самого ребенка), которая охраняет младенца до того, как ребенок начнет ходить и свободно говорить¹⁹. У кумандинцев даже есть поверье, что Умай появляется еще в утробе матери вместе с зарождением ребенка и оберегает дитя после рождения и далее в течение всей его жизни²⁰. В этих языческих представлениях культа Умай прослеживается «очевидная связь рождения ребенка с материнским началом. Это следует и из того, что слово умай означает еще “чрево матери, послед, пуповину”»²¹. Хотя в ногайской мифологии образ богини Умай не имеет столь устойчивого значения, как у других современных тюркоязычных народов, и на сегодняшний день у ногайцев сохранились лишь «смутные воспоминания об олицетворявшей женское начало тюркской богине плодородия»²², символ божественной матери в разных ипостасях так или иначе проявляется в их фольклоре²³.

Одним из образов в культуре ногайцев, в котором угадываются многие черты божества Умай, является демоническая фигура Албаслы. По преданиям, «Албаслы представлялась в виде женщины огромного роста, с густыми распущенными волосами и с большой обвислой грудью»²⁴. По некоторым представлениям, у нее были мужья и дети. Детей она носила на спине²⁵. «Албаслы была очень злой, жестокой и душила свои жертвы; особенно безжалостна была она к роженицам»²⁶.

Между тем еще в начале нашего столетия в предгорьях Туркестанского хребта сохранялась вера в то, что Албасты необходима при родах, поскольку «без ее присутствия ребенок не может родиться»²⁷.

Типологическое родство Албасты и Богини Умай характеризуется еще и неоднозначностью образа Умай: она не только санкционировала рождение живого, но являясь полновластной хозяйкой жизни, могла как давать жизнь, так и отбирать ее²⁸. Важно отметить, что в древнетюркской мифологии Албаслы/Албасты была проводником в иной мир: «Почти у всех народов албасты приносит к реке (арыку и т.д.) печень или иные жизненно важные органы человека и погружает их в воду, в результате чего наступает смерть. Здесь ясно отражено древнее представление о реке как о границе двух миров. Выполаскивая внутренности в воде, албасты выпускает в воду кровь жертвы, а кровь в архаических представлениях олицетворяет собой душу»²⁹.

Архетип Албаслы, проводника между обоими мирами, отчетливо проявляется в состоянии и облике скорбящей женщины во время похоронно-поминального обряда, проводящей ритуал оплакивания и причитания по умершему, который сопровождался нарушением целостности одеяний женщины, обнажением некоторых частей тела, расплетанием волос, самоистязанием. К примеру, в «Московском телеграфе» за 1829 г.

есть описание похорон князя мангытовских ногойцев Измаила Алиева, в котором достаточно информативно иллюстрируется ритуал по случаю смерти: «Измаилова жена, сестра и другие женщины были тут, с распущенными на лица волосами, так, что у некоторых волосы закрывали совсем лицо, как будто покрывалом, в странных каких-то епанчах, с обнаженными руками и босыми ногами. Вся эта многочисленная толпа, ставши в кружок около Измаиловых лошадей, обращалась против течения солнца, плакала, кричала, вопила, драла волосы, царапала себе лица и била в ладоши»³⁰. Обряд по случаю смерти близкого человека, сопровождавшийся вышеперечисленными действиями, был известен древним тюркским племенам³¹. Также данный ритуал зафиксирован этнографами и у современных тюркоязычных народов³².

Двойственность функций божества Умай/Албаслы (добрый дух, хранитель новорожденных, и дух, который забирает душу умирающего) олицетворяла собой идею единства жизни и смерти, семиотическая структура которой негласно проявлялась в трансформациях костюма ногойской женщины. Здесь хотелось бы подчеркнуть, что костюмные модификации во время похоронно-поминального обряда хоть и были краткосрочным переходным явлением, потому как впоследствии женщина возвращалась к обычному одеянию, наиболее ярко характеризовали сохранившиеся основы языческих верований.

Головные уборы. Пережитки первобытных традиций присутствовали и в убранстве костюма, в котором одной из важных составляющих являлся головной убор. Смена убора в строго обозначенные жизненные периоды (девичество, замужество, беременность, материнство, зрелость), как и происходившие изменения в одежде, символизировала этапы формирования и становления личности женщины.

Не углубляясь в многообразие форм и расцветок головных уборов, отдельные из которых были всего лишь результатом модных тенденций своего времени и свидетельством достатка обладательницы, стоит выделить из них основные виды, которые наиболее ярко характеризовали периоды возрастной стратификации и статуса женщины: девичий убор — шапочка (такыя); убор невесты и молодых замужних женщин до рождения детей — шапочка (теке боьрк); женский убор — платок (тастар); убор всех возрастных и социальных групп — шапочка (силяуш). Каждый из этих головных уборов, помимо знаковой символики, регламентирующей этапы инициации «женского посвящения», был наделен магическим содержанием.

Девичья такыя представляла собой неглубокую шапочку полусферической формы из яркой плотной ткани, как правило, красной. По некоторым данным, она оторачивалась мехом³³. «Возможно, что «такыя» называлась сама матерчатая тулья шапочки, а опушка из меха была характерна для более древнего вида данного головного убора, который со временем претерпел некоторые изменения». Девушки надевали шапочку на гладко причесанные на прямой пробор и заплетенные в две косы волосы, в которые вплетались шашбау из длинных и широких полос материи. Челка и косы оставались непокрытыми.

Не до конца определенным убором является шапочка невесты и молодой замужней женщины теке боьрк (в пер. с ног. — козел-шапка). О нем

можно судить лишь по отрывочным сведениям информаторов и литературным данным, приведенным С.Ш. Гаджиевой. К сожалению, напечатанная в ее монографии «Материальная культура ногайцев в XXI—XX вв.» фотография девушки с высоким головным убором³⁴, по мнению автора, являющимся теке боьрк, скорее всего не является снимком ногайки. Похожий снимок, но с изображением рядом стоящей девочки, хранится в коллекции фотографий из Кавказских собраний Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН³⁵. Однако, скорее всего, на фотографии, так же как и на снимке из монографии, изображены не ногайские женщины в традиционных костюмах, как указано в подписи к фото, а, возможно, казашки. Об этом свидетельствует одежда девочки халатообразного покроя, изготовленная из бухарской ткани адрас, которая была широко распространена у народов Средней Азии и Казахстана, и ее прическа, состоящая из мелких косичек, не характерная для ногайских девушек. К тому же головной убор невесты на фотографии практически тождествен убору казахской невесты³⁶. Поэтому воссоздать сегодня близкий к описанию вид теке боьрк представляется сложным.

По некоторым источникам, теке боьрк вышел из употребления в середине XIX — начале XX века. «Эта шапочка состояла из конусообразного каркаса, сделанного из древесной коры, картона или холста, высотой до 50—60 см, обтянутого сверху красным, бордовым, синим бархатом или сукном, с двумя спускающимися от висков до груди широкими лентами на подкладке. Вышивали шапочку гладью или традиционным способом, золотыми, серебряными нитками, а в ряде случаев украшали аппликацией. Наиболее распространенным мотивом традиционного орнамента на этом уборе является изображение стилизованных голов или рогов животных, особенно коз»³⁷.

Высокий каркасный головной убор встречался в культуре многих народов³⁸. Представляя собой символ мироздания, подобный убор нес в себе элементы ранних культур. Высокий женский убор с аппликациями и навершием, был найден в ходе раскопок кургана пазырыкской культуры на могильнике Ханкаринский Дол на Северо-Западном Алтае³⁹. Что примечательно, в состав украшений данного головного убора входили зооморфные образы. Это парные и одиночные изображения голов баранов, оленя, грифона⁴⁰. Вершину убора венчал деревянный олень с рогами горного козла, обернутый золотой фольгой⁴¹. «Украшением верхней части убора, кроме оленя могли служить изображения птицы, ко́ня-козерога, которые являлись основными персонажами верхней ступени пазырыкского мифологического пантеона». По мнению Н.В. Полосьмак, «олень и конь с рогами козерога выступали в качестве универсальных символов Солнца и Верхнего мира»⁴². Название ногайского головного убора, зооморфные вышитые или аппликативные элементы в виде рогов козла или барана, говорят о допустимом родстве теке боьрк с пазырыкским головным убором.

Смысловое значение орнамента на головном уборе теке боьрк весьма противоречиво. По предположениям некоторых авторов, узор в виде стилизованных рогов был «отражением древнего культа животных»⁴³. Самым распространенным был кошкар муьйиз (бараньи рога). Имитация рогов барана и козла носила магическую символику. Использование в качестве сакральных элементов серебряных позолоченных пластинок

в форме рогов на высоких головных уборах невест существовало и у каракалпаков⁴⁴. Детали, символизирующие рога барана, присутствовали и в костюме кочевников, живших к северу от Кубани и Терека в X—XIII веках. В половецких каменных изваяниях основной частью головного убора были «рога», сделанные из серебряных колец, нашитых на войлочные валики⁴⁵.

В приведенном примере о пазырыкском головном уборе изображения одиночных и парных голов барана были частью общей композиции, которую исследователи определили как символ «древа жизни», «состоящего из трех неотъемлемых компонентов — кроны, ствола и корней, которые отражают идею зачатия и плодородия. Жизнь начинается от корней дерева идущих вверх и переходящих в ствол дерева, вершину которого венчает фигурка копытного животного. По обе стороны от ствола симметрично располагаются парные и одиночные композиции в виде горных баранов — представителей среднего мира»⁴⁶. По мнению авторов статьи о пазырыкском головном уборе, мифологические представления, отраженные в головных уборах носителей пазырыкской культуры, вероятно, восходят к индоиранским истокам⁴⁷. Интересно отметить, что при определении символики орнамента бараньи рога, Е.Р. Шнейдером была выдвинута версия, согласно которой рогообразные элементы связывались с изображением «древа жизни», заимствованным тюркскими кочевниками из домусульманского иранского искусства⁴⁸.

На сегодняшний день существует и совершенно иная трактовка данного орнамента. Казахский исследователь Кашгали улы Алибек считает, что орнаментальные элементы типа рогов барана «возникли не в результате подражания человека природе, но представляют собой культурный код кочевников, шифрующих в условиях запрета исламом антропоморфных изображений древнейший архетип Великой Матери “Улы Анна”»⁴⁹. Орнамент, прежде всего, олицетворяет «человеческую фигуру и лишь в переносном смысле может обозначать бараньи рога, поскольку изображение орнаментального элемента “кошкар муйиз” в синхроническом ракурсе обзора, то есть в том виде, как это показано на рисунке, имеет целью обозначение героя, находящегося в чреве матери — “горы-прародительницы”»⁵⁰.

Но с учетом описания пазырыкского головного убора, относящегося к культуре VI—XII вв. до н.э., на котором ярко продемонстрированы зооморфные элементы в виде голов барана, рогов козла и т.д., невозможно утверждать, что во всех случаях бараньи рога могли являться лишь стилизованной антропоморфной фигурой. Тем не менее, данная версия весьма любопытна и требует особого внимания, поскольку связь с роговидными узорами (оплодотворяющим началом, зарождением новой жизни) и материнством (плодовитостью) вполне очевидна: девушка надевала теке боьрк в статусе невесты и снимала его только после рождения первого ребенка. Вполне вероятно, что здесь прослеживается культ Богини-Матери, Богини Умай.

Сразу же после свадьбы молодая женщина прятала под головным убором волосы и накидывала сверху большой широкий белый платок (тастар), который перекрестив, завязывала сзади. Покрывание волос, лба и висков (с помощью шапочки, платка, в некоторых случаях — налоб-

ной повязки бастырман маржан или убора сиялуш), являлось степенью защиты женщины. По этой же причине, выходя за пределы своего дома, незамужние девушки повязывали на голову платок (явлык), как правило, красного цвета, частично прикрывая им лицо.

Иногда незамужние девушки, если в дом приходил посторонний мужчина, набрасывали на голову свой каптал. Данная традиция имеет глубокие корни, аналогии которой существуют у многих среднеазиатских народов. Так, в традиционном костюме каракалпачек, узбечек, туркменок, таджичек имеется специальная накидка-халат, которую использовали во многих ритуальных обрядах, а также носили в повседневной жизни в качестве уличной одежды⁵¹. «Обычай закрывать голову специальными накидками или халатами в определенные моменты жизни — очень давний, распространенный в прошлом довольно широко. В этой связи хочется упомянуть один древнеперсидский, датирующийся ахеменидским временем, барельеф с изображением женщин, едущих на лошадях. На головы этих женщин накинута длинная покрывала (напоминают халаты), целиком скрывающие фигуру. Интересен узорный чепрак из Пазырыка V (V в. до н.э.) с изображением женщин у жертвенника. У одной из них с головы спускается довольно длинная, вышитая по краю накидка»⁵².

Практика утаивания лица применялась у некоторых народов в особые периоды жизни женщины⁵³. «Иногда это явление связывалось с опасным состоянием женщины, способной нанести вред окружающим, или, напротив, со стремлением оградить девушек или женщин от внешних вредных сил. Во всех случаях утаивалась не женская внешность, а скрывались наиболее вероятные места входа и выхода магической силы — рот, ноздри, уши, а также волосы»⁵⁴.

Женщины средних лет и пожилого возраста носили тастар несколько иначе, чем молодые. Накинув на голову квадратное полотно платка, ногайка забрасывала его концы назад через плечи так, что они свободно ниспадали вдоль спины, не запрягивая при этом лицо, шею и уши.

Убор сиялуш шили из разноцветных кусков ситца, сукна, сатина, шелка. К убору с двух сторон пришивали ленты с кисточками на концах, с помощью которых сиялуш завязывался под подбородком или на затылке. В некоторых аулах это был нарядный убор невесты, покрытый различными украшениями. От височной части убора с двух сторон спускались длинные тесемки, серебряные подвески и пластины. В некоторых селениях сиялуш без украшений носили «только пожилые женщины под меховой шапкой»⁵⁵.

Кисти и бахрома на концах височных подвесок и вплетенных в косы лент, несли смысловую нагрузку — представляли собой элементы, содержащие охранительные свойства. Подобную функцию выполняли звенящие подвески к косам, монеты, нашитые на головные уборы. На шапочки девочек и невест нашивалось большое количество изделий, символизирующих солнце.

На сегодняшний день знаковые функции традиционного костюма ногайцев со стороны некоторых приверженцев ислама подменяются мусульманской моралью. Переосмысление характера и назначения таких костюмных элементов как платье, верхняя одежда, платок под исламские догмы и представление их в качестве примера для демонстрации корани-

ческих правил в культуре одежды, поднимают проблему искажения традиционных культурных и религиозных ценностей народа.

Анализ исследования показал, несмотря на то, что «ко времени этнической консолидации (XV в.) ислам среди ногайских племен утвердился уже довольно прочно, оказав огромное влияние на их духовную культуру»⁵⁶, в costume ногайских женщин сохранились все элементы ранних культурных концептов. Обязательное подпоясывание платья, надетого без верхней одежды, или бешмета, кроенного в талию (что подчеркивало женственные линии фигуры); усложнение/упрощение головных уборов в определенные жизненные периоды и т.д. совершенно не соответствовало требованиям Корана, предполагающего полное сокрытие женских форм и лица под свободной одеждой и накидкой, дабы ограничить эротические желания верующих.

Рассмотренные выше элементы костюмного комплекса говорят о том, что традиционный женский костюм ногайцев был одним из наиболее сакрализованных элементов народной культуры и зачастую сохранял в себе заложенную с языческих времен символическую основу. Главным смыслом, которым наделялся женский костюм, было транслирование через вещи ритуальных кодов так называемого обряда «женского посвящения», когда женщина — продолжательница рода — проходила этапы формирования и становления личности девочки-девушки-женщины, соблюдая каноны обрядовых практик. При этом для каждого периода инициации существовал свой общепринятый набор костюмных составляющих. Вера в магические свойства надеваемого изделия естественным образом сказывалось на устойчивости характера семантики костюма.

Исследование трансформации костюма ногайской женщины после рождения ребенка выявило, что в прошлом у ногайцев или их предков женщина-мать могла представлять собой земное воплощение женского божества, образ которого транслировался через костюмные модификации.

Примечания

1. В исламе главное требование, как к мужской, так и к женской одежде — утаивание части тела. Для женщин — закрытие всего тела, кроме овала лица и кистей рук.
2. Сынтаслар — Намогильные стелы Ногайской степи. М. 2016, с. 12.
3. КЕРЕЙТОВ Р.Х. Этническая история ногайцев (к проблеме этногенетических связей ногайцев). Ставрополь. 1999, с. 9.
4. ЯРЛЫКАПОВ А.А. Ислам у степных ногайцев. М. 2008, с. 19.
5. МАХМУДОВА З.У. Урбанистический универсализм и этнические традиции в женском costume народов Дагестана (вторая половина XX — начало XXI в.). — Этнографическое обозрение. 2013, № 1, с. 158.
6. ГАДЖИЕВА С.Ш. Материальная культура ногайцев в XIX — начале XX в. М. 1976, с. 125.
7. Там же, с. 128.
8. МАЛЯВКИН Г. Караногайцы. В кн.: Терский сборник. Вып. 3. Кн. 2. 1893.
9. БОЕВА О.А. Знаковые функции и символы традиционной народной одежды. — Известия ВГПУ. Серия «Социально-экономические науки и искусство», № 3 (57), 2011, с. 54.
10. ГАДЖИЕВА С.Ш. Ук. соч., с. 128.
11. МАЛЯВКИН Г. Ук. соч., с. 151.

12. ГАДЖИЕВА С.Ш. Ук. соч., с. 130—131; КАЛМЫКОВ И.Х., КЕРЕЙТОВ Р.Х., СИКАЛИЕВ А.И. Ногайцы. Историко-этнографический очерк. Черкесск. 1988, с. 127—128.
13. ГАДЖИЕВА С.Ш. Ук. соч., с. 131.
14. Там же, с. 136; КАЛМЫКОВ И.Х., КЕРЕЙТОВ Р.Х., СИКАЛИЕВ А.И. Ук. соч., с. 102.
15. ПЛЕТНЁВА С.А. Половцы. М. 1990, с. 101, 114.
16. Там же, с. 133.
17. ФЁДОРОВ-ДАВЫДОВ Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды. Очерки культуры и искусства народов Евразийских степей и золотоордынских городов. М. 1976, с. 92—93.
18. Там же, с. 93.
19. ПОТАПОВ Л.П. Умай — божество древних тюрков в свете этнографических данных. — Тюркологический сборник. 1972. М. 1973, с. 271.
20. Там же, с. 276.
21. Там же, с. 285.
22. ЗУЛЬПУКАРОВА Э.М., СЕФЕРБЕКОВ Р.И. Из мифологии, фольклора и обрядовой культуры ногайцев: синкретизм традиционных верований и ислама. — Исламоведение. 2016, т. 7, № 3, с. 93.
23. ГИМБАТОВА М.Б. Отражение гендерных отношений в религиозных верованиях тюркоязычных народов Дагестана. — Вестник института ИАЭ. 2015, № 3, с. 127; ЯРЛЫКАПОВ А.А. Ук. соч., с. 64—65.
24. ГИМБАТОВА М.Б. Ук. соч., с. 130.
25. ЯРЛЫКАПОВ А.А. Ук. соч., с. 62.
26. ГИМБАТОВА М.Б. Ук. соч., с. 130.
27. ЯРЛЫКАПОВ А.А. Ук. соч., с. 64—65.
28. ГМЫРЯ Л.Б. Религиозные представления населения прикаспийского Дагестана в IV—XII вв. (По данным письменных источников). Махачкала. 2009, с. 262; ЯРЛЫКАПОВ А.А. Ук. соч., с. 65.
29. ЯРЛЫКАПОВ А.А. Ук. соч., с. 65—66.
30. Измаил Алиев, князь мангытовских ногайцев: (отрывок письма из Прочно-Окопской крепости). — Московский телеграф. 1829, № 12 (ч. 27), с. 446.
31. ГМЫРЯ Л.Б. Ук. соч., с. 448.
32. Там же.
33. КАЛМЫКОВ И.Х., КЕРЕЙТОВ Р.Х., СИКАЛИЕВ А.И. Ук. соч., с. 128.
34. ГАДЖИЕВА С.Ш. Ук. соч., с. 146, илл. 1.
35. Кунсткамера. Коллекции онлайн. Экспонаты. Собрание: Фотоколлекция. Музейный номер: МАЭ № 121—51. URL: <http://collection.kunstkamera.ru/entity/ОБЪЕКТ/66170?query=ногайцы&person=3573889&index=1>.
36. Кунсткамера. Коллекции онлайн. Экспонаты. Собрание: Фотоколлекция. Музейный номер: МАЭ № 255—68; МАЭ № 2519—58; МАЭ № 1199—278; МАЭ № 2874—1. URL: <http://collection.kunstkamera.ru/entity/ОБЪЕКТ?query=саукеле>.
37. ГАДЖИЕВА С.Ш. Ук. соч., с. 145.
38. Народы Средней Азии и Казахстана. Т. II. Народы мира. Этнографические очерки. М. 1963. с. 422; ИВАНОВ С.В., МАХОВА Е.И. Художественная обработка металла. В кн.: Народное декоративно-прикладное искусство киргизов. Труды киргизской археологической экспедиции. Вып. V. М. 1968, с. 118; ШУТОВА Н.И. Женские головные уборы удмуртов XVII — начала XX в. (археолого-этнографические параллели). — Краткие сообщения института археологии, 2008, № 222, с. 219.
39. ДАШКОВСКИЙ П.К., УСОВА И.А. Погребение пазырыкской культуры на могильнике Ханкаринский Дол (Северо-Западный Алтай). — Археология, этнография и антропология Евразии. 2011, № 3 (47), с. 78—84.
40. Там же, с. 82.
41. ДАШКОВСКИЙ П.К., УСОВА И.А. Семантика головных уборов «пазырыкцев» Алтая (по материалам могильника Ханкаринский дол). В кн.: Интеграция археологических и этнографических исследований. Сб. научных трудов. Ч. 1. Казань-Омск. 2010, с. 304.
42. Там же, с. 304.
43. ГАДЖИЕВА С.Ш. Ук. соч., с. 146.

44. БОРОЗНА Н.Г. Некоторые материалы об амулетах — украшениях населения Средней Азии. В кн.: Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М. 1975, с. 282.
45. ПЛЕТНЁВА С.А. Ук. соч., с. 124.
46. ДАШКОВСКИЙ П.К., УСОВА И.А. Семантика головных уборов «пазырыкцев»..., с. 305.
47. Там же.
48. ШНЕЙДЕР Е.Р. Казакская орнаментика. В кн.: Материалы особого комитета по исследованию союзных и автономных республик. Вып. 11. Серия казахстанская. Казаки. Антропологические очерки. Л. 1927, с. 153—157.
49. ЖЕРНОСЕНКО И.А. Особенности иконографии богини Умай в сакральных центрах Алтая. — Ярославский педагогический вестник. 2016, № 1, с. 314.
50. Там же, с. 314.
51. ЛОБАЧЁВА Н.П. К истории среднеазиатского костюма (женские головные накладки-халаты). — Советская этнография. 1965, № 6, с. 34—49.
52. Там же, с. 44.
53. ФРЭЗЕР Д.Д. Золотая ветвь: исследование магии и религии. М. 1983, с. 202; ПРОПП В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л. 1986, с. 42; ДОДЕ З.В. Платок и хиджаб. Папаха и чалма. О национальных и конфессиональных традициях в costume народов Северного Кавказа. — Этнографическое обозрение. 2013, № 4, с. 135.
54. ДОДЕ З.В. Ук. соч., с. 133.
55. ГАДЖИЕВА С.Ш. Ук. соч., с. 149.
56. ЯРЛЫКАПОВ А.А. Ук. соч., с. 24.

УДК 930.25, 94(100)»1914/19», 94(430)(093).

К 100-летию Брест-Литовского договора: зарубежные источники

А. В. Зотова, С. Н. Полторац

Аннотация. В публикации анализируются зарубежные опубликованные и неопубликованные источники по истории мирных переговоров в Брест-Литовске. Авторы отмечают, что за прошедшее столетие в разных странах Европы и в США было опубликовано большое количество сборников документов и мемуарной литературы по этой проблеме. Тем не менее, до сих пор почти не используются документы, хранящиеся в Государственном архиве Австрии, Центральном государственном архиве Болгарии, Государственном военно-историческом архиве Болгарии, Политическом архиве Министерства иностранных дел Германии, Архиве Министерства иностранных дел Турции, Отраслевом государственном архиве Министерства иностранных дел Украины, Центральном государственном архиве высших органов власти и управления Украины. Введение в научный оборот не использованных ранее архивных документов позволит исследовать проблему на качественно новом уровне.

Ключевые слова: первая мировая война, Брест-Литовский мирный договор, советская дипломатия, европейская дипломатия, Четверной союз, источники, архивы.

Abstract. In the publication foreign published and unpublished sources on history of peace negotiations in Brest-Litovsk. The authors note that for the last century in different countries of Europe and in the USA a large number of collections of documents and memoirs on this problem have been published. Nevertheless, documents of archives are still almost unused. Important documents are stored in Austrian State Archive, Central state archive of Bulgaria, The state military-historical archive of Bulgaria, Political Archive Of The Federal Foreign Office of Germany, The Archive of The Ministry of Foreign Affairs of Turkey, The branch state archive of the Ministry of foreign Affairs of Ukraine, The Central state archive of Supreme bodies of power and administration of Ukraine. The introduction of previously unused archival documents into scientific turn will allow to investigate a problem at qualitatively new level.

Key words: World War I, Brest-Lithuanian peace treaty, Soviet diplomacy, European diplomacy, Fourfold union, sources, archives.

Источниковая база мирных переговоров между делегациями РСФСР и стран Четверного союза, прошедших в ноябре 1917 — марте 1918 г. в Брест-Литовске, велика. Она включает материалы периодической печатной

Зотова Анастасия Валерьевна — доктор исторических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: anastasiyazotova@mail.ru; *Полторац Сергей Николаевич* — доктор исторических наук, профессор, главный редактор журнала «Клио». Санкт-Петербург. E-mail: poltorak2006@yandex.ru.

Zotova Anastasiya V. — doctor of historical sciences, associate professor at the St. Petersburg State University. E-mail: anastasiyazotova@mail.ru; *Poltorak Sergey N.* — doctor of historical sciences, editor-in-chief of the journal “Klio”. St. Petersburg. E-mail: poltorak2006@yandex.ru.

ти, опубликованные документы, мемуары, дневники, письма, хранящиеся в архивах разных стран.

Если иностранные источники, вышедшие из печати на русском языке, отечественным историкам знакомы, то зарубежные опубликованные источники, не переведенные на русский язык, и материалы иностранных архивов до сих пор остаются почти неизвестными.

Материалы переговоров в Брест-Литовске издавались за рубежом уже в 1918 году. Среди них — небольшой по объему текст договора между делегациями Четверного союза и делегацией Украинской Народной Республики ¹ и значительно более объемный договор Четверного Союза с Советской Россией ².

Наиболее активная работа по публикации документов из зарубежных стран велась в Германии. Они выходили в свет как в германской столице ³, так и в провинции ⁴. Издавались документы, касавшиеся переговоров в Брест-Литовске, и в столице Австро-Венгерской империи ⁵.

Уникальным, выбивающимся из общего ряда опубликованных источников следует считать издание, вышедшее под грифом «Конфиденциально. Для служебного пользования» в США ⁶. Оно включало в себя большой по объему сборник документов, состоявший из пяти частей. Первая содержала документы общего характера. Вторая была посвящена переговорам делегаций Советской России и Четверного союза. В третьей публиковались документы, касавшиеся переговоров Украины с Германией и Австро-Венгрией. Четвертая и пятая части выходили за рамки событий в Брест-Литовске и относились к переговорам с Румынией и Финляндией. По существу издание представляло собой колоссальный аналитический труд, подготовленный спецслужбами Соединенных Штатов и предназначенный для дипломатов и политиков. Важно подчеркнуть, что сборник документов был составлен и издан государственными структурами США. В центре внимания находились переговоры между Советской Россией и Германией. В настоящее время один из сохранившихся экземпляров труда находится в библиотеке Корнеллского университета (США).

Российские политические деятели, участвовавшие в составе советской делегации в мирных переговорах в Брест-Литовске, а также личность В.И. Ленина очень интересовали не только зарубежных политиков, но и исследователей. В первую очередь это касалось немецких ученых. В 1920 г. в Германии вышла крупная научная работа, в которой анализировалась деятельность советских персоналий, оказавших существенное влияние на переговорный процесс в Брест-Литовске ⁷.

В 1937 г. в Берлине была опубликована монография Т. Крегера, посвященная истории переговоров в Брест-Литовске. Хотя работа представляла собой пример историографического произведения, в ней содержались многочисленные фотографии, сделанные в ходе переговоров и находившиеся в архивах Германии и Австрии. Введение крупного массива архивных фотографий в научный оборот на многие годы обеспечило иллюстративным материалом другие монографии и научные статьи, посвященные исследуемой проблематике ⁸.

Во второй половине 1960-х гг., по мере приближения пятидесятилетия со дня подписания договора, начали осуществляться издательские проекты в разных странах мира, продолжившие публикацию важных

документов. В 1967 г. в Анкаре был издан бюллетень, в котором размещались документы, касавшиеся истории участия Турции в переговорах в Брест-Литовске⁹. В том же году в США были изданы протоколы заседаний в Брест-Литовске, посвященные участию делегации Украинской Центральной Рады в переговорах¹⁰.

Если многие документы, публиковавшиеся в СССР, Турции, США в те годы во многом были повторением уже известных публикаций документов, то в ФРГ в 1971 г. вышел сборник документов, которые прежде не публиковались. Они представляли собой материалы работы Следственного комитета немецкого Национального конституционного собрания и Рейхстага Германии. Их анализ позволял ученым лучше разобраться в истории парламентаризма и политических партий страны¹¹.

Мемуарная литература, касающаяся мирных переговоров в Брест-Литовске, обширна и разнообразна. Первой зарубежной публикацией мемуаров стал двухтомник, подготовленный видным германским полководцем Э. Людендорфом, «Мои воспоминания о войне», который вышел из печати в Берлине в 1919 году¹². Уже в 1923 г. он был переведен на русский язык и издан в СССР под редакцией известного военного историка А. А. Свечина¹³. В последующие годы воспоминания Людендорфа издавались в нашей стране неоднократно, в том числе и в постсоветской России¹⁴.

К числу первых опубликованных мемуаров можно отнести записки французского офицера-дипломата, социалиста по убеждениям Жака Садуля, вышедшие из печати в Париже в 1920 году¹⁵. Автор благосклонно относился к революционным событиям в России. Он состоял в добрых отношениях со многими советскими политиками, в том числе с Лениным и Л. Д. Троцким. Не являясь непосредственным участником переговоров в Брест-Литовске, он, тем не менее, был в курсе многих перипетий тех событий, о чем довольно подробно сообщал на страницах своей книги. Издание представляло и представляет большой интерес. Кроме того Ж. Садуль отличался легкостью изложения материала, образы советских вождей им были представлены ярко и точно. По этой причине его воспоминания неоднократно издавались в нашей стране, в том числе и на излете перестройки¹⁶.

Еще более популярными как в Советской России, так и за рубежом стали воспоминания американского писателя, публициста, журналиста Альберта Рис Вильямса¹⁷. Будучи коммунистом по убеждениям, он вместе с женой встретил Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде, подробно описав свои впечатления о нем и о последующих событиях. Жанр издания, вышедшего в Нью-Йорке в 1921 г., определить сложно. По стилю изложения авторское произведение представляет собой публицистику. По сути — это мемуары, написанные в стиле талантливого репортажа с места событий. А. Р. Вильямс не был в Брест-Литовске в период мирных переговоров, но он не только являлся современником тех событий. В значительной мере под воздействием этих переговоров формировалось его личное отношение к Российской революции. Следствием этого отношения стало желание Вильямса вступить в ряды Красной армии, о чем 1 января 1918 г. он публично заявил в присутствии Ленина. Став организатором одного из первых интернациональных формирова-

ний Красной армии еще до юридического ее рождения, американский журналист фактически оказался одним из первых красноармейцев, готовых защитить Советскую Россию от германского агрессора. В воспоминаниях, которые в дальнейшем многократно переиздавались как в США, так и в других странах, особенно в СССР, немало места уделено сюжетам, связанным с переговорами в Брест-Литовске и их последствиями. К сожалению, эта книга нечасто используется российскими и зарубежными историками в качестве источника. Воспоминания Вильямса с упоминанием переговоров в Брест-Литовске печатались на английском¹⁸ и русском языках¹⁹.

Не был участником переговоров и генерал-фельдмаршал Пауль фон Гинденбург, бывший в этот период начальником Генерального штаба кайзеровской Германии. Видный политик и военный деятель, он не понаслышке знал ситуацию на Восточном фронте, поскольку командовал им с 1914 по 1916 год. К концу первой мировой войны П. Гинденбург уделял больше внимания политическим вопросам, чем военным, являясь безусловным лидером военной партии своей страны. Именно он своим авторитетом во многом влиял на ход и исход переговоров в Брест-Литовске. Оказавшись на короткое время после войны не у дел, он засел за воспоминания, которые стали очень популярны в Германии. В 1922 г. их опубликовали в Советской России²⁰. Они представляли собой одно из первых свидетельств роли большой политики в ведении переговоров в Брест-Литовске. В 1927 г. эти воспоминания под названием «Из моей жизни» были опубликованы в Лейпциге²¹. В 2013 г. они были без сокращений изданы в России. В аннотации к ним указывалось, что воспоминания немецкого генерал-фельдмаршала на русском языке публикуются впервые²², хотя целесообразней было бы сообщить, что в 1922 г. воспоминания на русском языке были изданы в сокращенном виде.

В 1923 г. в СССР из печати вышли мемуары министра иностранных дел Австро-Венгрии графа Оттокара фон Чернина, возглавлявшего делегацию своей страны на переговорах в Брест-Литовске²³. Обращает на себя внимание быстрота перевода воспоминаний политика с немецкого на русский язык. Вероятно, в Советском Союзе руководители разных уровней в то время понимали важность донесения до широкой читательской аудитории правды о ходе переговоров, которую австрийский политик в своих мемуарах не скрывал. Особенно был важен тот фрагмент его воспоминаний, который посвящался закулисным переговорам между делегациями Австро-Венгрии и Украинской Народной Республики, успех которых позволил УНР заявить о себе как о признанном Австро-Венгрией государстве, а руководству монархии спасти за счет поступления продовольствия из Украины свою страну от наступавшего голода.

Воспоминания О. Чернина высоко ценятся историками многих стран, в том числе России, которые часто используют их в своих публикациях. Ссылался на них и Троцкий. При этом он отмечал правдивость воспоминаний австрийского дипломата. Фрагмент мемуаров Чернина, посвященный тем событиям, был опубликован в СССР в 1991 году²⁴.

В 1923 г. в Лондоне вышли из печати мемуары посла Великобритании в России в период первой мировой войны сэра Джорджа Уильяма Бьюкенена²⁵. Уже через год, накануне кончины английского дипломата,

они увидели свет в Советском Союзе²⁶. Его мемуары во многом представляют интерес, поскольку Д. У. Бьюкенен на протяжении значительной части ведения переговоров в Брест-Литовске находился в Петрограде, пытаясь сделать все, чтобы Советское государство отказалось от намерений заключить мирный договор со странами Четверного союза. Его отъезд из РСФСР в январе 1918 г., вероятно, во многом был обусловлен неэффективностью влияния на советское руководство и, в первую очередь, на председателя Совнаркома Ленина.

В библиотеке Гарвардского университета в 1936 г. был создан фонд известного американского писателя и журналиста Джона Рида, активно работавшего в России в самом начале становления советской власти. Среди материалов, хранящихся в фонде, есть два документа, непосредственно относящихся к истории Брест-Литовских мирных переговоров. Кроме того, из предисловия Дж. Рида к первому изданию его книги «Десять дней, которые потрясли мир»²⁷ известно, что он трудился над книгой «От Корнилова до Бреста»²⁸, которую из-за своей кончины в 1920 г. выпустить из печати не успел. Рид предполагал опубликовать серию книг о революции в России. «Десять дней, которые потрясли мир» была первой из этой серии. Предполагалось, что «От Корнилова до Бреста» будет второй.

Одним из наиболее ценных источников представляются мемуары начальника штаба Восточного фронта генерал-майора Макса Гофмана, вышедшие из печати в Советском Союзе в 1925 г.²⁹, а также более позднее издание, появившееся в 1929 году³⁰. Сведениями, почерпнутыми из этих двух источников, часто пользуются русскоязычные и немецкоязычные авторы. Прочитав их, невольно приходится усомниться в оценке этого генерала, данной Троцким, считавшим, что немецкий начальник штаба — образец солдафонства германского пошиба. Документы свидетельствуют о незаурядном уме генерала, о редком сочетании прямолинейности и дипломатической гибкости этого человека. Он обладал огромной волей, житейской мудростью и своеобразным военным юмором, который позволял не теряться в трудную минуту. При этом он умел сохранять деликатность в общении с противниками, а с дамами, в том числе советским делегатом Анастасией Биценко, проявлял галантность и хорошие манеры. И это при том, что Гофман наверняка знал: она, террористка-революционерка, расстрелявшая генерала, правда, российского.

В 1927 г. в Париже на украинском языке был опубликован интересный, хотя и небольшой по объему, фрагмент воспоминаний члена делегации Украинской Центральной Рады А. Севрюка³¹. Экземпляр этого редкого издания хранится в Британском музее. В публикации рассказывается о трудностях, которые пришлось преодолеть членам делегации, трое суток добравшимся из Киева в Брест-Литовск и прибывшим к месту переговоров 1 января 1918 года. В воспоминаниях Севрюка есть интересные характеристики, данные автором главам делегаций Германии, Австро-Венгрии и Болгарии Г. Гофману, О. Чернину и Х. Попову³², а также члену украинской делегации М. Полозу (Полозову).

В его воспоминаниях говорится о сложности и запутанности взаимоотношений между представителями Четверного Союза. Разным было и отношение делегаций к европейским народам. Например, автор отмечает: «Г. Гофман не любил поляков, поляки не любили немцев...»³³

В 1928 г. во Львове по случаю десятилетия событий на украинском языке были изданы краткие воспоминания участников переговоров в Брест-Литовске, среди которых особый интерес представляют свидетельства неофициального члена украинской делегации Н. К. Железняк³⁴.

В 1933 г. в Париже на французском языке были изданы мемуары полковника П. А. Игнатьева «Моя миссия в Париже»³⁵ — брата генерала А. А. Игнатьева, ставшего широко известным автором мемуаров «Пятьдесят лет в строю». Многие годы спустя, в 1999 г., воспоминания П. А. Игнатьева были опубликованы в России³⁶. Автор не уделял внимания переговорам в Брест-Литовске, но считал необходимым дать профессиональную оценку военному консультанту советской делегации В. Е. Скалону, а также выразить свое отношение к его самоубийству во время переговоров.

Э. М. Хауз, советник президента В. Вильсона, внимательно следил за ходом переговоров в Брест-Литовске, делился своими впечатлениями о них не только с президентом США, но и в последующем с широким кругом читательской аудитории. Его трехтомные воспоминания, известные больше как архив полковника Хауза, мало что вносят в историю проблемы, но свидетельствуют о болезненном отношении американцев к переговорному процессу в Брест-Литовске. Злорадство по поводу неудач Советской России в переговорах не позволило автору беспристрастно оценить их итоги: «Русская делегация покинула Брест-Литовск с театральным и бесполезным жестом; этот жест был бесполезен хотя бы потому, что военное положение осталось неизменным, и вследствие разрыва перемирия, объявленного немцами, русские были вскоре вынуждены подписать мир и принять еще более обременительные условия»³⁷.

Если 1920-е — 1930-е гг. были периодом активного написания и издания мемуаров участниками переговорного процесса в Брест-Литовске, а также политиками, военными и другими деятелями, внимательно следившими за ходом переговоров, то дальнейшие политические события мирового масштаба отодвинули итоги переговоров между Советской Россией и делегациями Четверного союза на второй план. Вторая мировая война и ее последствия сделали временно не актуальными любые вопросы истории, касавшиеся первой мировой войны. Изредка в научной литературе всплывали лишь некоторые параллели двух мировых войн.

Однако в странах Западной Европы продолжали активно работать деятели белой эмиграции, в том числе и те, которые пытались высказать свою точку зрения по поводу истории мирных переговоров в Брест-Литовске. Среди них заметную роль играли публикации С. П. Мельгунова и А. Я. Шульгина, вышедшие в Париже и Мюнхене³⁸.

В 1975 г. в Лозанне (Швейцария) были опубликованы воспоминания П. Паскаля, лейтенанта французской армии, который в период Брест-Литовских мирных переговоров работал в военной миссии Франции в Советской России³⁹. Имея богатый фронтовой опыт и два ранения, Пьер Паскаль хорошо понимал значение переговоров для дальнейшего развития событий на фронте. В своих воспоминаниях он подробно описал обстановку напряженности и нервозности, которая царилась среди французских дипломатов в то время, когда решался вопрос: удастся или нет Советам договориться о мире со странами Четверного союза. Ценность

этого издания косвенно подтверждается тем, что в 2014 г. воспоминания лейтенанта Паскаля вышли в России ⁴⁰.

Таким образом, появившиеся в печати источники позволяют исследователям изучить многие стороны истории переговоров в Брест-Литовске в ноябре 1917 — марте 1918 года. Их анализ убеждает в том, что за столетний период формирования источниковой базы проблемы был накоплен и систематизирован большой объем документальных сведений, позволяющий составить устойчивое представление о событиях, связанных с переговорным процессом.

Однако обращает на себя внимание тот факт, что до сих пор не до конца использованы возможности архивов разных государств. Это касается Государственного архива Австрии, Центрального государственного архива Болгарии, Государственного военно-исторического архива Болгарии, Политического архива Министерства иностранных дел Германии, Архива Министерства иностранных дел Турции, Отраслевого государственного архива Министерства иностранных дел Украины, Центрального государственного архива высших органов власти и управления Украины.

Особенно недостаточно изучены документы, собранные в архивах Турции и Германии. Слабая изученность документов, хранящихся в фондах Политического архива Министерства иностранных дел Германии, вероятно, во многом объясняется тем, что процесс обработки и систематизации документов, касающихся мирных переговоров в Брест-Литовске, до сих пор завершён не до конца. Многие из них с трудом поддаются систематизации. Между тем, спектр документов, сосредоточенных в этом архиве, очень широк. В фондах хранятся документы, касающиеся, например, вопроса прекращения огня, общих положений переговоров с Россией, сведений о членах делегаций. Отдельно хранятся материалы периодической печати, отражающие ход мирных переговоров. В фондах есть дела, в которых содержатся документы, отражающие двусторонние встречи руководителей делегаций. Имеются данные о работе специальных комиссий за пределами Брест-Литовска (Берлин, Двинск (Даугавпилс), Киев, Одесса, Петроград, Рига и т. д.).

Существуют документы, характеризующие ход переговоров не только России и Германии, но и России с Австро-Венгрией и другими государствами — членами Четверного союза. Представляют интерес материалы, касающиеся будущего территорий, находившихся под контролем Германии, и проживавших на них народов. Из архивных документов видно, что одним из центральных вопросов являлся вопрос о границах. Довольно полно представлен блок документов по вопросам экономических, финансовых взаимоотношений, а также торговли и таможенных пошлин между Германией и Россией. Отдельно на мирных переговорах обсуждались проблемы судоходства и железных дорог. Как свидетельствуют документы этого германского архива, делегации обсуждали и такие вопросы как защита прав представителей различных религиозных конфессий, организации деятельности судов в отношении осужденных, проблемы частной собственности и организации бизнеса.

Есть материалы, полученные германской стороной от своей военной разведки, тексты радиogramм советской делегации, перехваченных

немецкими службами. В фондах хранятся стенограммы двусторонних заседаний германской и украинской, германской и российской делегаций. Сохранились протоколы документов, касающиеся положения дел в Англии, Бельгии, Болгарии, Италии, Польше, Румынии, США, Финляндии, на Кавказе. Отдельно выделены документы, раскрывающие подробности переговоров Р. фон Кюльмана с А. А. Иоффе и Троцким.

Документы этого архива Германии, до сих пор не введенные в научный оборот, несомненно, прояснят некоторые детали хода переговоров, позволят более полно отразить их историю в научной литературе.

В Государственном архиве Австрии хранятся более ста дел, имеющих непосредственное отношение к переговорному процессу в Брест-Литовске. Представляют несомненный интерес карты, на которые нанесены предложения сторон по установлению государственных границ после подписания мирного договора, аналитические материалы из разных стран, в частности, из Италии, свидетельствовавшие о настроениях среди различных слоев населения, в том числе, среди католиков, сторонников социалистических партий и пр. по поводу заключения Брест-Литовского мирного договора. В одном из дел собрана подборка статей из российских газет, которые передавали настроения советского политического руководства и народных масс в ходе ведения переговоров и после подписания договора. В частности, из материалов советской печати становится ясно, что руководство страны намеревалось всячески затягивать переговоры до апреля в надежде на то, что в странах Западной Европы вспыхнет мировая социалистическая революция. Есть в архиве и материалы, свидетельствующие о деятельности советских представительств в городах Австро-Венгрии после заключения Брест-Литовского договора. Сохранились документы, в которых отражена агитационная деятельность большевиков в Австрии после подписания мира. В архиве находится подборка телеграмм, свидетельствующая об интенсивных консультациях членов Австро-Венгерской делегации с политическим руководством своей страны. Важными представляются рабочие документы, касающиеся передачи советской стороной Турции трех крупных регионов — Карса, Ардагана, Батума.

Как показали исследования, основной массив фотодокументов, касающихся переговоров 1917—1918 гг. в Брест-Литовске, отложился в Вене — в фондах Государственного архива Австрии. Там содержится более 30 фотографий, большинство из которых на протяжении многих десятилетий широко используются авторами из разных стран при публикации статей и монографий по истории мирных переговоров в Брест-Литовске. Необходимо заметить, что ряд копий фотографий, хранящихся в этом архиве, в настоящее время есть и в Российском государственном архиве кинофотодокументов в Москве 41. Важно помнить, что советская мирная делегация в Брест-Литовске не имела в своем составе фотографа. Фотосъемки как и киносъемки осуществлялись принимающей стороной, то есть специалистами из Германии и, возможно, Австро-Венгрии.

Еще одним источником стали работы художника из Австро-Венгрии, чеха по национальности, профессора Э. Орлика, который специально был включен в состав австро-венгерской делегации, чтобы запечатлеть ход переговоров и членов делегаций.

В Центральном государственном архиве Болгарии также хранится ряд документов, имеющих непосредственное отношение к переговорам в Брест-Литовске. В частности, в нем находится рабочая переписка членов делегации с руководством Софии за ноябрь-декабрь 1917 года. За тот же период в архиве собраны рапорты, свидетельствующие о ходе переговоров о перемирии. Сохранились и документы, касающиеся мирной конференции. Они представляют собой переписку, донесения, рапорты и другие документы, датированные январем-мартом 1918 года. Представляет интерес и текст секретного информационного бюллетеня 1918 г. о заключении Брестского мирного договора, позволяющий взглянуть на происходившие события глазами членов болгарской делегации, испытывавших сильное давление своих союзников и, в первую очередь, делегаций Германии и Австро-Венгрии.

Государственный военно-исторический архив Болгарии также хранит ряд документов, имеющих непосредственное отношение к переговорам в Брест-Литовске в 1917—1918 годах. Особый интерес представляют доклады военного министра царю Болгарии Фердинанду I, датированные осенью 1917 г. — зимой и началом весны 1918 года. Важной для исследователей является переписка членов делегации Болгарии с союзниками по вопросам военного взаимодействия.

При изучении персоналий важную роль играют документы, сосредоточенные в фондах других государств. Например, в Латвийском государственном историческом архиве сохранились сведения о переводчике советской делегации А. П. Яковлеве, который в детстве вместе с родителями переехал из Петербурга в Латвию, а впоследствии стал известным латвийским присяжным адвокатом.

Историки, занимающиеся исследованием той или иной научной проблемы, чаще всего обращаются к письменным источникам, что вполне обоснованно. Но в отдельных случаях есть возможность воспользоваться и иными их видами — материальными, визуальными или источниками «смешанного типа», каковыми, например, можно считать фотографии и документальные кинофильмы. Учитывая, что фильмы не были звуковыми, условно, как и фотографии, их можно было бы назвать материально-визуальными, поскольку мы имеем возможность не только созерцать и анализировать изображение, но и получать представление о материалах, из которых они были изготовлены. Это позволяет не только ощутить колорит времени, но и оценить технологии изготовления фотопластинок, фотографий и кинолент.

Немецкой стороной в ноябре-декабре 1917 г. был снят документальный фильм «Приезд в Брест русской делегации». Фильм был посвящен событиям, происходившим 29 ноября — 2 декабря 1917 года. Впервые он был продемонстрирован на большом концерте в Брест-Литовске 13 (26) декабря 1917 г., на котором присутствовало около 400 зрителей, в том числе и советская делегация. Демонстрация фильма, по выражению военного консультанта советской делегации подполковника Д. Г. Фоке, стала «гвоздем вечера»⁴². В своих воспоминаниях он писал: «По окончании концерта Карахан купил киноленту якобы для “культпросвета” и сделал хорошую аферу. В “культпросвет” фильма, конечно, не попала. Карахан за баснословные деньги сбыв ее по приезде в Петербург лучшим частным

кинематографам, и во второй раз я видел ее уже в большом кино “Парижана” на Невском близ Литейного»⁴³.

Трудно судить, так ли складывались события, описанные Фокке, но в настоящее время этот фильм хранится в Российском государственном архиве кинофотодокументов⁴⁴. Был снят и документальный кинофильм с продолжением сюжета о переговорах в Брест-Литовске. Он охватывает период с 26 декабря 1917 по 10 февраля 1918 года⁴⁵.

В Центральном государственном архиве кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга находится фотография «Посол барон Мирбах Вильгельм (1871—1918) глава особой германской миссии в Петрограде во время Брест-Литовских переговоров. После заключения Брестского мира — посол в Москве»⁴⁶, а также «Советская делегация, прибывшая на мирные переговоры, у вагона. В центре (в котелке) — [Л.Д. Троцкий]»⁴⁷. Это один из немногих примеров сохранения в российских архивах фотодокументов, относящихся к мирным переговорам в Брест-Литовске.

Таким образом, анализ источников позволяет утверждать, что история мирных переговоров в Брест-Литовске в ноябре 1917 — марте 1918 г. за минувшие сто лет разрабатывалась успешно. Однако в настоящее время остается ряд направлений исследований, нуждающихся в дальнейшей активной разработке. Среди них — изучение персоналий участников переговорного процесса и их роли в решении стоявших перед делегациями задач; исследование архивных документов, оставшихся до сих пор вне поля зрения историков. В первую очередь это документы, хранящиеся в архивах Германии и Турции. В более активном использовании нуждаются мемуары и дневники зарубежных авторов, значительная часть которых издавалась и переиздавалась в нашей стране на русском языке.

На основе анализа источников разных стран и их сопоставления следует осуществить историко-философское переосмысление итогов мирных переговоров в Брест-Литовске, что позволит более объективно осветить результаты мирной конференции.

Примечания

1. Friedensvertrag zwischen Deutschland, Österreich-Ungarn, Bulgarien und der Türkei einerseits und der Ukrainischen Volksrepublik andererseits. [S. 1.]. [S. N.]. 1918.
2. Friedensvertrag zwischen Deutschland, Österreich-Ungarn, Bulgarien und der Türkei einerseits und Russland andererseits. Berlin. 1918.
3. BUSEMANN M. Der Friedensvertrag mit der Ukraine vom 9. Februar 1918, der Zusatzvertrag u. d. Deutsch-Ukrain. Handelsvertrag nebst d. aml. Denkschrift: Deutsch-Russ. Verein z. Pflege u. Förderung d. Gegenseitigen Handelsbeziehungen; Abt. Ukraine; Die wirtschaftl. Bedeutung d. Ukraine. Berlin. 1918; EJUSD. Der Friedensvertrag mit Russland vom 3. März 1918, das deutsch-russische Wirtschaftsabkommen nebst dem Vertragszolltarif und der deutsch-russische Zusatzvertrag: Deutsch-Russ. Verein; Berlin; Die amtliche Denkschrift. Berlin. 1918.
4. SPEIDEL M. Der Friede im Osten: Die Friedensschlüsse mit d. Ukraine, mit Rußland, Finnland u. Rumänien; Die Friedensurkunden mit d. darin genannten Staatsverträge. Heilbronn. 1918.
5. KREPPEL J. Der Friede im Osten: Noten, Manifeste, Botschaften, Reden. Wien: Der Tag, 1918.
6. Proceedings of the Brest-Litovsk peace Conference. The peace negotiations between Russia and the Central Powers. 21, November 1917—3, March 1918 (Confidential. For official use only). Washington. 1918.

7. DRAHN E. Brest-Litowsk: Reden, Aufrufe u. Manifeste d. russ. Volkskommissare, Trotzki, Lenin, Joffé, Radek u. a. m. anläßl. d. russ.-dt. Friedensverhandlgn im Winter 1917/18; Nach russ. u. a. Quellen. Berlin-Halensee. 1920.
8. KRÖGER Th. Brest-Litowsk: Beginn u. Folgen des bolschewistischen Weltbetrugs. Berlin. 1937.
9. Akdes Nimet Kurat Brest-Litovsk Müzakerelerive Barışı. Belleten. XXXI/121—124. Ankara. 1967.
10. HORNYKIEWICZ T. Ereignisse in der Ukraine 1914—1922: deren Bedeutung und historische Hintergründe. Der Brester Friedensvertrag: (Protokolle — Bedeutung für die ukrainische Eigenstaatlichkeit — Auswirkungen in Rußland und Polen). Philadelphia. 1967.
11. Der Friede von Brest-Litowsk: Ein unveröffentlichter Band aus dem Werk des Untersuchungsausschusses der Deutschen Verfassungsgebenden Nationalversammlung und des Deutsch Reichstages. Bearb. von Werner Hahlweg. (Quellen zur Geschichte des Parlamentarismus und der politischen Parteien. Reihe 1; Bd. 8). Düsseldorf. Cop. 1971. LXXXIV.
12. LUDENDORFF E. Meine Kriegserinnerungen, 1914—1918. Berlin. 1919.
13. ЛЮДЕНДОРФ Э. Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг. Т. 1. М. 1923; Т. 2. М. 1924.
14. ЛЮДЕНДОРФ Э. Мои воспоминания о войне. Первая мировая война в записках германского полководца. 1914—1918. М. 2007.
15. SADOUL J. Notes sur la revolution bolchéviste. Paris. 1920.
16. САДУЛЬ Ж. Записки о большевистской революции. 1917—1919. М. 1990.
17. WILLIAMS A. R. Through the Russian Revolution. New York. 1921.
18. EJUSD. Journey into revolution. Petrograd, 1917—1918. Chicago. 1969.
19. ВИЛЬЯМС А. Р. Путешествие в революцию. Россия в огне Гражданской войны. 1917—1918. М. 2006.
20. ГИНДЕНБУРГ П. Воспоминания Гинденбурга. Пг. 1922.
21. HINDENBURG P. Aus meinen Leben. Lpz. 1927.
22. ГИНДЕНБУРГ П. Из моей жизни. М. 2013.
23. ЧЕРНИН О. В дни мировой войны: Мемуары. М.—Пг. 1923.
24. Брест-Литовск. (Из мемуаров Оттокара Чернина). Архив русской революции. Т. 2. М. 1991, с. 108—132.
25. BUCHANAN G. W. My Mission to Russia and Other Diplomatic Memories. Vol. I—XI. London. 1923.
26. БЬЮКЕНЕН Дж. Мемуары дипломата. М. 1924.
27. РИД Д. Десять дней, которые потрясли мир. М. 1924.
28. Там же, с. 3.
29. ГОФМАН М. Война упущенных возможностей. М. 1925.
30. ЕГО ЖЕ. Записки и дневники 1914—1918 гг. Л. 1929.
31. СЕВРЮК О. Берестейський Мир 9-II-1918 (уривки споминів): відбитка з «Український вістей», № 19—22, 1927. Париж. 1927.
32. Там же, с. 4, 6—7, 8.
33. Там же, с. 8.
34. ЗАЛИЗНЯК М. Моя участь у мирових переговорах в Берестю Литовському. В кн.: Берестейський мир. Знагоди 10-тих роковин. Споминита матеріали. Львів. 1928.
35. IGNATIEFF P. Ma mission en France. (Mémoires de guerre secrète). Paris. 1933.
36. ИГНАТЬЕВ П. А. Моя миссия в Париже. М. 1999.
37. ХАУЗ Э. Архив полковника Хауза. [Дневники и переписка с президентом Вильсоном и др. полит. деятелями]. Т. 3. М. 1939.
38. МЕЛЬГУНОВ С. П. Легенда о сепаратном мире (канун революции). Париж. 1957; ШУЛЬГИН О. Я. Початки діяльності Міністерства закордонних справ України. — Український самостійник: [спогади]. Мюнхен, 1957, № 4 (398), с. 29—32.
39. PASCAL P. Mon journal de Russie (1916—1918). Lausanne. 1975.
40. ПАСКАЛЬ П. Русский дневник: Во французской военной миссии (1916—1918). Екатеринбург. 2014.
10. Группа представителей Турции, Германии, Австрии и Болгарии, участвующих в заключении Брестского мира. Российский государственный архив кинофотодокументов.

- В-2100 ч/б., № 2100; Зал заседания во время заключения Брестского мира. Российский государственный архив кинофотодокументов. В-2185 ч/б., № 2185.
42. ФОККЕ Д.Г. Брестский мир: На сцене и за кулисами Брестской трагикомедии. (Мемуары участника Брест-Литовских мирных переговоров). М. 2017.
 43. Там же, с. 210.
 44. Прибытие советской делегации на переговоры в Брест-Литовск. Члены делегации направляются на переговоры. Зал заседаний. Переговоры. Леопольд Баварский подписывает условия переговоров. Среди присутствующих — Л.М. Карахан, А.А. Иоффе, А.А. Биценко, Л.Б. Каменев, Анастасов, Ганчев, Зекки-паша, Гофман, Покорный. Российский государственный архив кинофотодокументов, к/ф № 11755.
 45. Прибытие русской делегации во главе с Л.Д. Троцким в г. Брест-Литовск, делегация в сопровождении немецких и австрийских офицеров на улице города, направляется на переговоры. Братание русских и немецких солдат на передовых позициях. Там же, к/ф № 13058.
 46. Центральный государственный архив кинофотофонодокументов, Г 15882.
 47. Там же, гр 78222.

В настоящее время историки уже не задаются вопросом, занимавшим их на протяжении примерно века — с середины — второй половины XIX в., когда история окончательно оформилась в область научного знания со своей методологией и инструментарием, и до 60—70-х гг. минувшего столетия, когда ей стало тесно в этих рамках и она, сначала в трудах западных гуманитариев, а затем и повсеместно, вышла на новый уровень анализа прошлого. Этот вопрос сводится к определению временной границы, после которой история перестает быть собственно историей и превращается в современность, которую надлежит изучать уже совершенно иначе, с других методологических позиций. Прежде считалось, что для выработки исторического знания требуется определенная дистанция между исследователем и объектом его постижения — как минимум несколько лет. Сейчас такой вопрос неактуален: историей считается абсолютно любой момент как прошлого, так и настоящего. Более того, как показывают авторы сборника «Революция-100: реконструкция юбилея», в пространстве исторического дискурса факты прошлого и практики рефлексий по их поводу возможно рассматривать одновременно и связанным образом, причем не одномоментно, а в течение определенного времени в режиме мониторинга, и именно через это обретать некое новое понимание как прошлого, так и настоящего. То есть получается своего рода объяснительная лента Мёбиуса, когда исчезает непреодолимая при традиционном историческом исследовании граница между анализируемым объектом и анализирующим субъектом.

Авторы сборника добились указанного эффекта следующим образом. Объектом их изучения стал столетний юбилей революционных перемен 1917 года. Эти события разбираются в двойной фокусировке: и для достижения нового понимания самого 1917 г., и для объяснения через юбилейную актуализацию этого события современного российского (а также мирового) общества, его состояния и его основных повесток. На поставленную двойную задачу работают все семь структурных разделов.

Первый раздел называется «Предыстория». В нем помещены два материала. Один — В. Невежина и Е. Сапрыкиной — о том, как праздновались

круглые даты революционных событий во Франции и США, то есть в странах, которые стали, по выражению авторов, «законодателями моды» в деле не только совершения революций (в этом отношении особенно выделяется Франция), но и отмечаения их юбилейных годовщин. В другом материале — редактора сборника Г. Бордюгова — рассматривается, как менялась интерпретация 1917 г. с каждым очередным десятилетием в советский и постсоветский периоды. Параллельное сопоставление обеих культур — западной и отечественной — отмечаения революционных юбилеев подводит к интересным выводам.

На Западе после двухвековых попыток использовать революционные даты в конъюнктурных сиюминутных целях в последние десятилетия наблюдается противоположная тенденция — стремительная «музеефикация» исторической памяти, ее преднамеренное и весьма настойчивое разведение с актуальным настоящим, которое выставляется нарочито стерильным и очищенным от разных нежелательных «наслоений» прошлого. При этом на глазах видоизменяется и академическое истолкование обеих революций, особенно Великой французской: наблюдается явный перекокс в сторону нарративов, связанных с насилием и террором, что, безусловно, неизбежно сказывается и на реконструируемой картине мира человека конца XVIII в., для которого эти нарративы — как, впрочем, и сама историческая действительность — не воспринимались столь одномерными, как это получается у нынешних профессиональных западных историков.

В России же налицо совершенно иная картина: навеваемая круглыми датами память о революциях 1917 г. (в советское время — главным образом об Октябрьской) неизменно сопрягалась с проблемами, которые в тот момент переживала страна, в результате менялись акценты в истолкованиях отмечаемых событий, причем подчас довольно радикально. Вместе с тем нельзя сказать, что подобное осовременивание истории было однозначно негативным процессом для ее научного изучения: в зависимости от текущей конъюнктуры в фокусе внимания исследователей оказывались разные аспекты 1917 г., что, с одной стороны, конечно, неизбежно искажало общее видение со-

бытийной ткани прошлого, но, с другой стороны, помогало удалять очередные «белые пятна» или же уточнять те или иные устоявшиеся интерпретации. Не стал исключением и предпоследний — 90-летний — юбилей: как и прежде, накануне и в ходе отменения самой круглой даты крайне политизированные оценки, дававшиеся с очевидной оглядкой на общественно-политическую повестку 2007 г., уживались с обретением нового — уже собственно исторического — знания.

Следующий раздел сборника обозначен как «Контекст». Судя по задумке составителей издания, он замышлялся как своего рода проекция прошлого опыта восприятия революционных юбилеев в сегодняшний день для того, чтобы сквозь ту же самую оптику взглянуть на 100-летие 1917 г., понять обстановку и атмосферу, которые далее в сборнике преломляются в более частные вопросы. Однако при ознакомлении с разделом становится очевидно, что в содержательном отношении сценарий и итоги 100-летия мало чем отличались от того, что было 10 лет назад: по-прежнему политизация и разного рода конъюнктурные интерпретации идут рука об руку с попытками обретения нового исторического знания, причем оба этих процесса, несмотря на свою, казалось бы, явную взаимную конфликтность, взаимно дополняют и достраивают друг друга. Можно даже так сказать: раздел «Контекст» — это очередное задействование инструментария, представленного в разделе «Предыстория», только более детально и подробно.

Так, если прежде Г. Бордюгов анализировал круглые даты 1917 г. хотя и в рамках заявленной и прежде неоднократно апробированной им модели пространства памяти, но вместе с тем все же с большим акцентом на взаимоотношения между властью и обществом, то применительно к 100-летию взгляд исследователя становится более диверсифицированным, что объясняется в первую очередь тем, что теперь юбилей реконструировался не ретроспективно, а одновременно с тем, как он подготавливался и проводился. В результате получилась сложная картина, в которой явно прослеживаются действия многих интересантов внутри как власти, так и общества, но такая многосубъектность, как считает автор, в очередной раз

не привела к «подлинному диалогу о прошлом — во благо настоящего» (с. 105).

Во второй работе раздела разбирается сценарий юбилея, предложенный и реализовавшийся властью. Ее автор — Д. Андреев — показывает, что этот сценарий изначально подверстал под президентские выборы 2018 г., а значит, все его смыслы и акценты определялись именно этой электоральной кампанией, которая протекала уже по прошествии года 100-летия российских революций. Автор утверждает, что, судя по целому ряду событий и знаковых заявлений, изначально вырисовывалась довольно цельная и проработанная концепция юбилея, которая была ориентирована на упрочение внутреннего единства общества через продвижение к национальному примирению между участниками гражданского конфликта, вспыхнувшего в 1917 г., хотя бы и век спустя. Однако впоследствии по каким-то непонятным причинам власть отказалась от подобной концепции и стала действовать дискретно и ситуативно, в режиме реакций на возникавшие события и информационные поводы, и изначально многообещающий идеологический проект не был реализован.

За разделом «Контекст» следует раздел «Среда» — это уже не некие конструкционные константы, которые определяют и формируют традиции юбилейного памятования и которые разбираются в разделе «Контекст», но вместе с тем еще и не конкретные феномены определенного событийного ряда, приуроченного к 100-летию 1917 года. «Среда» — это общественная и институциональная оболочка для подобных феноменов. В разделе рассматриваются четыре подобные «среды» — монументальная, сетевая, молодежная и профессиональная. Сразу обращает на себя внимание явное несоответствие ожиданий наиболее вероятного реагирования каждой из «сред» на юбилей с тем, как на самом деле в этих «средах» он переживался. Казалось бы, наиболее бурно должны были откликнуться на круглую дату в молодежном и сетевом сообществах. Однако в действительности обе указанные «среды» отреагировали противоположным образом, оказавшись фактически вне всей информационной повестки приуроченных к 100-летию мероприятий и акций, причем как официальных, так и оппозиционных или просто субкультурных.

Д. Люкшин и А. Межведилов, авторы статьи о молодежной «среде», показывают, что в целом юбилей прошел мимо поколения тех, кому сейчас

в районе 20 лет: представители данной возрастной группы либо в принципе отказываются воспринимать современность в системе координат вековой давности, либо, ассоциируя себя с протестным движением, не нуждаются в какой-то дополнительной легитимации в качестве оппозиционеров через обращение к реалиям революций 1917 года. П. Опалин считает, что «интерес онлайн-сообщества», продемонстрированный в отношении 100-летия 1917 г., оказался несопоставимым с той «активностью сетей», которая была продемонстрирована в 2015 г. в связи с 70-летием Победы (с. 177).

И напротив, накал юбилейных страстей в двух других «средах» превзошел все ожидания. П. Черёмушкин наглядно демонстрирует, что «война памятников» бывает не только в ближнем и отчасти дальнем зарубежье: в преддверии и в течение юбилейного 2017 г. ее всплохи можно было регулярно наблюдать и в России. Автор связывает этот факт с заметной активизацией в последние годы официальной монументальной пропаганды, не всегда продуманной и корректной, а часто просто низкопробной, как правило, с реставраторским оттенком. С реальным прошлым и с теми оценками, которые на самом деле заслужили увековечиваемые сейчас в памятниках деятели прошлого, эта монументальная кампания, как считает исследователь, не имеет ничего общего. Аналогичной причиной — идеологическим заказом — объясняет С. Антоненко остроту юбилейных полемики и на конфессиональных площадках, прежде всего принадлежащих Русской православной церкви, которая, по словам историка, «начала выработать собственную историко-богословскую концепцию относительно событий столетней давности» (с. 243) и тем самым провоцировать ответную реакцию тех сегментов общества, которые не готовы такую концепцию разделять.

В разделе «Рефлексии» собраны размышления авторов об уже собственно юбилейных феноменах — научных, просветительских и культурных. В принципе, этот раздел является ключевым для ответа на вопрос, что нового дал юбилей для осмысления революций 1917 г. и для их отражения в мире художественных образов. Что касается каких-то итогов академического понимания 1917 г., то здесь, как полагает П. Акульшин, никаких прорывов в связи с юбилеем

не произошло: в основном продолжается историко-ведческое освоение бескрайнего поля отдельных казусов, хотя в последнее время — в связи со 100-летием начала первой мировой войны — наблюдаются регулярные попытки вывести интерпретации 1917 г. на качественно новый уровень. В итоге, по метафорическому замечанию исследователя, «накопление новаций» все же подошло к некоему рубежу и готово превратиться в историографическую «реновацию» (с. 301). Не приходится говорить и о складывании какого-то отличного от сохранившегося и даже укрепившегося в постсоветскую эпоху «черно-белого» взгляда на лидеров 1917 г.: в то время как профессиональные историки, даже подходя к неким концептуальным обобщениям, предпочитали игнорировать устоявшиеся оценочные стереотипы известных персон, интересы непрофессионалов удовлетворялись в основном представителями СМИ, и, по словам Т. Филипповой, «журналистский тип презентации темы выглядел наиболее ярким» (с. 269). Вместе с тем художественная юбилейная «рефлексия» оказалась довольно блеклой. Анализовавший ее Б. Соколов усматривает причину, помешавшую революционной теме прозвучать в современной культуре наподобие того, как она заявляла о себе в первые послереволюционные десятилетия, особенно в довоенный период, в том, что все наиболее раскрученные проекты делались по государственному заказу. Сама же «революционная тема» для нынешних деятелей культуры «является далеко не самой актуальной и увлекательной» (с. 422), к тому же сегодняшняя «духовная индустрия» в принципе переживает не лучшие времена.

Не справились со своей ролью популяризаторов подлинной и объективной информации о прошлом российские архивы: автор считает, что они просто отработывали поступившую сверху «негласную установку» на пропаганду исторического «примирения» всех вовлеченных в события 1917 г. сил (с. 349) — точнее, их современных наследников. Не лучшим образом показали себя и выставки: по словам И. Давидян, наиболее резонансные из просветительских задумок были посвящены не «единой революции от Февраля до Октября», а ее наиболее зрелищным фрагментам (с. 452), не оказали ожидавшегося воздействия на аудиторию и арт-проекты, в том числе и дорогостоящие.

Содержание раздела «Страна» легко понять уже из самого его названия: авторы

собранных здесь материалов отслеживали события юбилейного года в Санкт-Петербурге, «колыбели» обеих революций 1917 г., Нижнем Новгороде как примере нестоличного мегаполиса, а также на Урале, который в данном случае может восприниматься двояким образом — как образ глубинной России и одновременно как граница между Европой и Азией. Из всех трех материалов явственно видна по сути одна и та же картина: в России юбилейные события развивались практически по такому же сценарию, как и в Москве, — переменчивая и в целом так и не оформившаяся как нечто цельное официальная позиция и общественная апатия приводили к разногласиям, отмечанию юбилея в отдельных группах «по интересам», но в целом событие не «прозвучало». Причем не «прозвучало» даже в «революционной» Северной столице, потому что, как считает Ю. Басилов, «тема революции утратила свое значение как основного события городской идентичности» (с. 490). Самобытному нижегородскому сценарию юбилея, по мнению А. Маслова и М. Сапрыкиной, помешала «мининская тема» и превращение города в эпицентр нового праздничного эквивалента 7 ноября — Дня народного единства (с. 509). А. Антошин фиксирует, что большинство уральцев «индифферентно» восприняли круглую дату (с. 537), и это несмотря на то, что именно в Екатеринбурге оборвалась жизнь последнего императора и его семьи и именно здесь десятилетия спустя формировалась политическая карьера будущего первого президента России — главной революционной фигуры конца 80-х — начала 90-х гг. прошлого века.

Таким же «говорящим» выглядит и название раздела «Мир», в котором рассказывается, как отреагировали на 100-летие революций в России за ее нынешними пределами. Здесь на одном полюсе оказалось ближнее зарубежье, где в большей или меньшей степени, демонстративно или завуалированно протекал один и тот же процесс, который Л. Гагагова описывает как переформатирование прежнего «советского мифа» 1917 г. в «современные интерпретации, сотканые из фрагментов многослойной, многоаспектной и противоречивой хроники революции» (с. 567—568). На другом полюсе можно поместить, например, Скандинавию, где, по словам К. Фредериксена, общественностью хотя и был продемонстрирован «высокий интерес» (с. 745) к революционному российскому

1917 г., но вместе с тем этот интерес, как это видно из представленного автором материала, имел преимущественно «музейный» характер.

Симптоматично, что почти во всех остальных случаях можно смело говорить о той или иной мифологизации революций 1917 г. с явной оглядкой на Россию сегодняшнюю. (Из стран, в которых проводился мониторинг, обратная картина наблюдалась лишь в Японии — и то, похоже, лишь потому, что Х. Вада, анализировавший юбилейный год в своей стране, сделал больший акцент на восприятии 100-летия именно в академических кругах.)

Например, даже на Балканах, где, как считает Н. Дедков, юбилей отозвался не более чем «тихими отзвуками», подобное отсутствие интереса может быть объяснено тем, что, по мнению исследователя, современная Россия воспринимается в качестве реинкарнации империи дореволюционной или советской и не рассматривается в качестве «носительницы революционных идей» (с. 587). Однако если новая балканская мифологизация РФ и продемонстрированное в странах региона нежелание связывать Россию с какой-либо революционной традицией являются следствием благорасположенности к нашей стране, то новая польская мифологизация использовала юбилейный повод для того, чтобы, по словам Т. Бохуна, встроить революционное прошлое в контекст застарелых «негативных стереотипов и враждебных чувств» (с. 723). Из статьи Д. Бебеш и А. Коллонтари следует, что и в Венгрии, которая в последнее время демонстрирует свое несогласие со многими процессами, протекающими в единой Европе, и придерживается особой — отличной от продекларированной евроструктурами — линии в отношении РФ, юбилей не вызвал «ностальгически-праздничных настроений», поскольку пробудил в памяти ассоциации в том числе и с эпохой подконтрольного существования страны в рамках Восточного блока (с. 605). Даже в Испании, у которой в прошлом не было никаких конфликтных пересечений с Россией (за исключением разве что участия советских спеццов и добровольцев в гражданской войне во второй половине 1930-х гг.), 100-летие 1917 г., как замечает Х. Фаральдо, «в целом было воспринято с политизированной и ненаучной точки зрения», правда, в данном случае не из-за отношения к сегодняшней

РФ, а вследствие своей внутренней политической повестки (с. 690).

Аналогичная ситуация наблюдалась и в Италии, где, по словам О. Голечковой и С. Мерло, юбилей стал «поводом поговорить еще раз о коммунизме, который многие считают вновь популярным» (с. 711), и тем более в Латинской Америке, известной своими левыми настроениями. Там юбилей привлек к себе заметное внимание. О. Голечкова и Х. Йепес отмечают любопытный факт: политизированность круглой даты и ее привязка к дню сегодняшнему оказались в центральной и южной частях Западного полушария настолько сильными, что даже сугубо научные мероприятия, приуроченные к юбилею, были проникнуты не академическими, а откровенно идеологическими настроениями (с. 681). В этом же ключе празднование имело место и в Китае. И. Ли считает, что «фактологическое содержание события» воспринималось там как второстепенное, а на первом месте оказались «политико-идеологические смыслы» (с. 656). Не стали исключением и страны — «законодатели моды» на революционные юбилеи. С. Лиманова и Р. Мазюй показывают, что во Франции внимание к революциям 1917 г. в связи с их 100-летием было «неразрывно связано с рассуждениями о нынешнем положении России в мире» (с. 803). А в США, по свидетельству Е. Белл, на фоне отсутствия общественного интереса к юбилею и распыленности прозвучавших в связи с ним академических суждений о 1917 г. тема современной России всплывала вне всякого контекста круглой даты, хотя последняя все же нашла отражение в ряде арт- и медийных проектов. На этом фоне восприятие юбилея в Великобритании и Германии выглядело несколько более основательным. Дж. Ле Джун отмечает, что в Англии это событие «воспринималось

всерьез и вызвало заметную полемику на научных площадках и в средствах массовой информации» (с. 599), а в Германии, как констатирует В. Хеделер, не только обнаружился немалый общественный и научный интерес к 100-летию 1917 г., но и стали более заметными попытки левых сил пересмотреть революционный опыт России с целью его адаптации к современным реалиям.

Заключительный раздел сборника называется «Образы». В нем представлен подготовленный и прокомментированный С. Щербиной обширный иллюстративный ряд плакатов, картин, коллажей и иных артефактов, посвященных 1917 г., причем автор начинает с «образов», возникших синхронно тому событию, которое они отражают, и доводит свою подборку до настоящего времени. Исследователь говорит о превращении основных образов, связанных с революциями 1917 г. (преимущественно Октябрьской), в мемы и прослеживает их смысловую динамику на протяжении всего последующего столетия.

Рассмотренный сборник представляет собой принципиально новый способ анализа исторического события, который делается не просто с определенной дистанции, отделяющей анализирующего субъекта от рассматриваемого им объекта (таким образом осуществляется абсолютно любое историческое исследование), но именно с учетом этой дистанции, с оценкой подобного временного лага и самого исторического повода во взаимном влиянии друг на друга, а также во влиянии их обоих на текущий момент, вследствие чего последний также оказывается в фокусе внимания. Понятно, что в данном случае речь идет не о классическом историографическом исследовании, а о некоем новом междисциплинарном подходе, который может быть чрезвычайно перспективным, в том числе и для традиционного изучения истории и историографии.

О.В. БЕЛОУСОВА

А. В. Ермошин. Закон Божий в дореволюционной светской школе: религиозное обучение в средних учебных заведениях Казанского учебного округа. Казань. Изд-во «Бриг». 2017. 420 с.

Несмотря на значительность периодически усиливающихся дискуссий вокруг преподавания и изучения нового школьного учебного предмета «Основы религиозных культур и светской этики», научный дискурс рассмотрения исторического контекста этой проблемы невелик. Он представлен, в основном, статьями в научной периодике, посвященными преподаванию Закона Божьего (ЗБ) в средней светской школе, по своему характеру носящими обобщающе-оценочный характер. Подобная историографическая практика неслучайна в силу специфики презентации и обязательной односторонности этой темы в советской историографии. Более существенной, однако, может быть другая причина — рассредоточенность источниковой базы, особенно неопубликованных документов, при однозначной необходимости широкого территориального охвата этой проблематики. Для поликонфессиональных регионов России такая необходимость представляется обязательной.

Рецензируемая монография кандидата исторических наук А.В. Ермошина как раз призвана раскрыть специфику религиозного обучения в светской средней школе дореволюционной России на материалах многонационального и поликонфессионального региона — Поволжья и Приуралья. Акцент содержания книги на позднеимперском периоде вполне оправдан в силу роста в то время противоречий между светским образованием в модернизирующемся обществе и подчеркнутым традиционализмом навязываемой школе религиозности. Эта нарастающая кризисность положения школьного ЗБ, подобно лейтмотиву, усиливает драматизацию восприятия профессиональным читателем событийной палитры российской жизни — от проектирования национальной империи до ее краха.

Собственно в соответствии с такой логикой построена первая глава, которая в исторической ретроспективе раскрывает систему религиозного обучения в светской школе от начала XIX столетия — со времени официального введения учебного предмета «Закон Божий» — и до 1918 г., когда декрет «Об отделении церкви от госу-

дарства и школы от церкви» окончательно отменил эту дисциплину. Известно, что всеобщее и обязательное введение ЗБ в курс средней школы произошло в 1811 году. Ермошин представил факт преподавания некоторых его разделов учащимся первого класса Казанской гимназии уже в 1804 году. (с. 32).

Принципиальным для экстраполяции дореволюционной ситуации на современную школу является авторский вывод о том, что религиозное обучение, несмотря на все официально продекларированные прерогативы, играло весьма скромную роль в образовательном процессе, более того — находилось в противоречии с общим строем средней школы и в глубоком внутреннем конфликте с основной гимназической стихией — древними языками, олицетворявшими языческое мировоззрение античности (с. 51—54).

Говоря об обязательности изучения Закона Божия «не только для православных учащихся, но и для гимназистов-иноверцев», Ермошин пишет о созданных формальных возможностях для религиозного обучения неправославных гимназистов (с. 53). Возможности эти были весьма и весьма ограничены. Официально — необходимостью испрашивать разрешение министра народного просвещения на такое преподавание, оплачивавшееся из государственной казны или специальных средств. Автор некорректно сравнил оплату труда законоучителей православного и ксендза (с. 20), упустив из виду, что последний получал даже больше положенной по уставу 1864 г. суммы¹. Проблема заключалась скорее в статусе внештатного педагога «по найму» для инославного законоучителя и связанными с этим статусом профессиональными и материальными ограничениями. Небольшое количество неправославных учащихся в каждой отдельной школе не позволяло полноценно организовать их религиозное обучение. Вполне вероятно, что возникала ситуация, аналогичная современным малокомплектным школам, когда на одном уроке в одной классной комнате с учителем занимаются ученики разных классов.

При этом, обнаруженные Ермошиным факты о возможности предоставления мусульмана-

ми и иудеями справок об изучении ЗБ в частном порядке и об освобождении их от экзамена по дисциплине подтверждают некоторое смягчение образовательной политики в отношении инославных учащихся. Нельзя не согласиться с автором в том, что параллельно в стенах школы сохранялся примат православия, «в частности, путем вовлечения церкви в ритуалы светских бюрократических мероприятий ведомства народного просвещения» (с. 53—54). Автор объясняет внешнюю демонстрацию «церковности» и «религиозности» светских учебных заведений стремлением их руководителей подчеркнуть политическую благонадежность в условиях работы с основным своим контингентом — молодежью, активно пополнявшей ряды революционеров и террористов и в целом сочувствовавшей антиправительственным силам (с. 30—31). Разделяя это мнение по первой части, по второй можно дополнить, что дело состояло далеко не столько в благонадежности, сколько в выстраивании, особенно с началом правления Александра III, нового государственного мифа и властного сценария в формате русской национальной империи, в котором религия «превращалась в государственную задачу и самостоятельную силу»².

Усиливает интерес к книге не только ее своеобразная «монопольность» в срезе монографических сочинений по указанной тематике, но и вынесенная в отдельный параграф актуальная проблема общественно-политических и педагогических дискуссий в Российской империи по вопросам религиозного обучения в светской школе. Широкое обсуждение в общественно-педагогическом дискурсе школьной реформы практически не затронуло ЗБ; примерно одинаковыми по количеству, сравнительно с другими предметами, были и дискуссии по методике его обучения. Взгляд на него как на «имеющуюся данность, не столь злободневную», о котором говорит Ермошин, однако, не может быть единственной причиной объяснения такого невнимания к дисциплине в проектах реформ. Конечно, неоспоримо и косвенное доказательство автора в виде отсылок к устойчивой необходимости модернизации обучения древним языкам. Однако настоятельно требует своего разрешения вопрос о ментальности средних слоев, дети которых

составляли значимую часть учеников средней общеобразовательной школы. Зачастую выступая актором социальных изменений и одновременно сохраняя традиционную религиозность, этот, по П. Бурдые, «класс индивидов, обладающих сходным гапитусом», в 1905 г. в лице учащихся выступил в массе своей против системы религиозного воспитания и лишь единично — против ЗБ, а в 1917 г. в лице родительских комитетов сохранил этот учебный предмет, ставший необязательным. В таком ключе более доказанной выглядит и совершенно верная мысль Ермошина о том, что «проблема взаимоотношений религии и школы не была столь злободневной в тот период, как может изначально показаться современному исследователю на основе опыта начала XXI в., и, во всяком случае, воспринималась менее значительной, чем вопрос об отделении церкви от государства» (с. 90—191).

В заслугу автору следует поставить рассмотрение педагогических дискуссий и методических проектов, в том числе предложенных и обсужденных педагогами Казанского учебного округа (КУО), по изменению постановки преподавания данной дисциплины.

Архитектоника второй главы книги органично раскрывает самые острые вопросы организации и содержания религиозного обучения в средней школе, актуальные и поныне.

Помимо уже достаточно известных на общероссийском фоне данных о законоучителях, Ермошину удалось обнаружить факт того, что их заработок сравнивался с зарплатой других педагогов лишь после 1864 г., до этого оставаясь более низким (с. 93—94). На примере законоучителей Казанских первой и второй гимназий автор выявил высокий статус учителей-священников в местной церковной иерархии, далее, однако, показав, что церковное священноначалие, при принятии решений о перемещениях законоучителей по службе, игнорировало их обязанности в конкретном учебном заведении. Ермошин представил процесс превращения законоучителя из священника, несущего пастырскую обязанность по преподаванию ЗБ, в штатного педагога-чиновника, служащего в Министерстве просвещения. Такая картина изменений государственно-церковных отношений в образовательной сфере выстраивается на протяжении всей монографии, в контексте чего становится понятным авторский вывод о рассмотрении бюрократией религиозного обучения как части светского образования. В числе

обосновывающей это фактографии присутствуют отказ местному церковному начальству монополизировать состав экзаменационных комиссий по ЗБ (с. 22—23), представление к награждению законоучителей богослужебными наградами, минуя правящего архиерея, светскими чиновниками образовательного ведомства (с. 117—119) и многие другие.

Фактором присутствия церкви в школе автор справедливо назвал домовые гимназические храмы, связав их наличие не только с пансионным характером гимназического строя, но и со стремлением максимально вовлечь учащихся в богослужебную жизнь. Приводимый в книге пример строительства храма Андрея Первозванного при Казанском учительском институте, в частности, внимание общественности, быстрый сбор средств на постройку и короткий срок ее осуществления, убедительно доказывает вывод Ермошина «о все еще сохранявшейся для значительной части российского общества рубежа XIX—XX вв. актуальности подобных проектов» (с. 125).

Исследователь, говоря об изначально качественной подготовке законоучителя, отметил, что множество возложенных на него дополнительных обязанностей препятствовало его профессиональному педагогическому росту. Можно согласиться с авторским тезисом о том, что основная доля «вины за далеко не всегда успешные фактические результаты религиозного образования» лежала не на педагогах, а была связана с «дидактико-методическими особенностями Закона Божьего» (с. 126). Однако в книге этот тезис остался недостаточно доказанной «перемычкой» между параграфами, тогда как исследователю следовало сосредоточиться на конкретных негативных фактах содержательно-методического характера в обучении предмету. В то же время Ермошин с успехом аргументировал утверждение о том, что массовые качественные системные изменения в преподавании ЗБ в КУО прослеживаются лишь в начале XX века.

Сильной стороной исследования стал анализ широкого спектра учебно-методической литературы по ЗБ. Из книги становится ясно, что учебники по этой дисциплине разрабатывались лишь с середины XIX в., а до этого учебная литература была представлена своеобразными «книгами для чтения» — подборками библейских текстов. Во второй половине XIX — начале XX в. наблюдался существенный ко-

личественный рост учебников по ЗБ, их спектр превышал аналогичный круг учебников по большинству светских дисциплин, но, как показано Ермошиным на конкретных примерах, они сильно устарели и часто не отражали новейших достижений церковно-академической науки. Особенно удручающим педагогическим явлением следует считать то, что некоторые устаревшие учебники определяли содержание учебных программ, а не наоборот (с. 158—159).

Последний параграф монографии посвящен самому болезненному вопросу не только обучения ЗБ, но и всей школьной жизни — экзаменам. Ермошин выявил ряд недостатков в экзаменах по ЗБ: отсутствие преемственности между ступенями образования при вступительных экзаменах, значительный объем выносимого на выпускной экзамен материала (за весь школьный курс), расплывчатость этого содержания, нечеткость методов проверки знаний и умений учеников и в результате — существенные различия в них на местах. Не вызывает сомнений точка зрения автора о том, что «в условиях, когда этот предмет воспринимался многими как излишний в гимназической программе, именно он чаще всего оказывался объектом критики тех, кто считал отечественную систему среднего образования отсталой и нуждающейся в кардинальном реформировании» (с. 191).

Касаясь сложности выпускного экзамена по ЗБ ввиду присутствия на нем епархиального начальства, автор упустил связанные с этим важные моменты. Исследования средних профессиональных школ КУО показали, что результаты экзаменов по ЗБ зачастую были не просто блестящими, но и самыми лучшими среди других экзаменов по среднему баллу; такой подсчет был бы интересен и по средней общеобразовательной школе. Однако более существенно то, что автору следовало обратиться к эго-документам и пристальнее ознакомиться с протоколами экзаменов, которые свидетельствуют о фактах подсказок законоучителями ученикам, попустительстве шпаргалкам, «молниеносного» приема экзаменов у потока учащихся и, наконец, присутствии епархиального или учебного начальства не на всем экзамене, а лишь на его части.

Включенный в книгу биографический словарь казанских законоучителей является логичной детализацией просопографического портрета, очерченного во второй главе монографии. Думается, что этот материал объемом в 193 страницы следовало сопрово-

дять таблицей-указателем, представив в ней, к примеру, имя законоучителя, конкретную школу (школы), где он работал и сроки этой работы. Это могло облегчить поиск и систематизацию материалов, особенно в контексте задаваемой автором цели справочника — продемонстрировать «серьезную эволюцию, которую претерпело преподавание Закона Божьего ... на протяжении XIX века» (с. 196). Знакомство с содержанием словаря показало серьезность и кропотливость работы автора по воссозданию каждой биографии. Были восстановлены годы жизни законоучителей и, что особенно важно и сложно, их судьбы в послереволюционное время. Реконструкции показали, что большинство из них осталось в лоне церкви, часто положив жизнь на алтарь Веры и верности своему высокому служению. Отметим, что для многих священников, судя по биографиям, должность законоучителя была одним из многочисленных пунктов в разнообразных видах их профессиональной церковной деятельности.

Принципиальное значение имеют выводы автора, содержащиеся в заключении книги. Закон Божий, объявленный первейшим и главнейшим

предметом, в реальности превратился в предмет занимательный, несущественный. Церковь была вытеснена из школы, а религия жестко встроена школьной бюрократией в общую систему образования.

Некоторые спорные моменты по «тонкостям» школьной жизни, с которыми Ермошин не всегда оказывался знаком, никоим образом не умаляют существенности его изыскания, непредвзято раскрывающего проблемы религиозного обучения в дореволюционной светской школе, а новаторское внимание к методическим вопросам, общественно-педагогическим дискуссиям и обучению неправославных учащихся лишь усиливает положительное восприятие книги.

Т.А. МАГСУМОВ

Примечания

1. Устав гимназий и прогимназий 1864 года. СПб. 1864, с. 95.
2. УОРТМАН Р.С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. Т. 2. М. 2004, с. 328.

Алфавитный указатель материалов, опубликованных в журнале в 2018 году

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АРХИВ XX ВЕКА

Хроника Великой Победы (1941—1945 гг.). Публикацию подготовил П.А. Искендеров. №№ 5—12

СТАТЬИ

- Андриянова Д. В., Крестьянников Е. А. — Модели служебного мотивирования чиновников администрации и юстиции Сибири в конце XIX — начале XX в. № 3
- Васильев А. М., Елькина Е. А. — Раздел вод Нила: взгляд через призму истории. № 10
- Ворошилова С. В., Татарина Е. П. — Женское избирательное право в Российской империи. № 6
- Жириков И. Г., Смоленский Н. И. — План Маршалла в освещении зарубежных средств массовой информации и современные оценки. № 2
- Клейменов А. А. — Дебют стратега: балканская кампания Александра Македонского 335 г. до н.э. № 1
- Кобищанов Ю. М. — К периодизации истории цивилизаций I тысячелетия. № 5
- Корзинин А. Л. — Государев двор в период боярского правления: практическая реализация поместного верстанья 1530—1540-х гг. № 8
- Куликов В. В. — Разработка земского Положения 1890 г. № 4
- Петров А. Ю. — Витус Беринг: у истоков историко-культурного наследия Русской Америки. № 7
- Рыбаков С. В. — Представления об историческом процессе и их роль в событиях 1917 года. № 11
- Семёнова Н. Л. — Правительственная политика в Оренбургском крае в конце XVIII— первой половине XIX в. № 12
- Фомин В. В. — «Фяги» русских памятников. № 9

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

- Власов Н. А. — Альфред фон Вальдерзее. № 8
- Гребенщикова Г. А. — Андрей Яковлевич Италинский. № 3
- Долгов В. В. — Мстислав Великий. № 4
- Искендеров П. А. — Александр Михайлович Петряев. № 1
- Николай Генрихович Гартвиг. № 9
- Котов А. Э., Петров И. В. — Архиепископ Николай Лейсман. № 10
- Назаренко К. Б. — Алексей Михайлович Щастный. № 12
- Непомнящий А. А. — Арсений Иванович Маркевич. № 11
- Нестеренко А. Н. — Князь Вячко. № 7
- Прилуцкий В. В. — Джозеф Смит-младший. № 5
- Сулопарова Е. А. — Маргарет Бондфилд. № 2
- Ярыгин В. В. — Джеймс Блейн. № 6

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

- Алексеев В. В. — Размышления над проектом «Россия — моя история». № 11
- Багдасарян В. Э., Реснянский С. И. — Версия о «ритуальном убийстве» царской семьи в исторической литературе и общественном дискурсе. № 3
- Джиоева З. Э. — Этимология и структурные особенности антропонимов монголов Чингисхана. № 6
- Дударев Д. С., Дударев С. Л. — Русский солдат в чеченском плену (40-е гг. XIX в.). № 8
- Нарышкин А. А. — Исторические аспекты формирования государства всеобщего благоденствия североевропейского типа. № 4

- Сабилова З.Р. — Социально-бытовое обслуживание рабочих и служащих предприятий Башкирии во второй половине XX в. № 2
- Тетуев А.И. — Российский федерализм: проблемы и эволюция. № 9

ПУБЛИКАЦИИ

- Заявления бывших красных партизан Юга России в 1920-х — 1930-х гг. Публикацию подготовила С.А. Хубулова. № 9

СООБЩЕНИЯ

- Аббасов Э.М. — Неизвестные страницы истории Бакинского государственного университета № 8
- Аристов С.В. — Нацистские концентрационные лагеря на оккупированной советской территории и «акция 1005». № 5
- Ахмедова Ф. — Конфликты в большевистской элите Азербайджанской ССР в 20-е гг. XX в. № 4
- Барнинова Е.Б. — Этнополитические отношения в Средней Азии в домонгольское время. № 6
- Богатырёва К.В., Реснянский С.И. — Переписка Н.А. Семашко с органами ВЧК в начале 20-х гг. XX в. № 11
- Виноградов С.Е. — Британская компания «Виккерс» и производство 14-дюймовых орудий для России в 1914—1916 гг. № 11
- Виноградов С.В., Красноженова Е.Е. — Военный Сталинград в воспоминаниях современников (1942—1943 гг.). № 12
- Волков В.В. — Заработная плата русских рабочих в конце XIX — начале XX в. № 10
- Гасанов М.Р. — Каспийский поход Петра I 1722—1724 гг. — важный этап в развитии российско-дагестанских взаимоотношений. № 8
- Гафаров В.В. — Политика Османской империи по организации восстания мусульман против России в годы первой мировой войны. № 3
- Гребенков П.С. — Историко-географические образы на Северо-Востоке России (конец XVII — начало XXI в.). № 10
- Деттерёв Д.А., Ныгусие Кассеа В. Микаэль — Первые эфиопские студенты в Российской империи. № 5
- Дин Ю.И., Мин К. — Освещение сухопутной операции советских войск в северной Корее в августе 1945 г. № 3
- Дряхлов В.Н. — Женщина в «Салической Правде». № 4
- Зубачевский В.А. — Планы Белого движения и Польши в Центрально-Восточной Европе (конец 1918 — начало 1920 г.). № 10
- Иванов А.С. — Город как место спецпоселения № 1
- Избасарова Г.Б. — Модели управления казахской степью в XIX в. на примере размышлений Ф.М. Лазаревского. № 3

- Ипполитов В.А., Слезин А.А. — Восприятие в комсомоле статьи И.В. Сталина «Головокружение от успехов». № 8
- Исмаилов К.Н. — Аграрные отношения и земельный вопрос в Азербайджанской Демократической Республике (1918—1920 гг.). № 9
- Калкаев Е.Г. — К вопросу о начале «китайской операции» НКВД (1937—1938 гг.). № 12
- Каргапольцев С.Ю., Лапина И.Ю. — Северная оконечность Казанской улицы Санкт-Петербурга в исследовательской практике. № 6
- Карпенкина Я.В. — Советские граждане в Западной Белоруссии в 1939—1941 гг. № 6
- Керимзаде П.О. — Роль образования в зарождении национального движения в Гяндже на рубеже XIX—XX вв. № 5
- Кобахидзе Е.И. — Осетия в образовательном пространстве Российской империи во второй половине XIX в. № 1
- Ковалёв Д.В. — Правовые компромиссы в земельной политике П.А. Столыпина. № 7
- Кодинцев А.Я. — Тобольские нотариусы в конце XIX — начале XX в. № 7
- Краснов С.Ю. — Особенности наказания по обычному праву у донских казаков во второй половине XIX в. № 4
- Краснов С.Ю., Трофимов Я.В. — Примирение сторон у донских казаков во второй половине XIX в. № 1
- Кузнецов В.Н. — Поволжский областной комитет партии социалистов-революционеров и его крах. № 2
- Максимов К.Н. — Судьба военнопленных калмыков в 1940—1950-е гг. № 5
- Мальцева Н.В., Чернышёв А.А. — Формирование российской энциклопедистики в XVIII — начале XIX в. № 7
- Маньков А.В., Минеева Е.К. — Эсеры Среднего Поволжья в начале XX в. № 9
- Пузанов В.Д. — Доходы Русского государства от сибирской пушнины в XVII в. № 1
- Сабанчиев Х.-М.А. — Государственная политика в отношении депортированных народов в первые послевоенные годы. № 11
- Твердюкова Е.Д. — Хлебопечение в СССР в 1960-е — 1980-е гг. № 12
- Фролова М.М. — Военное духовенство в русско-турецкой войне 1877—1878 гг. (на Балканском фронте). № 12
- Хмушкин Г.Г. — Реальное число жертв изъятия церковных ценностей в 1922—1923 гг. № 10
- Храмцов А.Б. — Органы местного самоуправления в городах Сибири в марте-октябре 1917 г. № 2
- Чжо Чжун вэ — Реорганизация советских профсоюзов в 1928—1931 гг. № 8

ДИПЛОМАТИЯ В ИСТОРИИ

- Дударев В.С. — Внешняя политика Германии и политические приемы дипломатии Отто фон Бисмарка № 4
- Жерлицына Н.А. — Антифранцузское сопротивление в Алжире накануне и в годы первой мировой войны № 5
- Калинин А.А. — К вопросу о «вмешательстве» СССР в парламентские выборы в Греции 1958 г. № 2
- Паникар М.М., Троицкино Д.Р. — Уинстон Черчилль о европейской интеграции № 11
- Рыбачёнок И.С. — Заграничное турне профессора Ф.Ф. Марта № 8
- Сидорова Г.М., Харичкин И.К. — Колониальное прошлое Бельгии № 1

ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

- Аникин В.В. — О понятии «способ производства» № 3
- Бережанский А.С. — Народничество на рубеже 70—80-х гг. XIX в. и проблема перехода к политической борьбе № 5
- Боров А.Х. — Кавказская война: проблема общей интерпретации № 4
- Воробьёв С.В., Каширина Т.В. — Историческая память как фактор «мягкой силы» № 1
- Есаулов В.Н., Лизунков В.Г. — Неразгаданная тайна Александра I № 1
- Ищенко А.С. — Миф о Владимире Мономахе в зеркале украинской исторической памяти. № 6
- Орлова Н.Х. — Риторика в духе «воинственного» обличения в академической полемике 20-х — 30-х гг. XX в. № 2
- Филин С.А., Якушев А.Ж. — Истоки формирования мировоззренческой этики педагога в России № 1
- Холяев С.В. — Двудесятилетняя революция № 3
- Цыбенков Б.Д. — О времени заселения даурами территории Приамурья: новая интерпретация данных. № 9

МЕЖДУНАРОДНОЕ НАУЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

- Гаши И., Мифтари И. — Этническая и религиозная структура населения Косовского вилайета (1877—1919) № 12
- Искендеров П.А. — Роль дипломатии в истории Балкан № 4

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

- Акишин М.О. — Государевы службы князя А.Н. Трубецкого в Сибири и Поволжье № 1
- Ерёмин А.А., Петрович-Белкин О.К. — Философия истории Джамбаттисты Вико: истоки, сущность и наследие № 11

- Исакова Л.В. — Иоганн Филипп Густав Эверс № 7
- Катышевцева Е.В., Мин К.-Х. — Партийно-политическая учеба в 88-й стрелковой бригаде и Ким Ир Сен (1942—1945 гг.) № 9
- Котов А.Э. — Михаил Юзефович — идеолог русского политического предмодерна № 6
- Мирзаханов В.С., Ковалёв М.В. — Интеллектуальные миграции XX века: к вопросу о моделях изучения № 3
- Уварова М.А. — Идея свободы и порядка в политической философии Эмиля Оливье № 4

В ПОМОЩЬ УЧИТЕЛЮ ИСТОРИИ

- Искендеров П.А. — Вторая мировая война в современном контексте № 6
- Балканские корни первой мировой войны: правда и вымысел № 7
- Советско-германский пакт о ненападении 1939 г.: узловые моменты, дискуссии № 8
- Экономические корни геополитики (на примере Балкан) № 9
- Брестский мир в кольце фронтов № 10
- Мюнхенское соглашение 1938 г.: пролог к новой мировой войне № 11
- Столетова А.С. — Русская деревня в жизни и творчестве В.И. Белова в 1960-е гг. № 12

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

- Абдулмажидов Р.С., Хализов Ш.М. — Взаимоотношения Джарской республики и Кахетинского царства в конце XVII — первой четверти XVIII в. № 6
- Абдусаламов М.-П.Б., Кидирниязов Д.С. — Дагестан в стратегических планах Российской империи, Ирана и Турции в 1735—1740 гг. № 2
- Агаев Р.Э. — Сведения арабоязычных первоисточников о санарах № 11
- Алекперов А.Б. — Роль Азербайджана в становлении и развитии нефтяной промышленности Казахстана № 2
- Алиев Б.Г., Муртазаев А.О. — Майор И.-Г. Гербер о даргинцах Акуша-Дарго № 4
- Алиева Н.А. — Суфийские шейхи Азербайджана XI—XIII вв. № 4
- Амирханова А.К., Салихова Л.Б. — Брак и формы его заключения в городах Дагестана: трансформация традиций № 12
- Амирханова М.М. — Борьба с детской беспризорностью в Дагестане в 1920-х гг. № 2
- Атлагич М.П., Элезович Д.М. — Служба сербов в Российской империи в XVIII—XIX вв. № 5
- Ахременко Д.А., Новикова И.Н. — Судебные преследования православного населения в Австро-Венгрии накануне первой мировой войны № 3
- Варенцова Л.Ю. — Приказ Большого двorca в Российском государстве в XVII в. № 4

- Васильев Д. В., Любичанковский С. В. — Казахи и русские: бытовая аккультурация в XIX в. № 3
- Веригин С. Г. — Преследование агентуры финской разведки после выхода Финляндии из второй мировой войны № 11
- Воейков Е. В. — Борьба лесной охраны с хищениями леса в Поволжье в годы нэпа № 8
- Гизбулаев М. А. — Арабские источники по средневековой истории Дагестана № 7
- Горелов А. А., Немтинов В. А. — Формирование исторического портрета города с использованием информационных технологий № 7
- Данилко Е. С. — Общие закономерности проникновения старообрядчества в нерусскую среду на территории Урало-Поволжья № 10
- Егоров С. Г. — Борьба с нарушениями трудового законодательства в Кировской области в 1946—1953 гг. № 7
- Жиров Н. А. — Переселенческое движение крестьянства аграрного центра России в конце XIX — начале XX в. (по материалам Орловской губернии) № 10
- Исмаиладзе П. Э. — Мужская одежда азербайджанцев в XIX — начале XX в. № 4
- Камынин В. Д., Храпцов А. Б. — Отчеты городских управ как источник информации о состоянии местного хозяйства № 7
- Квициани Д. — Модернизация и проблема государственно-территориального устройства Грузии в XX—XXI вв. № 12
- Кондратьев А. Г. — Португальский национал-синдикализм в борьбе за власть № 2
- Кретинин Г. В. — Военная карьера Ивана Абрамовича Ганнибала № 2
- Кудрявцев Н. В., Скипина И. В. — «Громкие дела» Тюменского губернского революционного трибунала № 12
- Лобченко Л. Н. — Соловецкая школа юнг и ее воспитанники 1942—1945 гг. № 5
- Любичанковский С. В. — Профессионально-педагогическая выставка 1898 г. и имперская политика аккультурации № 5
- Лютюв Л. Н. — Морально-политический аспект коллективизации (вторая половина 1920-х — 1930 г.) № 9
- Магарамов Ш. А., Магомедов Н. А. — Развитие морской торговли на Каспийском море в XVII в. № 9
- Мехтиев А. — Нефтяной фактор в истории Азербайджана № 10
- Москаленко Н. П. — Тувинская Народная Республика как фактор формирования новой тувинской идентичности № 2
- Неклюдов Е. Г. — Эволюция правовых условий развития горной промышленности в Царстве Польском № 5
- Никифоров Ю. С. — Попытка Ярославля потеснить Иваново в управлении Верхневолжским совнархозом № 6
- Поляков В. А. — К вопросу о количестве рабочих-двадцатипяти тысячников на Нижней Волге в 1930 г. № 6
- Попова О. Д. — Специфика ментальности советских граждан 1960-х гг. через призму продовольственного дефицита № 11
- Праздников А. Г. — Социальный состав участников битвы при Барнете 14 апреля 1471 г. № 5
- Репинецкий С. А. — Принятие революции: как российские либералы стали ее сторонниками № 8
- Рычков А. В. — Внедрение научных достижений в сельском хозяйстве Сибири в годы перестройки № 1
- Сафин Ф. Г., Халиулина А. И. — Формирование языковой политики в сфере школьного образования в Башкирии в 1920—1930-е гг. № 2
- Сефербеков Р. И., Халидова О. Б. — Влияние Октябрьской революции 1917 г. на хозяйство, быт и культуру народов Дагестана № 3
- Субботина А. М. — Борьба с пьянством на сельских выборах в России в 1890-е гг. № 7
- Тимкин Ю. Н. — «Дело» о разложении партийного руководства Вятского горрайкома ВКП(б) в 1933 г. № 3
- Третьяков М. В. — Деятельность магаданской отдельной авиагруппы (управления) гражданской авиации в 1966—1970 гг. № 10
- Фёдорова М. С., Холодова Л. П. — Изменение архитектурного облика военных госпиталей в России с 1707 г. № 9
- Филатов В. В. — Состав партийно-государственных кадров в системе управления уральским селом в конце 1920-х — 1930-х гг. № 12
- Халаев З. А. — Политические события XVI в. в Алазанской долине в исследованиях турецкого автора Ф. Кырзыюглу № 7
- Цимбаев Н. И., Цимбаева Е. Н. — Судьба княгини Волконской № 1
- Цориева И. Т. — Становление документального киноискусства на Северном Кавказе в 1940-х — 1960-х гг. № 1
- Чеджемов С. Р. — Взгляды К. Маркса на присоединение народов и территорий к Российской империи № 11
- Чжун Сечжин — Два аспекта Кавказской войны: генерал Ермолов и газават № 11
- Щавелёва М. Б. — Деятельность медицинских и благотворительных учреждений в Арзамасе в последней четверти XVIII — первой половине XIX в. № 7

ИЗ ИСТОРИИ РЕЛИГИЙ

- Акимов Ю. Г., Минкова К. В. — Переход в православие эмигрантов-униатов в США в 1891—1892 гг. и Святейший Синод РПЦ № 1

Андреев А.Н., Андреева Ю.С. — Католик Патрик Гордон и русское общество конца XVII столетия.....	№ 5
Багирова А.Р. — Деятельность шиитских улемов в Ираке в годы первой мировой войны.....	№ 2
Иванов А.А., Чемакин А.А. — Православное духовенство и русский национализм в начале XX в.....	№ 9
Каргапольцев С.Ю., Лапина И.Ю. — Сампсониевский собор Санкт-Петербурга в исследовательской практике прошлого и настоящего.....	№ 12
Кцоева С.Г. — Некоторые аспекты трансформации этнической религии осетин во второй половине XIX — начале XX в.....	№ 8
Маламагомедов Д.М. — Конфессиональные школы конца XIX — начала XX в. в городах Дагестанской области.....	№ 7
Машковцев А.А., Машковцева В.В. — Конфессиональная политика правительства Николая I в отношении старообрядцев и духовных христиан (по материалам Вятской губернии).....	№ 10
Мельник А.Г. — Религиозное влияние Соловецкого монастыря на Руси во второй половине XV—XVI в.....	№ 7
Хализов Ш.М., Шехмагомедов М.Г. — Распространение ислама в Анкратле и Цунте в XV—XVIII вв.....	№ 3

ИСТОРИОГРАФИЯ

Бехтерев С.Л., Бехтерева Л.Н. — Первая публикация об Ижевско-Воткинском восстании 1918 г.....	№ 9
Иванов А.С., Михалёв Н.А. — Этнические депортации населения СССР в современной зарубежной историографии.....	№ 10
Игнатов Н.М. — Историография принудительных миграций.....	№ 6

Квак Сонгвунг, Чжун Сечжин — Историография Кавказской войны с дореволюционного времени до 1990-х гг.....	№ 7
--	-----

РЕЦЕНЗИИ

Аббасов Э.М. — Гюнтер Леви. Армянский вопрос в Османской империи: мифы и реальность.....	№ 2
Арзаканян М.Ц. — И.А. Хормач. СССР в Лиге наций 1934—1939 гг.....	№ 6
Гаврилова С.М. — Россия и Италия. Итальянцы в России от Древней Руси до наших дней.....	№ 4
Голдин В.И., Паникар М.М. — Энциклопедия Баренцева региона.....	№ 1
Ермаков А.М. — Р.В. Долгилевич. Советская дипломатия и Западный Берлин (1965—1969 гг.)...	№ 2
Зуева К.П. — М.Ц. Арзаканян. Де Голль. Издание второе, исправленное и дополненное.....	№ 7
Кислицын С.А. — А.Л. Худобородов, М.А. Яшина. Российское казачество на чужбине. 1920—1940-е гг.....	№ 6
Кодин Е.В. — Эндриу Слоин. Еврейская революция в Белоруссии: экономика, раса и большевистская власть.....	№ 7
Кунц Е.В. — Л.Ю. Посохова. Православные коллегии на пересечении культур, традиций, эпох (конец XVII — начало XIX в.....	№ 11
Ластовский Г. — И.Б. Бабулин. Смоленский поход и битва при Шепелевичах 1654 года.....	№ 11
Минкова К.В., Ткаченко С.Л. — Дж.П. Гасанлы. Советская политика по расширению южных границ: Сталин и азербайджанская карта в борьбе за нефть (1939—1945).....	№ 8
Серебренников С.В. — А.Л. Кузьминых. Военный плен и интернирование в СССР (1939—1956 годы). Монография.....	№ 2
Сиротинская М.М. — Т.В. Алентьева. Роль общественного мнения в «джексоновскую эпоху» в США.....	№ 2
Алфавитный указатель материалов, опубликованных в журнале в 2018 году.....	№ 1 2019

Contents

The political archives of the Twentieth century: **P.A. Iskenderov**. Chronicle of the Great Victory (1941—1945). Articles: **I.F. Vereshchagin**, **T.S. Minaeva**, **M.S. Molodtsova**. Change of the legal status of subjects of trade activity as a factor of market development in the Russian North in the first quarter of the 18th century. Historical publicistics: **D.N. Konyshev**. N.S. Khrushchev, s agrarian reforms: attempt of conceptual judgement. Contributions: **N.V. Grekov**. Recruitment and use of an agency of the opponent by counter-intelligence of Red Army in 1941—1945; **B.R. Zoriktuev**. Tribes Tele and the problem of ethnogenesis of Barguts. International scientific cooperation: **P. Moraru**. From the history of the Romanian Siguranta in Bessarabia (1918—1940). History and fates: **Yu. V. Krivosheev**. Historian A.I. Yakovlev and tsarist generales (A.A. Brusilov, L.G. Kornilov, A.I. Denikin). For teacher of history: **D.S. Dudarev**, **S.L. Dudarev**. Officer of the General Staff F.F. Tornau in the highlanders captivity. People. Events. Facts: **V.D. Kamynin**, **A.B. Khramtsov**. Protocols of meetings of city self-government as historical sources (in Western Siberia 1870—1890); **A.A. Zhurtova**, **A.A. Konovalov**. North Caucasus intellectual elite's approach to the Russo-Highland cooperation in XIX as well as at the beginning of the XX centuries; **Z.Z. Kuzeeva**. Traditional costume of Nogai women of North Caucasus of the XIX — early XX centuries. Historiography: **A.V. Zotova**, **S.N. Poltorak**. To the 100th anniversary of Brest-Lityuanian treaty: foreign sources. Revolution-100: reconstruction of the jubilee (by O.V. Belousova); A.V. Ermoshin. Law of God in pre-revolutionary secular school system: religious teaching in secondary schools in Kazan educational district (by T.A. Magsumov). **Index of articles published in 2018**.

Учредитель: Искендеров Пётр Ахмедович

Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати 11 сентября 1996 г.

Регистрационный номер № 894

Главный редактор П.А ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:

**М.Ц. Арзаканян, Б.Д. Гальперина, Г.А. Гребенщикова, В.Г. Кикнадзе, М.А. Лагода,
Р.Г. Ланда, Е.П. Лебедева, Е.А. Мельникова, З.И. Перегудова, В.В. Поликарпов,
О.А. Ржешевский, А.Н. Цамутали, В.Л. Янин**

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией, ссылка на «Вопросы истории» обязательна

Присланные материалы после рецензирования не возвращаются

Редакция не имеет возможности вступать в переписку

Мнение редакции может не совпадать с позицией авторов опубликованных материалов

«Вопросы истории» № 1, 2019

Адрес: Журнал «Вопросы истории».

Селезнёвская улица, дом 11А, строение 2, 7-й этаж, офис 14, Москва, 127473.

Телефоны: (495) 741-65-18, (495) 741-65-17. E-mail: 095history@mail.ru

Оригинал-макет номера подготовлен в редакции

Подписано в печать 25.12.2018. Формат 70x1081/16. Бумага газетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 15,4. Уч-изд. л. 18,00. Тираж 900. Заказ 6140-2018. Индекс 70145.

Цена свободная.

ООО Журнал «Вопросы истории»

Дорогие читатели!

**Подписку на журнал «Вопросы истории»
можно оформить
в любом почтовом отделении
Российской Федерации:**

**по Объединенному каталогу «Пресса России»
на первое полугодие 2019 г., т. 1.**

**Подписка проводится
Агентством «АрЗи»**

**Подписной индекс для подписчиков
70145**

ВИ
**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**